

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

Факультет педагогики, психологии и социальных наук
(ФППиСН)
Кафедра «Теория и практика социальной работы»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ГУМАНИТАРНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОГО СОЦИУМА

Сборник научных статей
по материалам научно-практической конференции
«XVIII Социологические чтения»

Под редакцией
кандидата философских наук, доцента *Т. И. Лавреновой*

Пенза
Издательство ПГУ
2018

УДК 316
С56

С56 **Современные технологии в социальной сфере: гуманитарные проблемы цифрового социума** : сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф. «XVIII Социологические чтения» / под ред. к.филос.н., доцента Т. И. Лавреновой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. – 134 с.

ISBN 978-5-907102-85-9

В сборник включены материалы научно-практической конференции «XVIII Социологические чтения», проведённой 14 ноября 2018 г. на факультете педагогики, психологии и социальных наук ПГУ; представлены результаты научных исследований актуальных проблем социальной философии, теоретической и прикладной социологии, теории и практики социальной работы, педагогики и психологии.

Издание адресовано учёным, преподавателям вузов, обучающимся и всем интересующимся проблемами социально-гуманитарных наук.

УДК 316

*Приказ
о подготовке и проведении научно-практической конференции
«Современные технологии в социальной сфере: гуманитарные проблемы
цифрового социума» («XVIII Социологические чтения»)
№ 1014/о от 09.11.2018*

ISBN 978-5-907102-85-9

© Пензенский государственный
университет, 2018

Содержание

Раздел I. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ	6
<i>Тугаров А. Б., Шевцова Э. А.</i> ПРОБЛЕМА ПРЕВЕНЦИИ, СОЦИАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ (ИЛИ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Н. И. ПИРОГОВА)	6
<i>Лавренова Т. И.</i> ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.....	13
<i>Очкина А. В.</i> ДОМИНИРУЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ.....	18
<i>Мясников А. Г.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ АУТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ.....	24
<i>Синев Е. Н.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	27
<i>Викторова Е. В.</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ КАК ИМПРЕССИНГ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	31
<i>Козина Г. Ю., Хакимова Э. А.</i> СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫМИ ЛЮДЬМИ	36
<i>Дудина А. Н.</i> ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ЦИФРОВОМ СОЦИУМЕ.....	42
<i>Кузнецов М. В.</i> ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ЦИФРОВОГО СОЦИУМА: СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	46
<i>Бадаева Е. Р., Лапин А. Д.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	52
<i>Курдина Л. С.</i> РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ	57
<i>Кузнецова Т. Н.</i> ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ.....	61

<i>Полуянова А. Н.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИЗОТЕРАПИИ В ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ	67
<i>Каравайкина О. Д.</i> СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЁННЫХ.....	71
<i>Снадина Е. Н.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА АРТ-ТЕРАПИИ В СОЦИАЛЬНУЮ РАБОТУ С ДЕТЬМИ «ГРУППЫ РИСКА»	77
Раздел II. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	83
<i>Бобровцева Т. М.</i> МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ УРОКОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ	83
<i>Бузыкина Ю. С.</i> СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ «Я-КОНЦЕПЦИИ» ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ.....	87
<i>Груздова О. Г.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.....	92
<i>Стенякова Н. Е., Терехина Т. А.</i> ОСОБЕННОСТИ СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	95
<i>Голоус Е. А.</i> РОЛЬ МУЛЬТФИЛЬМОВ В РАЗВИТИИ НРАВСТВЕННЫХ УСТАНОВОК ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	99
<i>Гордеева В. В., Черенкова В. Д.</i> РОЛЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СКАЗОК В ФОРМИРОВАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	103
<i>Медведева И. А., Богомолова И. В.</i> СУПРУЖЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЖЕНЩИН КАК ПРЕДИКТОР ИХ РОДИТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ	107
<i>Стенякова Н. Е., Давыдова Г. Р.</i> ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ В ГРУППЕ ДЕТСКОГО САДА	112
<i>Бухлина Л. Ю., Хромова О. С.</i> ГЕНДЕРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОБ ИДЕАЛЬНЫХ ОБРАЗАХ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ	117

<i>Журавлева М. В., Щебельская И. А.</i> ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К БЫСТРОМУ РАЗВИТИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО СОЦИУМА.....	121
<i>Памфилова С. А., Савина Е. А.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	125
Сведения об авторах	131

РАЗДЕЛ I

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 101.1

ПРОБЛЕМА ПРЕВЕНЦИИ, СОЦИАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ (ИЛИ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Н. И. ПИРОГОВА)

А. Б. Тугаров, Э. А. Шевцова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрено социально-философское исследование социальных проблем формирования цифрового общества в России – проблема социальной превенции, проблема трансформации социального и социальности в условиях информационного общества. Показано, что взаимосвязь превенции, социального и социальности может быть исследована как одна из проблем цифрового общества.

Ключевые слова: социальная превенция, социальная реальность, социальность, информационное общество.

THE PROBLEM OF PREVENTION, SOCIAL AND SOCIALITY IN THE DIGITAL SOCIETY (OR ON THE ACTUALITY OF NI PIROGOV'S PHILOSOPHICAL VIEWS)

A. B. Tugarov, E. A. Shevtsova

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the social and philosophical study of the social problems of forming a digital society in Russia - the problem of social prevention, the problem of transforming social and sociality in the conditions of the information society. The authors show that the relationship of prevention, social and social can be investigated as one of the problems of digital society.

Key words: social prevention, social reality, sociality, information society.

Научный интерес к социокультурным проблемам становления и развития цифрового общества во многом определяется сформировавшимся мнением о том, что в современном мире происходит «вторая промышленная революция», которую иногда называют «информационной, электронно-цифровой или компьютерной», и

которая коренным образом изменяет способы производства материальной продукции и технологии оказания социальных услуг.

Не меньший интерес исследователей вызывают проблемы социальных последствий такой «цифровой революции», прежде всего, потому, что компьютерно-информационные технические средства и технологии формируют в настоящее время систему «сетевых общественных отношений» как опосредованных ими отношений между конкретными людьми и социальными группами.

Представляется перспективным выявление как позитивного, так и негативного воздействия информационного (цифрового) общества на социальное бытие современного человека. Такое общество потенциально предоставляет больше возможностей для развития индивида и самореализации личности, её способностей и качеств, но при этом объективно снижает мотивацию к генерированию новых систем знаний; усложняет механизм процесса принятия практических решений в социальной сфере, существенно трансформирует механизмы и формы социализации личности.

Наиболее радикальным с точки зрения исследования социальных проблем цифрового общества представляется мнение о том, что в недалекой перспективе человечество ждёт «преодоление господства экономических факторов над социальными», поскольку человек с его интеллектом, знаниями и навыками «становится центром новой, цифровой экономики», а «основной формой роста» становится развитие интеллектуальных способностей, развитие человеческого капитала [1, 124].

При всей дискуссионности такой точки зрения она позволяет с позиций социально-философского подхода обозначить основные моменты исследования проблемы превенции, социального и социальнойности в цифровом обществе. В этой связи допустим небольшой историко-философский экскурс. Осмысление появлявшихся социальных инноваций всегда было одним из направлений социально-философских исследований. Русский учёный, мыслитель, педагог Николай Иванович Пирогов на рубеже 70–80-х годов XIX века отмечал, что «вообще наш смысл, а вместе с ним все наши мировоззрения подчиняются закону периодичности, играющей в нашей, как и во всей мировой, жизни важную роль» [2, 36].

Такая периодичность обнаруживает себя и при исследовании социальных проблем современного состояния информатизации общественной жизни. Так, следует исходить из того, что через содержание одних ключевых признаков информационного (цифрового) общества (виртуализация производства, трансформация отношений

между изготовителем и производителем, широкое и разнообразное применение Интернета, цифровая форма представления объектов и др.) проявляется проблема превенции в её социально-философском измерении, а через содержание других ключевых признаков (ориентация на знания, инновационная природа развития, интеграция и глобализация, конвергенция и динамизм) – проблема социального и социальности.

Проблема превенции в целом и социальной превенции в цифровом обществе в частности становится прямым следствием усложнения в нём процессов социализации и адаптации человека. Основным «вызовом» такого общества становится требование к человеку быть постоянно готовым к перемене видов профессиональной деятельности, обладать высокой социальной и социокультурной мобильностью.

Практика цифрового общества формируется так, что индивид будет всё чаще перекладывать функцию принятия профессиональных и иных решений на технические системы, чтобы в известной мере обосновать, таким образом, свой уход от ответственности за последствия таких решений. Он будет уделять больше внимания формированию представлений и освоению навыков социального взаимодействия в виртуальном пространстве, что может привести, в конечном счёте, к потере практических способностей реального социального взаимодействия и способствовать развитию социальной изоляции.

Проблемы становления цифрового общества определяют интерес к превенции именно потому, что социальная превенция, являясь одним из видов превенции в обществе, выступает как предупреждение, своевременное устранение причин возможной социальной аномии, т.е. предупреждение возникновения социальных проблем цифрового общества. Кроме того, социальная превенция выступает как деятельность, направленная на улучшение социального благополучия индивидов, на основе опыта организации и устройства общественной жизни, традиций поддержания социальной стабильности, соблюдения социальных норм и правил [3, 126].

Философия социальных ценностей, к которым следует отнести преимущества цифровой экономики и социальные блага цифрового общества, предполагает определение того основания, которое может и должно детерминировать стабильность функционирования и единство социальных связей в цифровом обществе на каждой ступени его развития. Таковую роль регулятора социальных процес-

сов в цифровом обществе способна исполнить социальная превенция, поскольку она может стать и направлением развития процессов социальной взаимопомощи, и индикатором конкретно-исторического уровня солидарности в обществе [4, 175].

Мы считаем, что проявления превентивности в социальной сфере следует рассматривать как ещё один ключевой признак информационного (цифрового) общества, поскольку отсутствие в обществе целеориентированных, технологически-оформленных превентивных действий ведёт в тенденции к негативным последствиям в социальной жизни общества, односторонне проявляя в нём деструктивные аспекты проблемы социального и социальности.

На возможность такого сценария общественного развития обращает внимание В. Г. Федотова, отмечая, что в истории были периоды, когда «общество осуществляло адаптацию, приспособление ради обогащения или ради выживания». В результате, социальное, объединяющее все уровни общественной структуры в некоторую целостность, «было предельно сужено адаптацией» [5, 9].

В. Г. Федотова определяет состояние современного общества как «переход от господства традиций к господству инноваций с вытекающими отсюда коренными переменами в большинстве сфер жизни» [5, 3]. В свою очередь изменения в современном обществе, технологические новшества требуют «менеджмента социальных трансформаций, социальных инноваций и технологий, направленных на решение возникающих при этом проблем» [5, 6].

По мнению В. Г. Федотовой самым мощным фактором социальных инноваций стал Интернет, «вовлекший миллионы людей в отношения, не подчиняющиеся имеющимся иерархиям и дающий возможности, как для общения, творческого проявления, так и для анархического неупорядоченного существования в виртуальном мире» [5, 8].

Более того, проблема превенции в цифровом обществе проявляет себя в связи с тем, что, как считает В. Г. Федотова, «Интернет становится сферой особого рода свободы, преобразующей и моделирующей новые формы социальности». По её мнению, «взаимодействие людей в сети в реальном времени оценивается как социальный капитал, как преодоление отчуждения и обретение групповой идентичности, влияющее на самосознание людей» [5, 11].

Позднее В. Г. Федотова, В. А. Колпаков и Н. Н. Федотова обосновали идею взаимосвязи «развития телекоммуникационных и интернет технологий в самом конце XX века» и появления «меня-

ющейся социальности», связанной с «формами изменения материальной жизни», в частности, с «непосредственным участием кастомеров, как их называют на Западе, в создании производимых для них же товаров или услуг» [6, 8].

К таким изменениям названные авторы относят «когнитивность», которая становится «общей рамкой производства» и «содержит многие варианты». По их мнению, появилось «общество знания, создавшее экономику знания, основанное на технологическом применении фундаментальных наук», и получившее название «когнитивный капитализм» [6, 8].

Следует отметить, что такой подход отечественных учёных к роли знания в современном обществе нашёл своё подтверждение в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в которой понятие «информационное общество» сформулировано следующим образом: это «постиндустриальное общество, новая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и её высшая форма – знания» [7].

Аналогом современных научных взглядов на феномен когнитивности в обществе оказываются философские взгляды Н. И. Пирогова на соотношение знания и веры в процессе познания. Он писал: «Сомнение – вот основа знания. ... Безусловное доверие к избранному идеалу – вот начало веры. ... Способность познавать, основанная на сомнении, не допускает веры; но вера не стесняется знанием и идёт своим путем. Идеал, служащий основанием веры, даже абсурдный, не допуская и тени сомнения, становится выше всякого знания и, помимо его, стремится к достижению истины» [2, 138].

Мы считаем, что для исследования социальных проблем цифрового общества методологическое значение имеют выводы, к которым пришли В. Г. Федотова, В. А. Колпаков и Н. Н. Федотова: 1) «вопрос о меняющейся социальности затрагивает не какие-то отдельные изменения обществ, а формы бытия людей, их непосредственной жизни»; 2) «величиной, которая создает огромное число социальных трансформаций, является глобализация, представляющая и сама по себе главную социальную трансформацию» [6, 14].

Эти выводы, становясь методологическим аспектом исследования социальных проблем цифрового общества, позволяют обратиться к вопросу изучения особенностей и характеристик процесса создания новой технологической основы не только в экономике, но

и в социальной сфере. В свою очередь, исследование может быть направлено на понимание того, как новые технологии меняют базовые принципы экономики и общественных отношений, способствуют формированию новой социальной реальности.

Актуальность философских взглядов Н. И. Пирогова проявляет себя при рассмотрении двух аспектов проблемы превенции, социального и социальности в цифровом обществе – вопроса о субъектах цифрового общества и вопроса о культуре и общественных ценностях цифрового общества как вопроса о формировании и развитии новых цифровых ценностей и культуры при сохранении традиционных, общественных, национальных ценностей и культуры [7].

Общим посылом к философскому осмыслению принципов построения цифрового общества становится идея развития цифровых компетенций субъектов. В этой связи не утратила своей актуальности критика Н. И. Пироговым, преобладавшего в то время способа обучения и воспитания.

Он писал: «Я не отвергаю, что Песталоцци, Фребель и другие передовые педагоги и фанатики своего дела дали хорошее воспитание своим питомцам; но не верю, чтобы искусственные способы и систематическое их применение, предложенные этими педагогами, произвели благотворное действие на массы людей и на всё общество» [2, 105].

Исследование вопроса о субъектах цифрового общества основано на понимании того, что общество в процессе перехода в цифровую фазу своего развития приобретает черты «субъектоцентричности» (т.е. в фокусе внимания научной теории и практики цифрового общества находится субъект, индивид, а не обезличенное государство), и оценивает субъектов общества, индивидов выше, чем технологии и инфраструктуру [1, 120].

Особое место в этой «субъектоцентричности цифрового общества» принадлежит молодёжи, которая, с одной стороны, является активным проводником технологических инноваций, с другой – максимально подвержена их влиянию. Об этой противоречивости молодёжи в восприятии социальных инноваций писал Н. И. Пирогов: «Молодость легко устраняет нравственные затруднения и мирит противоречия в себе. ... Ах, как это трудно решить для человека, преданного своему искусству всею душою, когда вся цель этого искусства состоит в лечении и облегчении людских страданий!» [2, 391].

Современные исследователи социальных проблем цифрового общества обращают внимание на то, что «в ходе цифровой транс-

формации появляется определённая опасность утраты национальной самобытности, своей культуры, языка и т.п., в том числе из-за того, что посредством цифровых технологий происходит навязывание всему обществу английского языка, вкусов и потребительских предпочтений, в которых заинтересованы отдельные глобальные игроки и платформенные компании» [1, 124].

По этому поводу следует отметить, что по-прежнему актуальны сомнения Н. И. Пирогова в целесообразности широко использования детьми иностранного языка в ущерб родному языку.

Он писал: «Говорить детям и не детям одной народности между собою на иностранном языке без всякой необходимости, для какого-то бесцельного упражнения для упражнения, – это, по моему, верх нелепости и, главное, нелепости вредной, мешающей развитию и мысли, и отечественного языка. ... Мыслить на двух и трёх языках, и даже мыслить на винегрете из трёх языков, каждому из нас возможно; но, чтобы мыслить всесторонне, ясно и отчетливо на чужом языке, нужно знать его с пелёнок, точно так же, как свой родной, и, пожалуй, лучше своего, или же изучить этот чужой язык глубоко, как изучит его тот, кто видит в нём единственное средство к приобретению какого-нибудь знания или к достижению какой-либо цели жизни» [2, 117].

Таким образом, проблема превенции, социального и социальнойности в цифровом обществе проявляет себя в понимании необходимости соблюдать баланс между новым качеством жизни, возможностями, привносимыми цифровыми технологиями, и ценностными ориентациями общества.

Перспектива решения этой проблемы открывается за счёт содействия формированию «новой цифровой национальной культуры» и укреплению духовных ценностей общества, а также активного неприятия навязываемой извне культуры потребления [1, 125].

Библиографический список

1. Агеев, А. И. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение / А. И. Агеев, М. А. Аверьянов, М. А. Евтушенко, Е. Ю. Кочетова // Экономические стратегии. – 2017. – № 1. – С. 114–125.

2. Пирогов, Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача / сост. А. Д. Тюриков. – Иваново, 2008. – 427 с.

3. Тугаров, А. Б. Идея социальной превенции как философский феномен / А. Б. Тугаров, Э. А. Шевцова // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 4-1 (28). – С. 122–137.

4. Тугаров, А. Б. Философия социальных ценностей: единство солидарности, взаимопомощи и социальной превенции / А. Б. Тугаров, А. В. Очкина, Т. А. Николаева, Э. А. Шевцова // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 1-2. – С. 172–182.

5. Федотова, В. Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 3–16.

6. Федотова, В. Г. Меняющаяся социальность: будущее капитализма / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 3–15.

7. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf>

УДК 316.42

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Т. И. Лавренова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрена проблема влияния информационных технологий на социальную жизнь; дан анализ изменений социальной реальности: форм организации деятельности, характеристик коммуникации, форм общественных отношений. Особое внимание уделено психологическим последствиям данных изменений. Обозначен круг вопросов, связанных с внедрением информационных технологий для различных областей деятельности: образования и воспитания, сферы организации досуга, социальной работы.

Ключевые слова: социальная реальность, информатизация, информационные технологии.

INFORMATIZATION OF SOCIAL LIFE: HUMANITARIAN ASPECTS

T. I. Lavrenova

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of information technologies on social life, the analysis of changes in social reality: forms of organization of activities, characteristics of communication, forms of social rela-

tions. Special attention is paid to the psychological consequences of these changes. The range of issues associated with the implementation of information technologies for various areas of activity: education and training, the sphere of leisure, social work.

Key words: social reality, informatization, information technology.

Информатизация, как явление, ассоциируется у широкой аудитории, прежде всего, с развитием и распространением информационных технологий, с техническим аспектом этого процесса. Однако, влияние этих технологий на общественную жизнь столь масштабно, что можно говорить об информатизации самой социальной жизни. Под влиянием информационных технологий стремительно меняется социальное бытие. Цифровые технологии проникают во все сферы жизни, меняя содержание и формы деятельности человека, расширяя её границы и повышая эффективность. Для социальной философии, социологии, антропологии, этики, психологии и других областей социально-гуманитарного знания возникают все новые и новые задачи целенаправленного изучения этих процессов и их последствий для социума и человека. Мы являемся свидетелями изменения социальной реальности. Каким будет общество в ближайшем и отдаленном будущем? Чтобы понять это, надо осознать, что уже произошло и что происходит в настоящем, однако интенсивность развития цифровых технологий и степень их влияния на общество обратно пропорциональны скорости осмысления и научного изучения новой реальности.

Одним из самых значимых факторов изменений в социальной жизни следует признать существование виртуальной среды. Напомним, что английское прилагательное «*virtyal*» имеет три основных значения: 1) фактический, действительный; 2) возможный, предполагаемый; 3) мнимый. В русском языке мы до сих пор используем слово «виртуальный», когда хотим подчеркнуть или обозначить неподлинность, искусственность чего-то, т.е. исключительно в третьем варианте, в то время как виртуальный мир, виртуальная среда являются частью социальной жизни, они настолько реальны и подлинны, насколько реальна сама жизнь.

Остановимся на самых очевидных изменениях социальной жизни.

1. Изменение *форм организации деятельности* – можно не перемещаться в физическом пространстве для работы, для получения товаров и услуг, для развлечений и общения. Работа – в Интернете, товары и услуги – в интернет-магазинах и на сайтах, не говоря

о книгах, фильмах, музыке и других средствах удовлетворения культурных потребностей. На наших глазах меняется структура рынка труда, исчезают привычные профессии, появляются новые. Меняются формы и содержание самой профессиональной деятельности: дистанционное консультирование в медицине; управление комбайном с помощью компьютера; парикмахер, предлагающий клиенту выбрать стрижку с помощью компьютерной программы; «научные» роты в армии; работа с документами в самых разных службах, объединенных в так называемые «многофункциональные центры» и т. д. Наверняка будет расширяться такой сегмент рынка труда, как «самозанятые», причем именно за счет «фрилансеров», работающих дистанционно. Сегодняшнее представление об этом виде деятельности, связанное с выполнением работы на дому, явно ложное, уже совсем необязательно для этого быть привязанным к определенному месту. Работу можно выполнять там, где удобно.

Возможно, мы приближаемся к такой ситуации, когда в определенных видах деятельности станет незачем собирать работников в определенном месте по строго установленному графику.

2. Изменение *коммуникативных практик*. По сравнению с привычным, а значит, непосредственным и личным общением, изменились формы, интенсивность и частота контактов. И в деловом, и в личном общении виртуальное взаимодействие между людьми происходит не просто чаще, чем непосредственное, но заменяет и даже вытесняет его.

Прежние модели поведения исчезают на глазах. Совсем недавно типичной была такая ситуация, когда звонок по телефону в течение дня даже самым близким людям был совершенно не ожидаемым и не обязательным. Для многих такой звонок был связан с какой-то экстренной ситуацией, с чем-то важным и неотложным, а потому мог вызывать тревогу и беспокойство. Сегодня эти эмоции возникают по совершенно противоположной причине – если таких звонков нет. Наличие технической возможности «быть на связи» породило привычку пользоваться этой связью при каждой возможности, независимо от того, есть ли какая-то новая информация для собеседника или нет. Кстати говоря, при таких условиях возникло новое противоречие – между возможностью и желанием быть доступным постоянно.

3. Особо следует сказать о тех изменениях, которые связаны с *восприятием партнера по общению*. Конечно, если мы общаемся со знакомым человеком по телефону или используем скайп, наше восприятие собеседника мало отличается от того, которое возника-

ет при физическом контакте. В этом случае мы точно знаем, с кем мы общаемся. Но во многих других случаях использования коммуникативных технологий это совершенно не очевидно. Намеренно или вынужденно человек может сохранять неизвестными свои реальные качества и характеристики: от внешности до социального статуса. А, значит, неизвестно, общаешься ты с реальным персонажем или с тем образом, который он сконструировал (возможно, один человек использует несколько таких образов). Соответственно, постоянным в таком общении становится вопрос о том, насколько можно быть уверенным, что твой партнер – это конкретный индивид и его суждения подлинны, или вы имеете дело с имитацией оценок и эмоций, принадлежащих образу. От степени уверенности прямо зависит мотивация к общению – не каждый может его продолжать, допуская возможность обмана. Все же в «живом» общении сложнее спрятаться за стереотипные или символические формы выражения своего мнения. Для поколения «экранной культуры» крайне важной становится задача формирования и развития коммуникативных умений и навыков в непосредственном межличностном взаимодействии; обретение опыта общения с живыми людьми, способности распознавать психологическое содержание ситуации, состояние партнера, развивать собственный арсенал средств общения.

4. Невозможно обойти вниманием и такое очевидное изменение, как *резкое возрастание возможностей контроля над индивидом*. Мобильные устройства, телевизоры нового поколения, бесчисленное множество web-камер – все это создает технические условия для получения информации о жизни людей, причем, без их согласия. Запросы в поисковых системах, оплата товаров и услуг по картам делают нашу жизнь прозрачной: мотивы, интересы, предпочтения, круг общения, вкусы – что едим, что носим, где отдыхаем, какую музыку слушаем и т.д. А человеческое тщеславие щедро дополняет эти возможности: многие пользователи социальных сетей готовы разместить о себе любую информацию, лишь бы на них обратили внимание. Нет необходимости объяснять, что сама возможность получения персональной информации не означает ее обязательного использования во вред человеку, однако и гарантировать, что такой соблазн не возникнет, нельзя.

Развитие информационных технологий принесло очевидные социальные блага, жизнь становится более удобной. Однако самые лучшие достижения легко могут перейти в средства преступления в зависимости от того, в чьих руках они оказываются.

5. Изменение *содержания и форм социализационных процессов*. Медиа-сфера уже превратилась в фактор социализации. Пожалуй, это самое очевидное и доступное для наблюдения обывателя изменение, когда невозможно не заметить, что дети стали проводить все больше времени перед экранами разного формата. В какой степени будет на них влиять та информация, с которой они сталкиваются, в значительной мере зависит от ближайшего окружения, в первую очередь от родителей. Но родители не всегда адекватно оценивают ситуацию, либо все разрешая и не контролируя контент ребенка, либо жестко ограничивают или запрещают использование виртуальных практик, если это не связано, например, с учебой.

Необходимо предметно изучать эти процессы и вырабатывать обоснованные рекомендации для всех, кто имеет отношение к обучению и воспитанию детей. Так, например, необходимо установить, следует ли ориентироваться на какие-то параметры оптимального соотношения времени пребывания детей разного возраста в виртуальной и реальной среде. Какое влияние может иметь длительное сосредоточение на «экранном» источнике информации на организм? Способствует ли это развитию интеллекта или ограничивает человека? Как поступать молодым родителям в отношении своих детей, – с какого возраста они должны приобщать ребенка к «экранной» культуре? Или все эти вопросы уже устарели, так и не получив объяснения? Похоже на то, что альтернативы просто нет, и текущая задача педагогической науки и практики заключается в приспособлении к новой цифровой реальности. Все богатство культурного наследия неизбежно «оцифруется», поэтому педагог, учитель, воспитатель вынужден будет все глубже погружаться в решение этих проблем. Конечно, сегодня многим трудно согласиться с тем, что цифровые носители информации могут стать более востребованными, чем бумажные (можно предположить, что писавшие на глиняных досках примерно так же могли воспринимать использование папируса). Тем не менее, скорее всего, так и будет, и причины этого самые утилитарные: цифровые носители удобнее в использовании. Никто не будет спорить, что удобно и приятно иметь возможность в любое время и в любом месте почитать ребенку любимую сказку или показать мультфильм. А вопрос содержания информации, – о чем мультфильм и какие смыслы заложены в сказке, – это вопрос педагогической компетентности родителя, воспитателя, педагога.

Мы остановились лишь на некоторых изменениях, происходящих в обществе в результате развития и внедрения в практику

информационных технологий. Очевидно, что влияние информатизации на социальную жизнь требует не только разностороннего теоретического осмысления, но и оперативного реагирования на уже существующую ситуацию в различных областях практической деятельности.

Библиографический список

1. Абдеев, Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М. : ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Дугин, А. Г. Обществоведение для граждан Новой России / А. Г. Дугин. – М. : Евразийское Движение, 2007. – 784 с.
3. Иконникова, Г. И. Цивилизационный сдвиг – действительность или возможность? / Г. И. Иконникова, Н. И. Иконникова. – М. : ФОРУМ, 2009. – 320 с.

УДК 316.422

ДОМИНИРУЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

А. В. Очкина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрена проблема трансформации системы образования в соответствии с требованием современной эпохи. Подчеркнуто, что направление и содержание текущей образовательной реформы не соответствуют тем профессиональным и жизненным задачам и проблемам, которые должен решать современный человек. Обязательными требованиями к современному образованию являются комплексность, фундаментальность, сильный воспитательный компонент. Вместо этого реформа предлагает системе образования фрагментарность знания, зависимость от текущей рыночной конкуренции, специализацию, не подкрепленную фундаментальными прочными знаниями.

Ключевые слова: реформа образования, современное общество, социальные изменения.

DOMINATING TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION AND THE CHALLENGES OF THE MODERNITY

A. V. Ochkina

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the problem of transformation of the education system in accordance with the requirements of the modern era. The author emphasizes that the direction and content of the current educational reform does not correspond to the professional and life goals and problems that modern people must solve. Mandatory requirements for modern education is a comprehensive, fundamental, strong educational component. Instead, the reform offers the education system a fragmentary knowledge, dependence on current market competition, a specialization that is not supported by fundamental, solid knowledge.

Key words: education reform, modern society, social change.

Необходимость реформы образования, начавшейся в России ещё в «нулевых» и не завершившейся до сих пор, чаще всего обосновывается неадекватностью советской системы образования потребностям сегодняшнего дня. Социальные изменения, их глубина и динамизм, их влияние на все стороны общественной и индивидуальной жизни стали самым популярным предметом исследования философов, социологов, культурологов, психологов и других исследователей в области социально-гуманитарного знания. И самым частым аргументом в пользу реформы образования.

Между тем в тех случаях, когда речь идёт о необходимости и содержании образовательных реформ, российские исследователи пишут о двух аспектах социальных изменений – развитии рыночных отношений и наступлении «цифровой, информационной эпохи».

Соответственно формируются и направления реформирования содержания и организации образования. Во-первых, к системе образования сегодня предъявляются более жёсткие требования с точки зрения того, что можно назвать «рыночной адекватностью». Имеются в виду и требования конкурентоспособности, которые предъявляются сегодня к учреждениям высшего образования, и вменённые вузам обязанности отвечать за трудоустройство выпускников, привлекать самостоятельно средства на ведение научно-исследовательских работ. Таким образом стимулируется конкуренция в сфере образования, формируются по сути рыночные модели поведения вузов как коллективных субъектов образовательного процесса. Во-вторых, делаются попытки преобразования содержания образования для его большей профессиональной и практической ориентированности. И, в-третьих, Министерство труда и социальной защиты разрабатывает профессиональные стандарты, к которым, по мысли реформаторов, должны быть привязаны образовательные стандарты.

Базовая идея – преобразовать процесс образования в «предоставление образовательных услуг», привязав его к потребностям рынка, в том числе рынка труда, причем не стратегическим, а тактическим, текущим.

Вызовы информационной эпохи, потребности цифровой экономики также стимулируют определенные шаги реформаторов образования. Тотальная компьютеризация вузов, жёсткие требования использования информационных технологий в образовательном процессе, распространение дистанционных средств обучения – это ответ реформаторов образования на вызов информационной эры.

Сегодня много критики в адрес процессов в сфере образования, тезис о снижении его качества постоянно повторяется экспертами, участниками общественных дискуссий, представителями академического сообщества, студентами. Обычный ответ реформаторов на критику – наличие консервативных, инерционных элементов в системе, которые сопротивляются изменениям, необходимо более интенсивно и последовательно продолжать реализацию выбранной стратегии, и образование, наконец-то, станет адекватным потребностям времени.

Однако разумно было бы, оценивая текущую реформу образования, понять более предметно и детально содержание запросов эпохи, тех вызовов, на которые должна сегодня отвечать вузовская система.

Прежде всего, глубина и интенсивность социальных изменений – не эксклюзивный маркер нашего времени. В истории гораздо труднее найти спокойные, вялотекущие этапы, чем периоды бурных и глубоких общественных изменений. И в «застойное» Средневековье люди сталкивались с глубочайшими, радикальными переменами в общественной жизни. Возьмём, например, 15 век Европе. На протяжении нескольких десятков лет жизни люди пережили рождение книгопечатания, географические открытия, раскол католической церкви, гуситские войны, столетнюю войну, гибель империй и перераспределение власти на огромных территориях. Трудно предположить, что подобные события не отражались на жизни людей, не меняли радикально их судьбы, не затрагивали их представления о мире, систему ценностей. Любой век человеческой истории в любой части света даст нам целый перечень подобных радикальных перемен.

Уникальной особенностью нашего времени является не глубина и интенсивность изменений, а их масштаб, причем не политический или географический, а социальный. Социальные изменения, начавшиеся в XX веке и интенсифицировавшиеся с приходом

нашего столетия, затронули огромные массы людей, все социальные слои, перетряхнули и радикально изменили социальную структуру множества национальных обществ, изменили конфигурацию миросистемы. Кроме того, невиданный социальный масштаб изменений выражается и в том, что они затрагивают все без исключения стороны общественной и индивидуальной жизни. Более того, социальные процессы, опосредующие изменения в современных обществах, приводят к дифференцированным социальным последствиям, создавая множественные направления новых изменений, формируя новые социальные группы, сообщества и субкультуры с различными, порой противоположными, ценностями, потребностями и интересами.

Современное общество предъявляет всё больше и больше требований к индивиду, его самодостаточности, к его умению делать собственный выбор, ориентируясь на свои способности и объективные обстоятельства, а не на «подсказки» вроде семейных традиций и предписаний устойчивого статуса. Одиночка сегодня не является маргиналом, более того, у него могут быть преимущества в построении карьеры, в организации быта по сравнению с членами больших семей. Однако нарастание индивидуализации общественной жизни наблюдается параллельно с ростом взаимной зависимости всех членов общества. Сложная, насыщенная социальная и техническая среда, в которой мы сегодня существуем, формирует такую зависимость. Наше ответственное поведение на дорогах, обращение с бытовыми приборами и устройствами, с техникой на работе являются условиями безопасности огромного количества людей. Стремительно выросла доля трудовых позиций в системе «человек-человек», значимо возросло и количество коммуникаций, в которые мы должны вступать постоянно. При этом взаимодействовать нам приходится с людьми различных культур, взглядов и представлений, не совпадающих с нашими, поэтому готовые модели поведения далеко не всегда срабатывают, успешные коммуникации становятся умением, которым нужно овладевать специально.

Можно сформулировать соответствующее требование к системе образования – формировать самостоятельного, ответственного индивида, способного принимать самостоятельные решения, уметь оценивать их последствия и влияние на ближнее и дальнее окружение, на общество в целом. Неплохо также обучать молодых людей в вузе, или даже еще в школе, основам психологии, учить понимать культурное и ценностное многообразие, отличать его от девиации и аномии.

Ученые сегодня много говорят об изменении позиции индивида в обществе, о нарастании индивидуализации и атомизации общества. Так, ведущий английский социолог Энтони Гидденс пишет знаменитую книгу «Трансформация интимности» [4], именитый американский мыслитель Зигмунд Бауман говорит о «текучей идентичности» и «индивидуализированном обществе» [1]. Известные французские социологи Пьер Бурдьё и Робер Кастель десятилетие назад начали исследования «нового класса», новой группы ночных работников – прекариата [5,6]. Сегодня исследования прекариата, фрилансеров, самозанятых и других форм занятости довольно распространены и в зарубежной, и в российской науке [3]. Социологи зачастую уделяют больше внимания этим новым формам занятости, чем экономисты. Это вполне понятно, ведь дифференциация форм занятости обуславливает дифференциацию общественных ценностей и потребностей, образа жизни и моделей социального поведения. Совместное воздействие рыночных отношений и технического прогресса обуславливает крайнюю динамичность и противоречивость рынка труда. С одной стороны, формируются различные возможности для социальных индивидов найти приложение для своих сил и способностей, найти источник доходов. С другой стороны, создаются и множатся уязвимые трудовые позиции, углубляются противоречия современного рынка труда [7].

Современное образование должно бы формировать способность учиться и совершенствоваться, не замыкаясь в узкой профессиональной области. Это требует в свою очередь формирования умения получать знания, работать с ними, уметь логически анализировать и критически оценивать любую получаемую информацию. Последнее особенно важно сегодня в условиях высочайшего уровня доступности информации. Знание о знании, как это называл Макс Вебер, – одно из важнейших требований, которые современность предъявляет к человеку [2].

Очень важно и то, что текущие изменения затронули процессы формирования идентичности индивида, врожденные, приписные статусы утратили своё значение, предметом выбора становится профессия, род занятий, образ жизни, круг общения и спутник жизни, система ценностей, даже пол. Личностный выбор индивида многократно усложнился, и главной опорой в этом выборе становятся индивидуальные способности, знания, интеллект, жизненный опыт. Таким образом, формирование свободного, самостоятельного индивида, способного совершать ответственный, разумный и нравственно полноценный выбор становится первостепенной задачей образования.

Такую сложнейшую задачу система высшего образования может решить только одним путём – стать пространством полноценного приобщения к совокупному опыту человечества – к культуре. В рамках этого приобщения неизбежно должна исчезнуть грань между обучением и воспитанием.

К сожалению, сегодня мы можем наблюдать процессы, которые не повышают, а снижают способность системы образования ответить на описанные выше вызовы.

Вместо формирования ответственного индивида нам предлагают стимулирование конкуренции и индивидуальной карьеры, вместо последовательного и комплексного просвещения – отдельные проекты, вместо осознанного и полноценного освоения культуры – формирование «компетенций», которые в отрыве от содержания образования превращаются в пустые декларации. Под давлением бюрократических требований в учебных планах сокращаются часы на философию, социологию, историю, другие обществоведческие и гуманитарные дисциплины, имеющие большую воспитательную нагрузку, исчезает логика, ущемленной оказывается высшая математика. Фундаментальные знания уступают место узкоспециальным дисциплинам, что делает образование неполным, неспособным создать основу для дальнейшего развития индивида как профессионала и гражданина.

Сегодня невозможно, наверное, отрицать необходимость изменений в системе образования. К сожалению, направление и содержание реформ образования сегодня в большинстве своём не отвечают на вызовы современности.

Библиографический список

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
2. Вебер, М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологическая мысль Запада). – С. 707–735.
3. Вострокнутов, Е. В. Появление прекариата – новая тенденция к изменению социальной структуры общества (обзор результатов исследований современных социологов) / Е. В. Вострокнутов, Л. И. Найденова, Н. В. Осипова // Сервис в России и за рубежом. – 2016. – Т. 10, № 9 (70). – С. 89–95.
4. Гидденс, Э. Трансформация интимности / Э. Гидденс. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.

5. Bourdieu, P. Counterfire: Against the Tyranny of the Market / P. Bourdieu. – London : VersoBooks, 2003. – 328 p.

6. Кастель, Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Р. Кастель. – СПб. : Алетейя, 2009. – 574 с.

7. Тощенко, Ж. Т. Прекариат: новый социальный класс / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 3–13.

УДК 101.1

СОЦИАЛЬНЫЙ АУТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

А. Г. Мясников

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Предложен социально-философский взгляд на проблему аутизма. Указана актуальность данной проблемы в связи с вступлением современного российского социума в информационную эпоху. Предложены практические рекомендации для предупреждения негативного влияния информационных потоков на сознание молодёжи.

Ключевые слова: информационный социум, аутизм, социальный феномен.

SOCIAL AUTISM AS THE PROBLEM OF THE INFORMATION AGE

A. G. Myasnikov

Penza State University, Penza

Abstract. The article offers a socio-philosophical view on the problem of autism. The author emphasizes the relevance of this problem in connection with the introduction of modern Russian society in the information age. Practical recommendations for prevention of negative influence of information flows on consciousness of youth are offered.

Key words: information society, autism, social phenomenon.

Информационная эпоха, в которую человечество вошло в конце XX века, становится для нас привычной повседневностью, и при этом порождает новые социальные явления, например, социальный аутизм. Это состояние человека, которому хочется «быть

вне общества», быть в самом себе, избегать пугающих не предсказуемых событий и новостей.

Медико-биологическим основанием аутизма является нарушение деятельности головного мозга. Именно за последние 30 лет медики констатируют настоящий взрыв аутизма. Обобщённая статистика, представленная в интернете, такова: в 1995 году на 5000 человек приходился 1 аутист, а в 2017 году – 1 на 100 человек. Рост в 50 раз! Можно предположить, что такая динамика вовсе не случайна. Причём она наблюдается, прежде всего, в тех странах, где активно развиваются информационные технологии: в Южной Корее, Японии, США, Великобритании и др.

На эту тенденцию очень точно реагирует наш разговорный язык. Так, лет 10 назад появились и широко распространились такие разговорные выражения: «Прошу вас, услышьте меня!», «Надеюсь, меня услышали», «Я вас услышал» и т.п., которые подчёркивают, что многие люди не хотят слышать друг друга, т.е. понимать. И особенно большие усилия приходится прилагать управленцам, руководителям, чтобы их подчинённые обратили внимание на то, что им говорят, на то, что именно нужно делать.

Огромные потоки информации, которые «свалились» на наших современников за последние 30 лет, стали тяжелым бременем для человеческого мозга. По мнению многих учёных, в условиях такого перенапряжения мозг перестаёт принимать «лишнюю информацию», начинает блокировать ее разными способами.

– Не хочу ничего слышать от других! – примерно такую внутреннюю команду даёт уставший мозг своему сознанию и организму в целом. Дело в том, что в условиях информационного бума резко возрастают потоки дезинформации, обмана, в том числе через так называемые «информационные войны». Поэтому неподготовленный мозг, имеющий слабые рационально-критические механизмы защиты и фильтрации разной информации (слабый ум), может идти на радикальное решение – «выйти из этой сложной и опасной игры», «в аут», – замкнуться в себе, в своих внутренних чувствах и состояниях. Такую реакцию мозга можно считать социальной мутацией, которая в последствие ведёт к генетическим мутациям у следующих поколений. Современная медицина пока не может объяснить конечные причины генетических мутаций, которые приводят к аутизму. Поэтому наше предположение имеет право на существование.

Итак, социальный аутизм как эволюционная мутация позволяет приспособиться к усложнившимся общественно-коммуника-

тивным отношениям. При этом он не является стратегией биологического выживания, так как в современных обществах об аутистах позаботятся другие люди, например, члены семьи, благотворительные организации, государственные службы социальной защиты, и создадут для них вполне комфортные условия жизни. Социальный аутизм оказывается способом социально-психологической адаптации к информационному обществу.

Вместе с тем социальные аутисты эмоционально-психологически закрыты в своём частном мире, и являются своего рода монадами – самодостаточными сущностями, не нуждающимися в постоянном эмоциональном и рациональном общении с другими людьми. Можно пофантазировать, и представить, что в далеком будущем большинство людей будут аутистами, и им будет достаточно общаться с роботами, которые будут обслуживать их и удовлетворять личные потребности. Конечно, перспектива не самая интересная и благостная, но возможная.

Учёные только начинают изучать биологические и социальные последствия информационной перегруженности, но уже сейчас можно прогнозировать, что эти последствия будут очень масштабными и станут серьёзными проблемами 21 века.

С точки зрения современной практической философии мы должны, во-первых, уметь защищать себя от этой информационной перегруженности с помощью избирательного отношения к информационным потокам. Например, в этом году выросло число продаж сотовых кнопочных телефонов без доступа в интернет. Спрашивается: почему? Очевидно, чтобы не было лишних соблазнов. Или ещё пример: многие психологи и медики говорят о вреде регулярного просмотра центральных новостных телеканалов, так как они выполняют пропагандистско-манипулятивные задачи, т.е. формируют ложное сознание. Особенно беременным женщинам не желательно «зависать» в телевизоре и социальных сетях.

Во-вторых, современный человек должен постоянно заниматься формированием рационально-критического способа мышления, так как общественная жизнь усложняется, резко возрастают степени свободы, а вместе с ними увеличивается и неопределённость жизни [1, 180]. Не случайно, что социологи называют современное постиндустриальное общество «обществом риска». По сути – это эволюционный вызов: или ты будешь усиливать свою разумность, или от перегрузок мозг «уйдёт в аут».

Ещё в конце 18 столетия немецкий философ И. Кант сформулировал понятие «необщительной общительности» для того, чтобы

показать противоречивость человеческой жизни. Когда, с одной стороны, каждый человек имеет склонность к уединению, обособлению от других, чтобы жить по своему, только по своей воле, и вместе с тем, с другой стороны – у нас есть склонность к общению с другими людьми, чтобы проявлять себя, сравниваться с другими и развивать свои способности и задатки в разнообразной деятельности [2, 130]. Поэтому нормальная разумная человеческая жизнь предполагает сочетание, согласование этих двух противоположных склонностей, и именно через это будет совершенствоваться наша личная и общественная жизнь. И если в социальном аутизме мы можем наблюдать преобладание человеческой склонности к уединению и замкнутости, то такая тенденция должна вызывать у разумного сообщества большую обеспокоенность, и, как следствие, требуется пристальное внимание со стороны учёных, врачей, общественных и государственных институтов к этому тревожному социальному явлению.

Библиографический список

1. Мясников, А. Г. Право на ложь как ловушка для свободы / А. Г. Мясников // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 174–186.
2. Prauss, G. Kant über Freiheit als Autonomie / G. Prauss. – Frankfurt a. M. : Klostermann, 1983. – S. 125–148.

УДК 316.4

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Е. Н. Синев

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрена проблема человека в современном техногенном обществе. Выявлены характерные черты современного этапа эволюции постиндустриального общества, в котором технические средства и технологии сформировали систему сетевых общественных отношений. Выявлено позитивное и негативное воздействие научно-технической революции на бытие современного человека, его социализацию.

Ключевые слова: научно-техническая революция, социализация, постиндустриальное общество.

FEATURES OF DEVELOPMENT OF PERSONALITY IN CONDITIONS OF TECHNOLOGICAL REVOLUTION

E. N. Sinev

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the problem of man in the modern technogenic society. The article reveals the characteristic features of the modern stage of evolution of post-industrial society, in which technical means and technologies have formed a system of network social relations. The positive and negative impact of the scientific and technical revolution on the existence of modern man, his socialization.

Key words: scientific and technical revolution, socialization, post-industrial society.

Во второй половине XX века научная и техническая революции слились в единый процесс, который кардинально изменил современное общество и человека. Социализация каждого следующего поколения постиндустриального общества происходит в новом пространственно-временном континууме, который отличается иной информационной средой [1].

«НТР представляет собой взаимосвязь и взаимодействие многогранных социальных явлений. Коренные качественные изменения в науке и технике, превращение науки в непосредственную производительную силу, технологическая революция характеризуют НТР со стороны ее развития на основе нового этапа общественного производства, ее проявления в развитии вещественного и личностного факторов в производительных силах» [2].

Изучение сложной структуры взаимодействия человека с вещественными факторами производительных сил позволяет сделать вывод, что не существует влияния научно-технического развития на изменение личности в условиях НТР, которое проявлялось бы независимо от социально-экономических условий, было бы отделено от последних. Социальная обусловленность научно-технического прогресса обнаруживается, прежде всего в том, что формы этого прогресса, конкретные механизмы его стимулирования и последствия определяются совпадением интересов человека с объективными потребностями общественного развития.

Что же касается изменения личности, то ее развитие связано с прогрессом общественных отношений и научно-техническая революция оказывает воздействие на социальные качества человека,

преломляясь через сложившуюся систему социальных связей и отношений.

Общественные отношения воздействуют на личность и эзотерически, и экзотерически. Сложившаяся система общественных институтов, определяемая господствующими производственными отношениями, «задает» формы жизнедеятельности людей, а, следовательно, и те общественные отношения, в которые личность вступает. Сама человеческая деятельность, определяемая конкретно-исторически в различных сферах общественной жизни, ведет к усвоению сложившихся общественных отношений. В связи с этим, индивид вступает в сферу влияния социально-экономических отношений. Оперирова с вещественными факторами производства, он постоянно испытывает на себе воздействие тех общественных отношений, которые составляют неотъемлемую сторону этого предметного мира.

При таком взаимодействии человека с вещественными факторами, происходит выявление сущностных сил человека в техническом воплощении. В технических средствах, предназначенных для производства средств производства, кристаллизуются человеческие знания и трудовой опыт. В технике, через технику и благодаря ей осуществляется в обществе процесс интериоризации и экстериоризации индивидами социально-сущностного содержания жизнедеятельности. Техника рассматривается как основа и материально объективированная сфера выражения сущностного развития человека как родового существа. Однако, в этом случае, выделяются и анализируются лишь наиболее общие стороны влияния научно-технической революции на человека, но освоением предмета и заключенного в нем способа действия человеческий индивид еще не приносит в мир вещей и объективных значений ничего нового. «Новое», с которым человеческий индивид вступает в общественное бытие, объективируется не только в новой орудии или культурном изобретении, а прежде всего в факте становления этого индивида как личности.

Используя новые вещественные факторы в процессе труда, созданные в ходе современной научно-технической революции, человек испытывает как бы двойное влияние этих факторов – прямое и опосредованное. Прямое воздействие обусловлено техническими условиями современного производства, опосредованное – через экономические условия и социальные свойства предметного мира. Следует учитывать, что эти формы влияния на личность составляют диалектическое противоречие, в котором стороны не только взаи-

модействуют, но и обуславливают друг друга, усиливая или снимая негативные моменты сложившегося разделения труда.

В связи с выявлением роли общественных отношений во влиянии современной научно-технической революции на изменение человека, большое значение имеет рассмотрение содержания того процесса, который мы называем развитием личности в условиях НТР. Развитие личности в постиндустриальном обществе связывают с повышением квалификации и общей культуры людей под воздействием НТР, с гуманизацией труда в связи с улучшением его условий, ликвидацией тяжелого неквалифицированного и малоквалифицированного, преимущественно тяжелого физического труда, с возрастанием творческих начал физического и умственного труда, с возрастанием роли организационно-управленческих функций работников и т.д.

Более глубокое понимание изменения сущности личности связано с изучением социальной структуры личности. Можно выделить три основных элемента личности в ее взаимодействии с обществом, которые должны быть проанализированы, чтобы представить социальную структуру личности: положение личности в системе общественных отношений, прежде всего производственных отношений; реальные формы жизнедеятельности человека или, говоря иначе, совокупность выполняемых социальных ролей, как это предопределяет положение человека в обществе и как их представляет общество; направленность личности (система потребностей, интересов, взглядов, идеалов, выступающих в качестве мотивов индивидуального поведения).

Такой, более широкий подход позволяет изучать многообразие процессов, характеризующих развитие личности, выделить ведущие компоненты, преодолеть ограниченность «технологического» подхода к изменениям личности, когда процесс ее развития подчас сводится к чисто формальному описанию необходимых для человека в связи с требованиями современной научно-технической революции набора умений, правил, производственных навыков. «Технологическо-функциональный» подход к развитию личности не позволяет понять действительной сущности изменений, происходящих под воздействием НТР.

Изучение социальной структуры личности в ее основных компонентах позволяет обратиться к выяснению того, какой же главный момент в структуре личности проявляет возможность ее развития, оказывает воздействие на все другие стороны личности, выступает как интегрирующий момент всех происходящих изменений.

Выступая как субъект социальной формы движения материи, человек представляет собой материальную систему. Как материальная система человек взаимодействует с другими материальными системами предметного мира, а его деятельность носит предметный характер. Социальная природа человека определяет целенаправленный и целесообразный, осознанный и активный характер его действий в системе материального мира. Все научно-техническое развитие социума представляет собой взаимодействие человека с предметным миром, которое строится на основе все более глубокого изучения и использования законов материального мира в соответствии с целями социально-производственной деятельности человека на современном этапе общественного развития.

Библиографический список

1. Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях / Э. Агацци // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.
2. Корчагин, В. Н. Методологические аспекты исследования человека в постиндустриальном обществе / В. Н. Корчагин, Е. Н. Синев // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 3. – С. 39.

УДК 316.77

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ КАК ИМПРЕССИНГ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Е. В. Викторова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрен импрессионизм как один из механизмов социализации личности. Основное внимание сосредоточено на двух аспектах исследования импрессионизма: социокультурном и социально-психологическом. Анализ импрессионизма осуществляется в рамках концепции, согласно которой личностное начало, деятельность и культура рассматриваются в единстве.

Ключевые слова: импрессионизм, виртуальная среда, личность, культура.

INFORMATION IMPACT ON PERSONALITY IN THE INTERNET-SPACE AS IMPRESSING: SOCIO-CULTURAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS

E. V. Viktorova

Abstract. The article considers the impressing as one of the mechanisms of socialization of the individual. The author's attention is focused on two aspects of the study of impressing: sociocultural and socio-psychological. Impressing analysis is carried out within the framework of the concept according to which the personal beginning, activity and culture are considered in unity.

Key words: impressing, virtual environment, personality, culture.

Одним из многочисленных механизмов социализации является импрессионг. Импрессионг – информационное воздействие социума на формирующуюся личность, оставляющее в ее сознании некий след (впечатление), который характеризуется устойчивостью во времени и способностью определять ценностные ориентиры человека в дальнейшем. Весомое отличие импрессионга от других механизмов и форм социализации состоит в том, что внешнее воздействие активизирует соответствующую ситуации наследственную предрасположенность личности. Современная социализация – процесс, осуществляющийся не только в реальной действительности, но и в виртуальной среде. И импрессионг, как механизм социального взаимодействия, обнаруживает себя и в интернет-пространстве при возникновении соответствующих условий: предрасположенность личности к определенным воздействиям, критический период онтогенеза, ситуация эмоциональной уязвимости. Проведенное нами эмпирическое исследование позволяет говорить о том, что такие условия возникают и в интернет-среде [1].

Опираясь на данные теоретического и эмпирического исследований [1], рассмотрим особенности функционирования импрессионгов в интернет-пространстве с двух точек зрения: социокультурной и социально-психологической. С социокультурной точки зрения, рассматриваемый нами феномен является собой пример того, что психика человека неразрывно связана с культурой. Импрессионг, природа которого, безусловно, психофизиологическая, функционирует в конкретных социокультурных условиях и имеет своим результатом социокультурные, по своей сути, феномены – ценности, поведенческие установки, интенции деятельности и т.п. «Субъективная культура личности» [2], сформированная в реальной социальной действительности (в том числе посредством импрессионга),

отражается и на культуре общения в виртуальной среде. Социально-психологические механизмы воздействия на сознание человека, применяющиеся в интернет-пространстве, ориентированы прежде всего на типичные импрессионги реальной социальной действительности, т.е. порожденные наиболее значимыми для большинства людей как носителей определенной культуры (национальной, морально-нравственной, религиозной, экономической, политической) ситуациями. Отсюда точка зрения на импрессионг как на один из механизмов формирования общественного мнения, закрепления обычаев и ритуалов, распространения моды, художественных вкусов, воздействия рекламы, вирусных эффектов в Интернете и т.д. (Э. Морен, Л. Ф. Обухова, Н. Б. Оконская, М. Перельман и др.).

Интернет-среда, порождающая специфические условия для протекания социализации, формирует и особую культуру общения, и, следовательно, создает условия для специфических импрессионгов. Здесь возникают ситуации эмоциональной уязвимости, схожие с аналогичными в социальной реальности, но не тождественные им, а протекающие по своим законам – социально-психологическим законам виртуальной среды. При этом результаты импрессионгов, созданных интернет-средой, и сформированная с их участием культура восприятия, общения и интеракции, выходит за пределы Интернет-взаимодействий и влияет на поведение человека, его деятельность и ее мотивы в реальной социальной действительности.

С социально-психологической точки зрения, предметом исследования становятся особенности межличностной коммуникации в условиях виртуальности, порождающей свойственные ей ситуации эмоциональной уязвимости; особенности возрастных периодов, способствующих реагированию на внешние воздействия; способы воздействия интернет-среды на реципиента, усиливающие импрессирующий эффект. Наиболее благоприятными периодами онтогенеза для возникновения импрессионгов считаются раннее детство и подростковый возраст [3]. Это связано со спецификой протекания социализации, выпадающей прежде всего на указанные возрастные периоды: «...Первичная социализация представляет собой нечто гораздо большее, чем просто когнитивное обучение. Обстоятельства, в которых она происходит, сопряжены с большой эмоциональной нагрузкой» [4, 214]. Однако это не исключает (учитывая смещение современных возрастных рамок социально-психологического взросления личности) возникновение в жизни человека ситуаций, благоприятных для получения значимых впечатлений, и

в более поздние возрастные периоды – в юности и молодости. Особенно актуально это в отношении импрессионгов, возникающих в Интернет, наиболее активными пользователи которого являются молодые люди в возрасте 14–30 лет.

Особое значение для возникновения импрессионгов в интернет-пространстве имеют специфические условия виртуальности и вытекающие отсюда особенности межличностной коммуникации. Специфика условий виртуальных взаимодействий детерминирована ведущими мотивами пользования Интернет: для пользователей указанной возрастной группы глобальная сеть – это не столько источник информации, сколько средство коммуникации и личностной репрезентации. В данном случае возникает некий парадокс: интернет-пользователи рассматривают виртуальное общение психологически более комфортным по сравнению с общением реальным из-за территориальной удаленности, возможной анонимности и временной отсроченности общения; но именно это и ставит субъекта общения в условия особой психологической уязвимости. Уязвимость стремится к нарастанию, если мотивы интернет-пользователя, находящегося в критическом периоде онтогенеза, выходят на уровень первостепенных и детерминированы потребностью человека быть понятым и принятым другими людьми [5]. Источниками сильных переживаний в киберпространстве выступают общение со значимыми людьми (комментарии, сообщения любимого человека, друга, авторитетного лица и т.п.); оценка и комментирование другими пользователями фото и высказываний респондентов; восприятие и обсуждение кинофильмов, литературных и музыкальных произведений; новости и информация, касающаяся интересующих сфер (политика, религия, экономика и т.д.) [1]. Известно, что потенциально импрессионговой может стать любая ситуация [3], и в данном случае не имеет значения реальность или виртуальность происходящего: сила впечатления обусловлена не столько ситуацией, сколько отношением к ней личности, возникшим переживанием.

Поскольку эмоция есть реакция на потребность личности – импрессионг избирателен, и связано это с наследственной склонностью индивида к определенному рода воздействиям. «...Даже при предельном единообразии условий развития и воспитания каждый индивид выберет для себя свои решающие импрессионги» [6, 72]. Однако реализующиеся в интернет-среде коммуникативные практики, направленные не на принятие объективной реальности, а на утверждение определенного ее видения, формируются не только на основе непосредственного личного опыта коммуникации, но и на

основе того опыта, который пользователь склонен считать своим. В данном случае речь идет о преднамеренных информационных воздействиях, призванных «раскачать» эмоциональную сферу, что позволяет резко расширить спектр потенциально импрессионных ситуаций. Многочисленные приемы манипулирования сознанием – «эмоциональное зарядение/заражение», «экспрессивный удар», «эмоциональная подстройка», «ложный накал страстей» и т.п. – нацелены на ценности, идеи, нормы, потребности и т.д., близкие массовому реципиенту. Основные последствия импрессионных воздействий среды на личность совпадают с типичными целями преднамеренных информационных воздействий, в том числе в интернет-пространстве. К ним относятся побудители активности (потребности, интересы, склонности, идеалы), регуляторы активности (смысловые, целевые и операциональные установки, групповые нормы, самооценка, мировоззрение, убеждения, верования), когнитивные (информационные) структуры (знания о мире, людях, сведения, которые обеспечивают информацией человеческую активность), операциональный состав деятельности (способ мышления, стиль поведения, привычки, умения, навыки) (Е. Л. Доценко, К. Х. Каландаров, С. Г. Кара-Мурза).

В заключение следует отметить, что социально-психологические и социокультурные аспекты исследования импрессионга мы рассматриваем в тесном единстве, исходя из представления о взаимосвязи человека, его личностного начала, деятельности и культуры [7]. Как один из механизмов социализации, импрессионг отражает изменения культурных условий ее протекания: современные импрессионги возникают не только в условиях реальной социальной действительности, но и виртуальной. При этом импрессионги, возникающие в специфических условиях виртуальной реальности, не остаются заключенными в ее рамках, но транслируют эффекты и результаты своего функционирования в реальную социальную жизнь.

Библиографический список

1. Викторова, Е. В. Впечатление как компонент и фактор социализации в коммуникативном пространстве Интернета / Е. В. Викторова, Е. Р. Баткаева // Коммуникология: международный научный журнал. – 2017. – Т. 5, № 1. – С. 88–98.
2. Зиммель, Г. Философия культуры / Г. Зиммель // Зиммель Г. Избранное : в 2 т. – М. : Юрист, 1996. – Т. 1. – 671 с.
3. Эфроимсон, В. П. Педагогическая генетика / В. П. Эфроимсон // Биология. – 2000. – № 31. – С. 5–11.

4. Berger, P. The Social Construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge / P. Berger, T. Lukman. – М., 1995. – 323 p.

5. Sheldon, K. M. A two-process view of Facebook use and relatedness need-satisfaction: Disconnection drives use, and connection rewards it / K. M. Sheldon, N. Abad, C. Hirsch // Journal of Personality and Social Psychology. – 2011. – Vol. 100. – P. 766–775.

6. Эфроимсон, В. П. Генетика гениальности / В. П. Эфроимсон. – М. : Время знаний, 2010. – 375 с.

7. Межуев, В. М. Проблемы теории культуры / В. М. Межуев. – М., 1977. – 199 с.

УДК 304.2

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫМИ ЛЮДЬМИ

Г. Ю. Козина, Э. А. Хакимова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Раскрыта проблема ВИЧ-инфицированных людей; дан анализ технологий социальной работы с данной категорией населения. Особое внимание уделено таким технологиям, как консультирование, профилактика, социальное партнерство. Поставлена проблема отношения общества к ВИЧ-инфицированным людям.

Ключевые слова: вирус иммунодефицита человека, социальная работа, консультирование, профилактика, социальное партнерство.

A MODERN VIEW ON TECHNOLOGY OF SOCIAL WORK WITH HIV-INFECTED PEOPLE

G. Y. Kozina, E. A. Khakimova

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the problem of HIV-infected people, the analysis of social work technologies with this category of population. The authors paid great attention to technologies such as counseling, prevention, social partnership. The article poses the problem of the attitude of society to HIV-infected people.

Key words: human immunodeficiency virus, social work, counseling, prevention, social partnership.

В настоящее время с развитием науки, информационных технологий и современных способов диагностирования и лечения заболеваний, к сожалению, не уменьшается число ВИЧ-инфицированных больных. Россия по темпам прироста числа ВИЧ-инфицированных занимает одно из лидирующих мест в мире. По расчетам международной организации ЮНЕЙДС (UNAIDS) в России уже более 1 500 700 ВИЧ-инфицированных, из них 80 % составляют лица в возрасте от 15 до 30 лет, а 14 тыс. – дети в возрасте до 14 лет. В структуре ВИЧ-инфицированных доля женщин достигла 40 %, а в отдельных регионах страны превысила 50 % [1].

Наиболее проблемным полем остается отношение общества к ВИЧ-инфицированным людям. ВИЧ-дискриминация является социальной проблемой современного общества. Почему же так происходит, что многие люди негативно относятся к ВИЧ-инфицированным? Дело в том, что дискриминация данной категории людей – это следствие неверного представления о путях передачи вируса. Изначально считалось, что ВИЧ-инфекция распространялась в группах лиц с нетрадиционной ориентацией и в асоциальных группах. На сегодняшний день заразиться вирусом иммунодефицита может каждый. Поэтому прежде чем подвергать дискриминации ВИЧ-инфицированных людей, следует помнить о том, что никто не застрахован от случайного заражения данной инфекцией.

Мы попытались выяснить, в чем же именно проявляется дискриминация ВИЧ-инфицированных?

Во-первых, одна из форм дискриминации данной категории заключается в нарушении их прав на трудовую деятельность. Многие работодатели не берут на работу людей со статусом «ВИЧ-инфицированный» несмотря на то, что в Федеральном законе от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в статье 17 записано: «Не допускаются увольнение с работы, отказ в приеме на работу, отказ в приеме в организации, осуществляющие образовательную деятельность, и медицинские организации, а также ограничение иных прав и законных интересов ВИЧ-инфицированных на основании наличия у них ВИЧ-инфекции, равно как и ограничение жилищных и иных прав и законных интересов членов семей ВИЧ-инфицированных, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом» [2].

Во-вторых, дискриминации ВИЧ-инфицированных людей происходит в медицинских учреждениях. Она проявляется в том,

что снижается уровень ухода за такими лицами, медицинские работники отказывают в оказании медицинских услуг, тестирование на ВИЧ-инфекцию проводят без согласия пациента, нередко нарушается принцип конфиденциальности.

В-третьих, дискриминация данной категории клиентов находит отражение в семье. Многие члены семьи обрывают связь с ВИЧ-инфицированным человеком из-за страха, что могут сами заразиться. А также считают, что если их близкий человек заразился, значит он входит в асоциальную группу и общение с ним может повлиять на репутацию семьи.

В-четвертых, дискриминация ВИЧ-инфицированных людей идет и со стороны религиозных объединений. ВИЧ-инфекция в религии считается грехом. Поэтому, в редких случаях в мечетях и церквях запрещается совершать молебны ВИЧ-инфицированным людям [3]. Но практически всегда религиозные объединения стараются помогать данной категории людей и проявляют к ним гуманность.

Данные причины дискриминации ВИЧ-инфицированных больных приводят к ухудшению не только физического здоровья, но и душевного. Стадия депрессии при таких условиях может носить длительный характер, а лечение и поддержание организма может не привести к успеху.

ВИЧ-инфицированные люди в России в настоящее время подвержены дискриминации в меньшей степени. Общество старается относиться к ним с пониманием. Проанализировав Волгоградский форум, посвященный теме «Ваше отношение к ВИЧ-инфицированным», можно сказать, что люди относятся гуманно к данной категории больных. На сайте также был представлен опрос жителей по вопросу «Нужно ли изолировать ВИЧ-положительных от общества?». Так, 68,2 % респондентов ответили – «нет, они тоже люди»; 13,6 % ответили – «да, они разносчики заразы»; 12,8 % ответили – «мне все равно (меня это не волнует)» [4]. Большинство людей проинформированы о таком явлении как ВИЧ-инфекция и знают о способах её передачи, поэтому их отношение к больным ВИЧ-инфекцией носит толерантный характер.

По нашему мнению, дискриминацию ВИЧ-инфицированных людей следует предотвращать, для этого нужна эффективная организация социальной работы с данной категорией. Социальная работа предусматривает создание благоприятных условий жизнедеятельности для того, чтобы клиент с ВИЧ-инфекцией смог адап-

тироваться в социальной среде. В социальной работе с ВИЧ-инфицированными людьми применяются различные технологии. Особое внимание хотелось бы уделить следующим технологиям.

1. Консультирование. Цель консультирования заключается в поддержании больного и изменении его образа жизни для поддержания здоровья. Консультирование ВИЧ-инфицированных позволяет, во-первых, поддержать человека, помочь осознать его личную ответственность за изменение образа жизни относительно данного заболевания; во-вторых, повысить степень самоуважения человека; в-третьих, преодолеть тревогу и страх.

В работе с ВИЧ-инфицированными людьми можно применять различные виды консультирования:

- исследовательское консультирование. Консультант для решения трудной жизненной проблемы клиента применяет только теоретические модели и гипотезы. Недостатком данного вида консультирования будет являться то, что консультант не исследует реальные жизненные проблемы клиента. Результаты исследования теоретических моделей могут быть ошибочными, а рекомендации носят субъективный характер;

- экспертное консультирование. Консультант после диагностики проблемой ситуации предлагает ее решение, представленное в виде проекта. Недостатком данного консультирования может стать то, что проекты могут быть универсальными, не направленными на определенную ситуацию, т.е. не носят индивидуальный характер. В конечном итоге решение принимает сам консультант, а у клиента снижается активность, инициативность и самостоятельность;

- методологическое консультирование. Консультант помогает клиенту в определении его проблемы, в разработке плана решения данной проблемы. Специалист по социальной работе помогает клиенту принять самостоятельное решение;

- системное консультирование. Консультанты в данном случае рассматривают проблему клиента как определенную систему. Однако при таком консультировании упускается возможность анализировать и решать случайные, спонтанные явления;

- практическое консультирование. Консультант конкретно знает, как решить ту или иную проблему. Недостатком может являться то, что консультант переносит свой старый опыт на решение проблем, но в новой ситуации старый опыт может не «сработать» и тогда возникают серьезные ошибки в оказании помощи клиенту [5].

Проанализировав опыт Пермского краевого центра по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями нами было выявлено, что в данном учреждении функционирует кабинет равного консультирования. Цель равного консультирования заключается в том, чтобы помочь человеку справиться со стрессом и принять личное решение, связанное с ВИЧ-инфекцией. Равный консультант по ВИЧ-инфекции – это человек, который живет с ВИЧ-инфекцией, принял свой статус и научился жить с этим диагнозом, а также имеющий определенную подготовку по проведению равного консультирования.

Достоинством данного вида консультирования является то, что человек, у которого обнаружена ВИЧ-инфекция, идет на доверительный разговор с таким консультантом. Равный консультант более доступно объясняет ситуацию и помогает клиенту лучше понять себя и свои трудности.

Таким образом, используя различные виды консультирования, деятельность специалиста по социальной работе с данной категорией населения будет эффективной. Также ВИЧ-инфицированный может сам выбрать, какой вид консультирования для него более приемлем.

2. Профилактика. Основой профилактики является информационно-просветительская работа, которая направлена на повышение гигиенических и специальных познаний, уменьшения числа людей с асоциальным поведением. Цель информационно-просветительской работы – формирование у ВИЧ-инфицированного ответственного отношения к своему здоровью; поведения, исключающего возможность передачи ВИЧ другим людям.

В оказании профилактических мероприятий важную роль играет организация аутрич-деятельности с ВИЧ-инфицированными. Аутрич-деятельность – это уличная социальная работа для проведения консультирования и профилактической деятельности в привычной для целевой группы обстановке, а не в медицинских и социальных учреждениях. Преимущество данного метода заключается в том, что консультирование и профилактика больных проводится в удобное время и в привычной для них обстановке. Это способствует установлению доверительных отношений между специалистом и клиентом.

Также хотелось бы обратить внимание на такую технологию как *социальное партнерство*. Социальное партнерство – это взаимодействие организаций, социальных групп, индивида для решения общей социальной проблемы. Специалист по социальной работе,

оказывая помощь ВИЧ-инфицированным людям, сталкивается с различными проблемами, для решения которых необходима помощь других специалистов (медиков, юристов, экономистов и т.д.). Поэтому, чтобы помощь была оказана эффективно, специалист по социальной работе должен взаимодействовать со специалистами из других областей знания.

Выделяют две основные модели партнерских отношений:

- горизонтальная модель. Она связана с субъектами, которые действуют в едином функционально-статусном пространстве (пример: социальные службы города);
- вертикальная модель. Представляет собой различные иерархические уровни социального пространства (пример: взаимоотношения правительства и административных структур регионов).

Социальное партнерство способствует установлению в обществе новых связей, посредством которых клиент достигает социального равновесия в обществе, усваивает ее нормы и ценности.

Подводя итоги вышесказанного, можно отметить, что в каждом обществе есть люди, которые негативно относятся к ВИЧ-инфицированным людям, и те, которые относятся к ним толерантно. Незнание о ВИЧ-инфекции может привести к усугублению здоровья ВИЧ-инфицированных людей. Дискриминация данной категории может быть как из-за незнания о данном явлении, так и от невоспитанности людей. Многие просто не готовы, либо стыдятся видеть рядом с собой ВИЧ-инфицированного человека. Как вести себя с такой категорией людей – личное дело каждого. Однако не следует забывать о том, что на месте ВИЧ-инфицированного может оказаться любой человек. Для ВИЧ-инфицированных людей, кроме отношения общества, также важно и оказание профессиональной помощи. Если раньше учёные не могли выявить причину ВИЧ-инфекции, пути передачи, способы лечения и поддержания жизнедеятельности человека, и почти каждый, кто имел статус ВИЧ-инфекции, умирал, то теперь со статусом ВИЧ-инфекции можно прожить долгую жизнь, если своевременно начать лечение и придерживаться здорового образа жизни. Кроме этого в настоящий момент сформировались основные технологии социальной работы с ВИЧ-инфицированными людьми, усилилась их социально-правовая поддержка. Социальная работа с ВИЧ-инфицированными людьми направлена на повышение качества их жизни, на поддержание данной категории людей и оказание им необходимой социальной помощи.

Библиографический список

1. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. – URL: <http://rosпотребнадzor.ru/> (дата обращения: 30.09.2018).
2. О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) : федер. закон № 38-ФЗ от 30 марта 1995 г. – URL: <http://base.garant.ru/10104189/> (дата обращения: 10.10.2018).
3. Лученко, К. И. Молебен против СПИДа / К. И. Лученко // Политический журнал. – 2005. – 30 августа. – URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/08/30/moleben_protiv_spida/ (дата обращения: 16.10.2018).
4. Волгоградский форум. Раздел «Здоровье». Ваше отношение к ВИЧ-инфицированным. – URL: <https://www.forum-volgograd.ru/threads/4638/> (дата обращения: 30.09.2018).
5. Дудченко, В. С. Основы инновационного консультирования / В. С. Дудченко // Центр гуманитарных технологий. – 2011. – 10 декабря. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3731> (дата обращения: 17.10.2018).

УДК 316.4

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ЦИФРОВОМ СОЦИУМЕ

А. Н. Дудина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Исследована проблема философско-антропологического обоснования социальной помощи в цифровом социуме. Актуальность проблемы определена противоречивым характером влияния последствий процесса формирования информационного общества на социальные отношения. Показано, что механизмы, формы и способы оказания социальной помощи неразрывно связаны с процессами становления цифрового общества.

Ключевые слова: социальная помощь, цифровой социум, философия, антропология.

PROBLEMS OF SOCIAL ASSISTANCE IN THE DIGITAL SOCIETY: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL JUSTIFICATION

A. N. Dudina

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of philosophical and anthropological substantiation of social assistance in digital society. The importance of the problem is determined by the controversial nature of the impact of the consequences of the formation of the information society on social relations. The author shows that the mechanisms, forms and methods of social assistance are linked with the processes of the formation of digital society.

Key words: social assistance, digital society, philosophy, anthropology.

Исследование философско-антропологических основ социальной помощи в современном обществе определяется изначальным желанием человека помочь ближнему, которое возникает вместе со становлением общества. Потребность объединить усилия людей в борьбе с природой для получения пищи, при сооружении жилища – эти и многие другие факторы человеческого общежития неизбежно порождали сочувствие друг к другу, взаимную поддержку.

Следует принять во внимание, что становление социальной помощи как общественного феномена неразрывно связано с развитием научно-философских представлений в обществе о ней. Мы исходим из того, что содержание, материальные и духовные факторы, возможности и основные направления социальной помощи менялись и меняются в зависимости от конкретных исторических условий. Данное обстоятельство определяет актуальность рассмотрения проблем социальной помощи в формирующемся цифровом обществе.

В отечественной теории социальной работы сложилось устойчивое мнение о том, что социальная помощь (и как практика, и как деятельность, и как общественное отношение) предполагает обоснование, исходя из необходимости удовлетворения потребностей одних и стремления оказать содействие в их удовлетворении со стороны других [1, 12].

Специфика философско-антропологического обоснования социальной помощи состоит в том, что и субъектом, и объектом социальной помощи является человек. Взаимная связь объекта и субъекта социальной помощи в конкретных общественных условиях позволяет говорить о сущности оказания такой помощи не как

о механическом возвращении объекта к прежнему состоянию, а как о конкретно-историческом изменении формы и содержания отношений между людьми, их деятельности [1, 12].

Философско-антропологическое обоснование социальной помощи в цифровом обществе предполагает выбор определённого методологического подхода. С этой точки зрения методологически перспективным, хотя и крайне дискуссионным, представляется понимание феномена человека в интерпретации С. С. Хоружего.

Он рассматривает человека в контексте глобального кризиса, который обретает новую природу – антропологическую, и его истоки предлагает искать на антропологическом уровне, в процессах, происходящих с человеком. Эти процессы в настоящее время приобретают решающую роль в глобальных явлениях, в мировой ситуации и динамике, поскольку они приняли характер радикальных перемен и уже не могут считаться вторичными следствиями социальных, либо исторических процессов [2].

Получается, что в опыте эпохи рубежа тысячелетий, эпохи формирования цифрового социума обнаружилась «предельная изменчивость», подвижность, пластичность не каких-то отдельных атрибутов, но самой природы, натуры человека. «Центр» человека в настоящее время оказывается распавшимся и отсутствующим.

Из опыта современности проступает некоторый новый облик человека, новая антропологическая реальность, лишенная «неизменяемого сущностного ядра». Этот облик в корне расходится с традиционными европейскими представлениями о человеке. Человека рубежа тысячелетий, времени интернета, виртуальных практик, информационно-технологических революций нельзя считать прежним классическим субъектом европейской философской антропологии.

Таким образом, если старые метафизические концепции не объясняют современных антропологических процессов, то существует, по мнению С. С. Хоружего, необходимость в новых принципах для антропологии, новом подходе к феномену человека и в создании новой антропологической модели.

Классическая европейская антропология представляется ему «эссенциалистской метафизикой», рассматривающей человека как сущность и систему разнообразных сущностей и стремящейся выделить из них некие основополагающие начала или же базовые элементы человеческой природы – своего рода «неизменное порождающее ядро», которое определяет собой сложное многообразие человека во всех его проявлениях.

Такой подход к пониманию человека в обществе соотносится, по мнению С. С. Хоружего, с «интуицией центра», он предполагает наличие некоего сущностного ядра, центра человеческого существа и ориентирован на его отыскание и изучение. Однако интуиция «центра человека» сразу же подсказывает и альтернативу себе.

Если человека нельзя более характеризовать «центром», тогда его остаётся характеризовать «периферией», а точнее, – «границей». Такая характеристика уже не может отсутствовать и, кроме того, она заведомо является не менее определяющей, нежели «центр».

С. С. Хоружий утверждает, что, по классической философской логике, общий способ определения предмета состоит в указании его иного, того, что отлично от него и тем самым, конституирует его предел, границу; определить предмет равносильно тому, чтобы описать его границу. Соответственно, антропология может развиваться как описание «антропологической границы» – границы сферы всех проявлений и возможностей человека, границы горизонта человеческого существования [2].

Названный автор рассуждает, что, удовлетворяя стремление человека в современном обществе к «границе», виртуальные практики не требуют «предельных внутренних усилий и строгой школы», как духовные практики, не имеют «тревожащей связи с болезнью и опасностью», как паттерны безумия. Они обладают инерцией, затягивающей силой: сравнительно с ними, режимы актуальной реальности более резки и напряжённы, и виртуальный человек стремится продлить пребывание в виртуальной реальности, возвращаясь в актуальное неохотно.

По мнению С. С. Хоружего, человек будет совершать возврат из виртуальной реальности в актуальную реальность всё с большим трудом, что с неизбежностью будет приводить к «дегенерации актуальной реальности». Дегенерация будет приближением актуальной реальности к виртуальной, т.е. убыванием «формотворческой и жизнестроительной энергии», исчезновением связей и постепенным преобладанием процессов распада. По свойствам «виртуальных режимов сознания», это угасание человека будет мягким и неосознаваемым, поскольку в этих режимах сняты способности самоконтроля, самонаблюдения и различения между актуальной реальностью и её имитацией [2].

Рассмотренный философско-антропологический подход в понимании человека может восприниматься как один из негативных сценариев общественного развития. Вместе с тем, формирование информационного (цифрового) общества остановить невозможно.

В настоящее время взаимоотношения людей уже нередко носят цифровой характер (некоторые взаимодействия граждан и органов власти, образовательные и иные услуги, общение в социальных сетях и др.). Однозначно оценивать преимущества и недостатки цифрового социума, который рискует, по мнению С. С. Хоружего, стать виртуальным, не представляется возможным.

Мы исходим из того, что формирование информационного (цифрового) общества не приведёт к социальной деградации человека в том случае, если это формирование не будет опережать в тенденции процесс совершенствования социальной помощи как процесс, существующий в виде таких отношений, которые постоянно воссоздают самих себя в качестве необходимых социально-антропологических основ для существования человека в цифровом социуме.

Библиографический список

1. Дудкин, А. С. Философские основания социальной помощи в ее сравнении с социальной работой / А. С. Дудкин // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2006. – № 6. – С. 10–12.

2. Хоружий, С. С. Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=223&Itemid=55 (дата обращения: 25.11.2018).

УДК 316.612

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ЦИФРОВОГО СОЦИУМА: СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. В. Кузнецов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрены основные тенденции влияния информационного пространства и цифровой культуры на антропологическую концепцию человека. Выявлены основные инновации в представлении о статусе человека в мире информации; дан анализ сходствам и различиям между традиционной философской аргументацией и новейшей цифровой антропологией.

Ключевые слова: социальная философия, информация, цифровая культура, цифровая антропология.

THE PROBLEM OF THE HUMAN IDENTIFICATION IN DIGITAL SOCIETY: SOCIAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECT

M. V. Kuznetsov

Penza State University, Penza

Abstract. The author examines the main trends in the influence of the information space and digital culture on the anthropological concept of man. The article identifies the main innovations in the concept of the status of a person in the world of information, analyzes the similarities and differences between traditional philosophical argumentation and the new digital anthropology.

Key words: social philosophy, information, digital culture, digital anthropology.

Размышления на тему сущности человеческой природы и места человека в системе мироздания имеют долгую историю в мировой философии. Практически со времен Сократа вопрос о природе человека надолго стал основным для философов.

После завершения эпохи классической философии эти вопросы стали интересовать, прежде всего, антропологов после обособления философской антропологии в отдельное направление. Повышенный интерес к проблематике антропологии ассоциируется в первую очередь с трудами немецких философов в период между двумя мировыми войнами XX века. Считается, что основоположником новой антропологии стал М. Шелер, который в своем труде «Положение человека в космосе» и возродил интерес к вопросам о том, что есть человек, и каково его место во Вселенной. Взгляды Шелера спровоцировали появление целого ряда научных трудов по антропологии новейшего времени; сторонниками и оппонентами Шелера была, в частности, предпринята весьма ценная попытка ретроспективного анализа взглядов на природу человека в истории мировой философии.

Вторая мировая война стала переломным периодом в истории мирового сообщества, вызвав к жизни целый ряд философских вопросов, которые надолго заняли умы философов новейшей эпохи. Вопросы философской антропологии на время отошли на периферию, но это не означало полной утраты ими научной актуальности. Рассматриваемая антропологами проблематика выходит за рамки чисто философской, она в известной степени является значимой

в общечеловеческом смысле, принадлежащей к области экзистенциального.

В конце столетия с многократным увеличением вычислительной мощности современных компьютеров новые технологии, среди которых особое значение для антропологии имеют геновая инженерия и создание искусственного интеллекта, привели к фундаментальным изменениям в понимании природы человеческого существа. Революционные технологические решения фактически бросают вызов нашему традиционному представлению о человеке и его будущем, которое многие столетия до этого не подвергалось пересмотру. С началом XXI века мы сталкиваемся с непростым для нас, но весьма настойчивым ощущением того, что человек в его традиционном понимании во многом устарел, и что сама дефиниция человека находится в процессе трансформации [6, 108].

В своей книге «Проблема человека» М. Бубер отмечает, что на протяжении всей истории своего существования человечество пыталось создать для себя понятную модель вселенной, в которой она [вселенная] из холодной и враждебной пустыни превращалась для человека в освоенное безопасное жилище. Сегодня создание такой модели, которая отвечала бы новым требованиям, представляется весьма затруднительным. Наш мир и космос воспринимаются как сложные и многомерные (в культурном, технологическом и научном плане), и мы больше не способны создать такой образ, который был бы понятным для всех, который мог бы восприниматься как наш общий дом. По причине осознания своего бессилия в этом направлении философы часто просто игнорируют эту тему [1, 23]. Но то пространство, в котором мыслители временно не способны говорить об истине с позиций морали, космологии или политики, не остается незаполненным: на смену этому приходит технологический дискурс, который к тому же освобождается в известной степени от моральных регуляторов и часто не имеет четко обозначенной цели [5, 87].

Сегодня широкое разнообразие субкультур, группирующихся вокруг мира компьютерных технологий, можно условно обозначить термином «цифровая культура». Это очень широкое понятие, включающее в себя как исследователей в традиционных научных областях компьютерных технологий, так и теоретиков компьютерной культуры, а также предпринимателей с абсолютно новым складом мышления, писателей-фантастов, футуристов, индустрию кинематографа и компьютерных развлечений, субкультуру хакеров и т.д.

Уже невозможно подвергать сомнению тот факт, что компьютеры и возможности сетевой коммуникации окончательно проникли в наше представление о природе человека. Технологии играют сегодня едва ли не важнейшую роль в процессе формирования новых концепций будущего человечества. Такие концепции варьируются от представления о сознании как о программном коде нашего мозга, где самому мозгу отводится роль физического носителя кодифицированных данных, до фантастических гипотез о возможности симбиотического слияния человека и машины. Д. Болтер пишет, что компьютер уже стал ключевой определяющей технологией, парадигмой для переосмысления всей нашей культуры, включая и наши представления о сущности человека. Обещая (или даже угрожая?) полностью заменить человека, компьютер создает новую дефиницию человека как информационного процессора, а природы – как информации, которую этот процессор обрабатывает [5, 98].

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что сама граница, разделяющая людей и компьютеры, становится все менее заметной. Роль компьютеров и современных средств коммуникации постоянно возрастает и затрагивает все новые аспекты нашей жизни. Исследования показывают, что многие пользователи компьютеров наделяют их личными именами и обращаются к ним, как к живым людям [7, 119]. Активное развитие технологий искусственного интеллекта и самообучающихся нейросетей делает эту границу еще более призрачной. Сегодня у ребенка, общающегося в смартфоне с голосовым ассистентом, вполне может создаться впечатление, что он разговаривает с живым мыслящим существом, хотя это лишь продукт труда дизайнеров и программистов.

В эпоху цифровой культуры самой существенной характеристикой природы человека становится разум. Наше строение тела, пол, раса, возраст, национальность уже не играют принципиальной роли в ответе на вопрос – кто мы есть на самом деле? Сами варианты ответа на него, по мнению апологетов новой цифровой антропологии, могут быстро меняться в зависимости от того, сможем ли мы внести изменения в некий программный код нашего сознания. Из этого гипотетически можно сделать следующие выводы:

1) **Мы – это наш разум.** В культуре киберпространства часто звучит мысль, что человек существует исключительно как бестелесная сущность; он представляет собой чистую информацию [4, 261]. Д. Барлоу описывает киберпространство как новое прибежище разума, где устаревшему человеческому телу уже нет места. Переходя в виртуальный мир, человек обживает информационное

пространство, более того, он сам становится информацией. Апофеозом такой теории становится активно эксплуатируемая в том числе киноиндустрией тема научной фантастики в жанре киберпанк, которая предсказывает возможность в будущем для человека загружать свое сознание в киберпространство, освободить себя от телесности и жить полностью в виртуальной реальности. Продолжаются и исследования, направленные на обретение бессмертия путем полной загрузки информации, хранящейся в мозге человека, на искусственный цифровой носитель с последующим копированием.

2) **Человеческое тело является устаревшим.** Оно воспринимается как обуза, как ограничение для разума. Эта идея очень напоминает концепцию средневековых схоластов о теле, являющейся темницей для души. Современные идеологи культуры киберпространства утверждают, что наше тело в существующем виде есть исключительно источник наших нереализованных желаний и фрустрации, связанной с накладываемыми на разум ограничениями. Совершенства человек может достигнуть, лишь достигнув независимости от собственной телесности.

3) **Различия стираются.** В мире киберпространства, где жизнь переходит в цифровую форму, а мы представляем собой просто кластеры информации, понятия возраста, расы, национальности исчезают. Разум, идеи, мысли – единственное, что имеет значение, а не их непосредственный носитель. При входе в киберпространство каждый отказывается от своих физических особенностей в поиске общения на уровне чистого разума [5, 207].

4) **Природа человека исключительно пластична.** В условиях цифровой культуры человек становится подобием компьютерного интерфейса, подключаемого к общей сети, который может меняться по желанию путем внесения соответствующих изменений в программный код [5, 226]. Сегодня многие пользователи сети имеют множественные аватары, редактируемые и настраиваемые под конкретную ситуацию сетевой коммуникации. Вырисовывается картина будущего, в котором адаптация под себя новой личности становится частью нашей повседневной жизни. Грань между общественным и частным, допустимым и недопустимым в Интернете очень тонка. Цифровая эпоха стирает границы коммуникации: географические, статусные, частные.

5) **Находясь в сети, мы находимся в своей естественной среде обитания.** Киберпространство предлагает нам мир логический и упорядоченный. Термин «космология» происходит от греческих слов «космос» (мир) и «логос» (смысл). Компьютер конструи-

рует для нас мир, построенный исключительно по логике смысла. Этот мир состоит из логических алгоритмов и программ. В то время как наш реальный мир часто хаотичен, а его процессы не всегда поддаются интерпретации, компьютер предлагает нам картину мира, в котором господствуют упорядоченность, логика, причинно-следственные связи и полная прозрачность. Все это дает пользователю ощущение комфорта и спокойствия, которого он часто лишен в реальном мире.

Все вышеупомянутые аспекты, характеризующие цифровую культуру и ее формирующуюся философию, позволяют говорить о том, что претендующее на доминирование в XXI веке представление о характере человеческой природы является в известной степени возвратом к философским представлениям о человеке в XVII веке. Идея приоритета разума над телесностью, стремление разума окончательно освободиться из темницы плоти, отрицание значимости пола, расы, возраста, национальности, мечта об упорядоченном, построенном по математическим принципам мироустройстве – все это очень сильно напоминает традиционную картезианскую, и, в некоторых случаях, даже христианскую религиозную философию, при том, что одним из основных мотивов философии новейшего времени является именно осознанный отказ от «пережитков» классического представления о человеке, которое мы находим у Декарта и его единомышленников.

В любом случае, в условиях продолжающегося технического прогресса человечество неизбежно сталкивается с цивилизационным антропологическим вызовом, своевременный ответ на который способен повлиять на будущее всей цивилизации. Вопрос можно сформулировать следующим образом: либо человечество действительно движется к модели, описанной в известном фильме «Матрица», либо оно найдет в себе интеллектуальные силы «очеловечивать» Интернет и гипертекстовую реальность в целом [2, 81]. Сегодня перед педагогами, социальными психологами, философами, богословами стоит новая и беспрецедентная по масштабу и сложности задача – разработать и адаптировать к условиям современного социума новые образовательные социально-коммуникативные технологии, которые будут интегрированы в современную информационную среду и использовать все достижения науки и техники для достижения поставленных задач, при этом сохраняя личность индивида в посюсторонней от экрана компьютера реальности.

Библиографический список

1. Бубер, М. Проблема человека / М. Бубер. – М. : Ника-Центр, 1998. – 96 с.
2. Калмыков, А. А. Онтология цифровой цивилизации / А. А. Калмыков // Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании / под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2013. – 234 с.
3. Таратута, Е. Е. Социальный смысл виртуальной реальности : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Таратута Е. Е. – СПб., 2003. – 182 с.
4. Barlow, J. Crime and Puzzlement / J. Barlow. – Cambridge : The MIT P, 1996. – 512 p.
5. Bolter, J. Turing's Man: Western Culture in the Computer Age / J. Bolter. – Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1984. – 275 p.
6. Bukatman, S. Terminal Identity / S. Bukatman. – Durham, NC : Duke UP, 1993. – 420 p.
7. Reeves, B. The Media Equation / B. Reeves, C. Nass. – Cambridge : Cambridge UP, 1996. – 305 p.
8. Rheingold, H. The Virtual Community / H. Rheingold. – Reading, mass. : Addison-Wesley Publishing Co., 1993. – 447 p.

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. Р. Бадаева, А. Д. Лапин

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрены проблемы социальной адаптации личности в условиях информационного общества; дан анализ влияния социальных сетей на интеграцию обучающихся в университетскую среду. С учетом материалов эмпирического исследования обоснована роль социальных сетей как фактора социальной адаптации студентов к новому статусу.

Ключевые слова: социальные сети, социальная адаптация, интеграция в социальную среду.

SOCIAL NETWORKS AS A MEANS OF SOCIAL ADAPTATION OF STUDENTS

E. R. Badaeva, A. D. Lapin

Abstract. The article deals with the problems of social adaptation of the individual in the conditions of the information society, analyzes the impact of social networks on the integration of students into the university environment. The authors substantiate the role of social networks as a factor of social adaptation of students to the new status, based on the materials of empirical research.

Key words: social networks, social adaptation, integration into the social environment.

Современное развитие человеческой цивилизации определяется становлением и развитием информационного общества. При изучении процессов социальной адаптации человека в условиях данного общества важно учитывать возрастание количества информационных источников, а также возникновение новых средств общения и социального взаимодействия.

Доступность персональных компьютеров, гаджетов и совершенствование сетевых технологий способствует тому, что Интернет становится частью жизнедеятельности современного человека.

Наиболее ярко использование глобальной сети Интернет представлено посредством социальных сетей или веб-сайтов, предназначенных для организации социальной коммуникации и построения взаимоотношений в глобальной сети Интернет. Каждый день миллионы людей используют социальные сети, удовлетворяя свои потребности в коммуникации, работе, образовании и творчестве.

В настоящий период социальные сети раскрывают новый потенциал Интернета как средства самореализации и общественной коммуникации людей. Практики взаимодействия в социальных сетях все глубже внедряются в структуру жизни людей, переводя большую часть человеческой активности в режим он-лайн [1, с. 35]. И, если Интернет рассматривается как коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими людьми в любой момент времени и в глобальном масштабе, то социальные сети представляют собой конкретный инструмент, позволяющий выстраивать взаимосвязи между людьми, активизировать социальную составляющую взаимодействия «он-лайн» [2, с. 25].

Социальные сети играют важную роль не только в жизни социума в целом, но и отдельных социально-демографических групп,

например, молодежи, а именно для нас было интересно рассмотреть студенческую молодежь.

В настоящее время можно увидеть, что молодые люди удовлетворяют свои различные потребности путем использования социальных сетей. Социальные сети, появившись сравнительно недавно, прочно обосновались в жизни современного студента. Почти каждый студент зарегистрирован в какой-либо из популярных сетей и является ее активным пользователем.

Сложно представить себе современного молодого человека, который бы хотя бы раз в день не проверял обновления в социальных сетях и не листал новостную ленту. Современная действительность требует от нас постоянно оставаться на связи и быть в курсе последних новостей и трендов. Стало обыденным знакомиться и общаться через социальные сети, там же слушать музыку, смотреть фильмы. Таким образом, социальные сети сегодня позиционируются как инновационный фактор социальной адаптации развивающейся личности.

Студенты, поступившие в вузы, сталкиваются с новой социальной средой, что может вызывать дезадаптацию, определенные трудности или долгое привыкание к учебе. Новое окружение, новые формы образовательной деятельности и организации досуга, новые нормы и правила - все это социальная среда, к которой нужно адаптироваться, и именно социальные сети, на наш взгляд, являются одним из средств социальной адаптации молодого человека к новому статусу и студенческой жизни.

Социальные сети помогают студенту в поиске нужной информации по учебе, общению с одногруппниками и преподавателями, быстром информировании о событиях в студенческой жизни, подготовке к занятиям, возможности что-либо спросить и получить ответ на расстоянии.

По сравнению с традиционными способами взаимодействия студента и окружающей его социальной среды, сетевое общение в целом имеет ряд преимуществ, а именно: возможность для творческой самореализации, при минимальных затратах; возможность общения в группах по интересам; неограниченность географическими и государственными рамками. Все это существенно снимает напряженность в период первичной социальной адаптации в вузе.

Для подтверждения нашей гипотезы о том, что социальные сети являются средством социальной адаптации современного студента, нами было проведено социологическое исследование с применением анкетного опроса.

В результате опроса было установлено, что 100 % студентов зарегистрированы и являются активными пользователями социальных сетей, а так же большая часть опрошиваемых (65 %) указали, что пользуются социальными сетями постоянно, то есть находятся в режиме он-лайн круглосуточно и готовы практически в любое время ответить на сообщение или пролистать ленту, 35 % заходят в сеть несколько раз в день.

Таким образом, современные студенты используют социальные сети и проводят в них огромное количество времени. Мотивы нахождения в сети у студентов различные, так для подавляющей части респондентов социальные сети это: способ быть в курсе последней информации в учебной деятельности; подготовка к семинарам; возможность общения с одногруппниками; ознакомление с информацией, связанной с культурной деятельностью факультета и университета, и, конечно же, среди мотивов были указаны привлечение и общение с друзьями.

Помимо этого социальные сети для 60 % опрошенных помогают в организации своего досуга, а именно, представляют собой возможность найти интересующую музыку, фото, возможность участия в студенческих конкурсах, наличие быстрого способа связи и обмена информацией, ознакомление с акциями и скидками, а также интересной информацией о посещении культурных мероприятий.

В результате полученных данных можно говорить, что социальные сети действительно используются студентами для социальной адаптации к университетской жизни, а также интеграции студента в общество и это, на наш взгляд, позитивно отражается на личности студента.

К тому же, большинство опрошенных респондентов указали, что социальные сети помогают им в реальной жизни (65 %), а именно найти друзей по интересам, помощь в самовыражении, а также возможность лучшей подготовки к учебным занятиям и семинарам. Все это позитивно сказывается в процессе учебы.

Проведя сравнение между студентами первых и старших курсов, мы пришли к выводу, что на первых курсах помощь социальных сетей в адаптации гораздо выше, чем на старших курсах. Именно первокурсники активно используют социальные сети для знакомства с новым окружением, узнавания информации у преподавателей и одногруппников по учебе и культурным мероприятиям, так же происходит знакомство со студенческой средой не только своего факультета, но и университета в целом.

Студенты старших курсов используют социальные сети больше для организации своего досуга, развлечения, однако так же для учебной и уже научной деятельности. Студенты-активисты – для взаимодействия и организации мероприятий со студентами первых курсов, общение с преподавателями, поиск нужной им информации (даже в процессе занятий), привлечение друзей и знакомых к помощи в проведении исследований для написания курсовых и других научных работ.

Таким образом, на основе собранной информации, можно прийти к следующим выводам.

В настоящий момент социальные сети представляют собой неотъемлемую часть нашей жизни. Они влияют на организацию нашего досуга, повседневную жизнь, адаптацию к новым условиям жизни и интеграцию в социум.

Опрашиваемые студенты видят в социальных сетях больше позитивных аспектов и возможностей, помогающим им с огромной скоростью, практичностью и удобством интегрироваться в студенческую жизнь. Однако социальные сети не только помогают в социальной адаптации к студенческой жизни, но и в развитии полезных навыков необходимых для успешного функционирования в обществе, а именно: развитие коммуникативных навыков, повышение эффективности в работе, налаживание контактов и отношений с нужными людьми.

Интернет и социальные сети открывают нам столько возможностей и экономят такое количество времени, что мы не можем отказать себе в удовольствии использовать эти «чудеса» техники в повседневной жизни [3].

Общество прогрессирует и развивается, а вместе с ним и технологии, с которыми мы идем вместе по жизни. Сегодня очевидно, что социальные сети – это прогрессивный инструмент будущего, который активно принимается и применяется молодежью для функционирования в социальной среде.

Библиографический список

1. Асеева, О. В. Социологический анализ социальной активности молодежи в сетевых сообществах Интернета / О. В. Асеева // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – № 4. – С. 34–45.
2. Елисеева, Е. В. Интернет-технологии как фактор развития социальной активности российской молодежи / Е. В. Елисеева,

Н. Г. Королев, В. В. Савченко, О. В. Кашликова // Социологические науки. – 2012. – № 9. – С. 21–32.

3. Сазанов, В. М. Социальные сети как новая общественная сфера. Системный анализ и прогноз / В. М. Сазанов. – М. : Лаборатория СВМ, 2010. – 180 с.

УДК 316.4

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Л. С. Курдина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрена проблема внедрения современных информационных технологий в практику социальной работы. Использование информационных технологий представлено как важный фактор модернизации этой сферой деятельности. Приведены примеры использования современных технологических средств в социальной работе.

Ключевые слова: социальная работа, модернизация, информационные технологии, клиенты с ограниченными возможностями здоровья.

THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN SOCIAL WORK

L. S. Kurdina

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the problem of introducing modern information technologies into the practice of social work. The use of information technology is considered as an important factor in the modernization of this field of activity. The article describes examples of the use of modern technological tools in social work.

Key words: social work, modernization, information technology, clients with disabilities.

В настоящее время информатизация в сфере социальной работы представляет собой решение проблем разработки и внедрения типовых информационных систем по следующим направлениям: социальная защита населения, трудоустройство и занятость населения, охрана здоровья, мониторинг общественного мнения.

Информационные технологии в социальной работе можно рассматривать как один из основных элементов, направленный на систематизацию работы и оптимизацию оказания помощи людям, столкнувшимся с теми или иными проблемами.

Информационные технологии, основанные на современных информационных системах, расширяют возможности социальной работы, позволяют более эффективно систематизировать большой объем данных, особенно в практической социальной работе.

Сейчас очень сложно представить деятельность какой-либо организации без использования современного оборудования. Современные компьютерные программы позволяют социальному работнику справиться с большим объемом информации, систематизировать документооборот, повысить скорость обработки информации. Поэтому для повышения эффективности работы социальных работников необходимо наличие современных компьютеров в социальных учреждениях.

Применение информационных технологий в социальной работе с разными категориями клиентов в настоящее время только набирает обороты. Особое значение использование информационных технологий имеет в социальной работе с различными группами инвалидов. Становится необходимым оптимизировать условия жизнедеятельности людей с ограниченными возможностями, чтобы они могли наиболее полно использовать и развивать свои потенциальные способности для адаптации к новым условиям и преодоления различных сложных ситуаций. Для данной категории просто необходимо наличие персонального компьютера с доступом в Интернет. Ведь с помощью компьютера они смогут найти необходимую информацию, расширить круг общения и не чувствовать себя одиноким.

Весьма перспективным видится использование информационных технологий в процессе обучения слабовидящих детей. Для таких категорий обучающихся информационные технологии, прежде всего, могут быть использованы как средство тренировки зрения. Многофункциональное аудио-устройство Milestone специально разработано для незрячих или слабовидящих пользователей. Данное устройство способно преобразовывать текст в речь, меняя языки и голоса воспроизведений. Мощный встроенный динамик позволяет производить чистую, качественную запись независимо от внешних посторонних звуков. Помимо этого в данном устройстве доступен оптический определитель цвета. Оно распознает около 400 цветов и имеет функцию сравнения и идентификации структу-

ры. Milestone – компактное устройство небольшого размера, включающее в себя множество полезных функций, которые могут быть настроены по желанию пользователя. Touch Memo (цифровая ручка-маркер-диктофон) – это ещё одно современное устройство, разработанное для данной категории лиц. Работать с данным устройством очень просто: нужно наклеить этикетку на необходимый вам предмет, нажать кнопку записи, произнести необходимое сообщение, записав тем самым голосовую метку для данного предмета. Так можно маркировать любые предметы, включая повседневные предметы домашнего обихода, продукты, лекарства, а также одежду (специальные влагостойкие, непромокаемые этикетки). Можно самостоятельно сортировать документы, счета, кредитные карты и прочее. Для того, чтобы услышать записанную голосовую метку, нужно просто слегка коснуться концом ручки этикетки, и прозвучит голосовое сообщение.

Необходимо разрабатывать компьютерные программы и телефонные приложения, ориентированные как на клиента, так и на специалиста по социальной работе, обеспечивающие возможность продуктивной работы. Mobile Speak – современное программное обеспечение экранного доступа для мобильных устройств. Данная программа доступна для мобильных устройств и «карманных» компьютеров, и позволяет использовать устройство, даже если у пользователя нет возможности читать с экрана. Информация, отображенная на экране, преобразуется в речь и передается через наушники. Содержимое экрана может быть представлено с помощью системы Брайля, если мобильный телефон или «карманный» компьютер подключены к устройству с обновляемым дисплеем.

В своей деятельности социальный работник обязательно должен использовать самые популярные компьютерные офис-программы, такие как: Microsoft Word (для работы с текстом), Microsoft Excel (для работы с электронными таблицами), Microsoft Power Point (подготовка и демонстрация презентации) и Microsoft Outlook, Microsoft Outlook Express (организация работы в учреждении) [1].

Данные программы используются для эффективной организации повседневной работы сотрудников социальных учреждений, они необходимы для организации системной деятельности специалистов по социальной работе, а также для принятия оптимального и эффективного решения той или иной проблемы, возникшей у клиента.

Особое место занимает разработка специального оборудования и информационных систем для людей с ограниченными воз-

возможностями здоровья. Известна такая современная цифровая технология как «умный дом». «Умный дом» – это совокупность технологических устройств, обеспечивающая комфорт, безопасность и энергосбережение. Для инвалидов использование этой системы могло бы кардинально изменить их жизнь. Людям с ограниченными возможностями зачастую сложно оперировать даже самыми обычными предметами или выполнить определенные действия, например, дотянуться до выключателя или крана с водой. Избежать этого можно, используя правильную настройку инженерных систем «Умного дома»: освещение может активироваться по пути следования, подача воды и газа – перекрываться, когда вы покидаете кухню. То же относится к замкам – умные модели, оснащенные огромным количеством датчиков, могут отпираться сканером изображения или любым другим способом.

Люди с нарушением слуха физически не могут получить звуковое сообщение о том, что, к примеру, кто-то звонит в дверь, обнаружена протечка воды или закипел чайник. Систему «Умный дом» можно настроить на отправку сообщений на любое устройство, включая мобильный телефон. Тип оповещений легко настраивается – от мигающих пиктограмм до вибрации и голосового озвучивания.

«Умный» домофон может значительно упростить жизнь людям с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Он дает возможность узнать, кто именно пришел, впустить его, используя при этом только планшет или смартфон. Более того, его можно настроить автоматически впускать конкретных посетителей, вести журнал визитов.

Кроме того, технологии «Умного дома» позволяют детям и опекунам престарелых контролировать повседневную жизнедеятельность опекаемых, оперативно напоминая о необходимости выполнения тех или иных предписанных действий или задач.

Преимущество системы «Умный дом» в том, что она универсальна и подходит для разных категорий клиентов.

Для лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата разработана система нейрокомпьютерного процессора. Данная система создана для обмена информацией между мозгом и электронным устройством. В однонаправленных интерфейсах внешние устройства могут либо принимать сигналы от мозга, либо посылать ему сигналы. Двухнаправленные интерфейсы позволяют мозгу и внешним устройствам обмениваться информацией в обоих направлениях. В основе нейрокомпьютерного интерфейса часто используется

метод биологической обратной связи. Система улавливает намерения инвалида выполнить какое-либо движение и передает данные устройству. Пневматические мышцы искусственного скелета получают сигнал от воображаемого сигнала мозга инвалида к специальному компьютеру. Появляется возможность выполнять определенные движения, что позволяет инвалиду обслуживать себя самостоятельно и открывает более широкие возможности в социальной реабилитации.

В качестве общих критериев эффективности информационных технологий можно выделить экономию социального времени и оптимизацию условий жизнедеятельности, которые достигаются в результате их практического использования.

Таким образом, в настоящее время информационные технологии проникли во все сферы нашей жизни, и социальная работа не является исключением. Они должны внедряться в процесс подготовки специалистов по социальной работе, а так же в управление и организацию практической работы специалистов в учреждениях социальной защиты. Внедрение современных информационных средств и технологий позволит систематизировать работу служб, предприятий и организаций, занятых в социальной сфере, а так же поможет оптимизировать условия жизнедеятельности различных категорий клиентов.

Библиографический список

1. Лычагина, В. В. Применение информационных технологий в деятельности специалиста по социальной работе: теоретический аспект / В. В. Лычагина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 182.

УДК 304.2

ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Т. Н. Кузнецова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрены теоретические основы к применению инновационных технологий в социальной работе. Особое внимание уделено множественности научных подходов к понятию инновации. Представлены характе-

ристики инновационных технологий в социальной работе; определена цель инновационной технологии.

Ключевые слова: инновация, технология, социальная работа.

INNOVATIVE TECHNOLOGY IN SOCIAL WORK: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL UNDERSTANDING

T. N. Kuznetsova

Penza State University, Penza

Abstract. The article discusses the theoretical foundations for the application of innovative technologies in social work, focuses on the multiplicity of scientific approaches to the concept of innovation. The author describes the characteristics of innovative technologies in social work, defines the purpose of innovative technology.

Key words: innovation, technology, social work.

Общество динамично, в нем повсеместно зарождаются и достигают своего апогея различные социальные проблемы. Для стабилизации общественного состояния в постоянно изменяющихся условиях требуются всё новые и новые подходы к разрешению проблемных ситуаций. Сфера социальной работы представляется как одна из наиболее перспективных в вопросе разработки и реализации тех или иных социальных технологий, призванных обеспечивать конструктивное функционирование социальной системы, ее развитие. В связи с этим можно говорить о различии данных технологий по степени их новизны, соответственно выделяя инновационные социальные технологии как методы и приемы инновационной деятельности, направленные на создание и материализацию нововведений в обществе, реализацию новшеств, которые приводят к качественным изменениям в различных сферах социальной жизни, рациональному использованию ресурсов в обществе [1].

При этом следует понимать, что любая современная идея, новый способ мысли и направление деятельности – это, прежде всего, риск: так, социальная технология, находясь на стадии своего проектирования, конструирования или в начальной стадии внедрения есть по своей сути нарушение, менее или более значительное, уже сформированных норм социального восприятия, функционирования и взаимодействия. Сфера социальной работы стремится к четкой алгоритмизации, сводящей к минимуму субъективный фактор при изучении социальной реальности и реализации механизмов позитивного воздействия на нее. И, так как общество представляет собой сложный объект познания и регулирования, социальная ра-

бота ориентирована на оптимизацию процесса получения нового знания о нем и возможности разрешения тех или иных социальных проблем. Таким образом, несмотря на риск, существует необходимость современных, новых социальных технологий.

В современной науке существует широкий спектр связанных с этим понятий: инновация, новшество, нововведение, инновационный процесс и др., в которые нужно внести определенную ясность. Изучением данного вопроса занимались такие ученые, как И. Перлаки, А. И. Пригожин, А. Б. Титов и др. Согласно одной из научных позиций, между понятиями новшество, нововведение, новация и инновация можно поставить знак равенства. Однако, существует противоположная точка зрения, с которой представляется необходимым согласиться, заключающаяся в мысли о нетождественности перечисленных категорий, их различной смысловой нагрузке.

Новшество есть элемент, или их комбинация, до сих пор неизвестные в определенной социальной системе; схоже с таким пониманием определение новации как чего-то нового, только вошедшего в обиход. Под термином «новизна» представляется характеристика, интегрирующая в себе объективные и субъективные аспекты понимания и оценки новшества, выражающие отношение к новому как результату деятельности в масштабах от общества до индивида. Так, можно говорить об индивидуальной новизне, когда речь идет о чем-то новом для конкретного человека, об известной большинству идее; о локальной или групповой новизне, имеющей смысл новации для определенной группы; о региональной новизне – от региона до уровня страны; об объективной или всемирной новизне, когда речь идет обо всем мировом сообществе. Нововведение и инновация могут быть рассмотрены в качестве синонимов, признано их понимание, как процесса изменений, связанных с созданием, признанием или внедрением новых элементов материальной и нематериальной культуры в социальной сфере [2, с. 7–14].

Обобщая, можно сказать, что ряд понятий – новшество, новация, новизна – объединены идеей нового как такового: рассмотрение какого-то знания, метода, изобретения как чего-то, следующего за предыдущим, как чего-то принципиально нового или как некой другой структуры [3, с. 258]. В то время как нововведение и инновация предстают исполнением новшества, его практической составляющей, реализацией, имеющей результат.

Таким образом, цель инновационной технологии – это усиление отдачи за те же вложенные ресурсы, повышение эффективно-

сти того или иного элемента (системы) в целом, его развитие, рост. Поэтому каждая возникающая инновация, как правило, характеризуется более высоким технологическим уровнем, повышенными потребительскими качествами по сравнению с предыдущей ее ступенью, в том числе ступенью отсутствия какого-либо решения. Следовательно, можно дать следующее определение инновации. Инновация есть конечный результат инновационной деятельности, имеющий воплощение в виде внедренного нового усовершенствованного продукта или процесса, используемого в деятельности или в новом теоретическом подходе к тому или иному вопросу.

На основании изложенного, можно выявить следующие обобщенные характеристики инноваций:

1. Универсальность: инновации разрабатываются и внедряются повсеместно, вне привязки к конкретной области. Например, в социальной работе в ее комплексном понимании как особой сферы теоретического знания и практической деятельности, а также в различных связанных с этим отраслях по сферам, доминирующей проблематике и т.д.

2. Новизна: ссылаясь на сказанное выше, стоит заключить, что новизна есть свойство инновации, а в основе инновации любого вида лежат новые знания. Прилагая данное утверждение к социальной работе, можно сказать, что по мере накопления теоретического знания или эмпирической базы, происходит открытие и заключение новых свойств, содержаний и специфики социальных явлений и процессов, имеющих зачастую принципиальное значение в вопросе решения социальных проблем.

3. Рискогенность: высокий риск, имманентно присущий инновационному процессу, неопределенность конечного результата. Для социальной работы это имеет особенно важный смысл, поскольку и осуществление ее как деятельности, и разработка научных обоснований в данной сфере – это всегда ответственность за жизнеспособность и жизнедеятельность человека, группы, общности, социума в целом.

4. Реализуемость: до тех пор, пока новое знание не нашло воплощения в реальном мире, оно лишь потенциально является инновацией. Миссия инновации – быть реально допустимой, апробированной и практически полезной.

5. Внедряемость: в связке с предыдущей характеристикой нужно отметить внедряемость как свойство инновации – инновация осуществляется в различных объектах общественной жизни. В со-

циальной работе успешность внедрения означает потенциальную возможность или невозможность разрешения ряда теоретических или практически значимых, часто смысложизненных, вопросов.

6. Комплексность: как правило, инновация является комплексным процессом. Конечно, допустимо изменение некоторого спектра характеристик, однако, поскольку социальная реальность и социальная работа являются собой сложно устроенные, комплексные системы, изменение одних параметров влечет изменение других.

7. Воспроизводимость: инновация обладает свойством воспроизводимости. Как правило, она не возникает как одномоментное явление, а имеет потенциально воспроизводимый характер.

Помимо этого, в качестве характеристик социальных инноваций выделяют временные характеристики, которые отражают процесс получения результатов от инновационной деятельности. В связи с этим можно говорить об инновации как явлении, где она предстает в качестве конкретного изменения, вызванного реальной или потенциальной потребностью, и обусловленного научно-техническим прогрессом или специально проводимыми научными исследованиями. Во-вторых, ведущей временной характеристикой инновации может выступать процесс. В данном случае она понимается как действия, осуществляемые для последовательного внесения изменений в соответствующий продукт, материальный и идеальный, или услугу. И третье понимание социальной инновации в соответствии с данным критерием – это инновации как вид деятельности, т.е. запланированные целенаправленные комплексные действия по качественному изменению любого из элементов или их совокупности.

Таким образом, в своем развитии инновационная, современная технология проходит ряд стадий от поиска инновационных идей до распространения полученного знания и опыта на разных уровнях и в разных формах. Это процесс зарождения идеи или идей, отбор наиболее перспективных из них и первичная оценка их жизнеспособности, определение концепции, апробация как эмпирическая проверка инновационной социальной технологии в различных условиях, корректировка содержания с учетом результатов эмпирической проверки, детальная разработка социальной технологии. Это сложный комплекс теоретико-методологического осмысления и практического подтверждения.

Принципиальную роль при этом играет творческая фаза, выступающая в качестве отправной точки всей последующей работы по изучению имеющейся в современной действительности ситуа-

ции, определению желаемых результатов и изучению ресурсного обеспечения. В связи с этим создание современных социальных технологий требует интегрирования как знаний, относящихся к разным областям инноваций, так и разных точек зрения ученых. Множественность подходов лишь обуславливает высокую заинтересованность и содействует возникновению всё новых современных технологий. Нововведения в социальной работе – предмет активных научных исследований, поскольку оптимизация инновационной деятельности – это важнейшая предпосылка повышения эффективности социальной работы, о чем свидетельствует практика внедрения новшеств.

Подводя итог, можно сказать, что поскольку социальная работа есть многоаспектная область теоретической и практической деятельности, то выявление новых идей, анализ и выработка путей их воплощения являются собой постоянный, актуальный и динамичный процесс: комплекс изменений ставит перед необходимостью работать в новых условиях. Исходя из того, что основной смысл социальных технологий заключается в сознательном применении их к социальной реальности, сущность и назначение любой социальной технологии – оптимизировать данный процесс, сделать его более технологичным, сведя к минимуму операции, которые не являются необходимыми для получения социального результата. Следовательно, инновационные технологии – это ресурс, позволяющий снизить затраты при повышении эффективности воздействия, получении положительного результата, рассматриваемого как особая ценность.

Библиографический список

1. Технологии социальной работы : учеб. / под общ. ред. проф. Е. И. Холостовой. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 400 с.
2. Платонова, М. Ю. Инновации в социальной работе : учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / Н. М. Платонова, М. Ю. Платонов. – М. : Академия, 2011. – 256 с.
3. Технологии социальной работы : учебник / под ред. В. И. Жукова. – М. : Изд-во РГСУ : Омега-Л, 2011. – 388 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИЗОТЕРАПИИ В ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

А. Н. Полуянова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Исследованы теоретические модели применения изотерапии в психосоциальной работе. Определено место изотерапии в общем контексте арт-терапии; рассмотрены системная, лечебная, процессуальная модели изотерапии. Выделены наиболее эффективные практики применения данных моделей.

Ключевые слова: психосоциальная работа, арт-терапия, изотерапия.

THEORETICAL MODEL OF PAINTING ART THERAPY IN PSYCHOSOCIAL WORK

A. N. Poluyanova

Penza State University, Penza

Abstract. The author explores the theoretical models of the use of painting art therapy in psychosocial work. The article defines the place of painting art therapy in the general context of art therapy, describes the systemic, therapeutic, procedural models of painting art therapy. The author identifies the most effective practices of applying these models.

Key words: psychosocial work, art therapy, painting art therapy.

Изотерапия является одним из методов психотерапии, с помощью которого в психосоциальной работе проводится психологическая коррекция личности и её ближайшего окружения (семьи, соседей, коллег по работе, учебе). Изотерапия в психосоциальной работе – это реабилитация личности, изменение стереотипов поведения средствами художественного творчества и анализа этой деятельности.

На данный момент ни один автор не описал конкретных моделей изотерапии, однако мы сделаем попытку определить модели изотерапии в подходах психосоциальной работы и в моделях арт-терапии.

В психосоциальной работе существует ряд подходов, в которые можно встроить модель изотерапии. Одним из подходов является системный, который в контексте психосоциальной теории дает

возможность решать и осмысливать конкретные проблемы клиентов. Этот подход предполагает применение системной арт-терапии. Системная модель арт-терапии основывается на художественном творчестве клиента. Так как первостепенной деятельностью в системной арт-терапии является изобразительное творчество, то можно говорить о системной изотерапии. Отличие от других моделей состоит в использовании лечебно-реабилитационного процесса, синергичности изотерапевтических воздействий, четкой разработке процессуально-технологических качеств, применении техник, фокусированных на разрешении определенных задач, связанных с этапами лечебно-реабилитационного процесса, групповой динамикой, стадиями процесса психотерапевтических изменений и видами психических расстройств.

Важным в системной модели признается личностно-ориентированный характер изотерапии. На изотерапевтических занятиях личность клиента может проявиться наиболее целостно, во всей полноте своих патологических и здоровых проявлений, что позволит активно использовать психологические механизмы, чтобы компенсировать биологически обусловленные ограничения психических функций либо скорректировать и развить сохранные функции. В творчестве имеет место персонально неподражаемый комплекс эмоционально-волевых, познавательных и поведенческих индивидуальностей личности, особенности ее отношения к себе и другим людям, заболеванию и излечению.

Поэтому в качестве важнейших теоретико-методологических основ системной изотерапии мы определяем следующие теоретические элементы:

- теорию личности как систему отношений человека с окружающей его средой;
- теорию творчества как специфически человеческого, личностного метода работы (культурного производства) и универсального механизма адаптации или же защитно-приспособительного поведения личности, реализуемого в ситуации психического расстройства.

Системная изотерапия гарантирует оптимальный учет разнообразных биопсихосоциальных факторов сохранения и восстановления здоровья, вмешательство терапевта на разных этапах изотерапевтической работы в иных способах лечения и реабилитации, возможность включения изотерапии в институционально-организационный контекст медицины и психиатрии.

Другой подход психосоциальной работы – психодинамический подход, позволяющий оценивать социальное функционирование человека, исходя из анализа его Эго, эмоциональности, неосознанных мотивов и конфликтов, умения или неумения контролировать свои импульсы. В этом подходе изотерапию можно рассмотреть как совокупность психологических, психофизических и психосоциальных лечебно-реабилитационных воздействий. В психосоциальной концепции изотерапия помогает понимать личностные проблемы клиента и комплексно исцелять не только занятиями изобразительного искусства, но и межличностным взаимодействием, обсуждением результатов творчества клиентов в контексте их проблем и системы отношений, а также применение различных психотерапевтических приемов (индивидуальные, межличностные и общегрупповые интерпретации, воздействующее резюме и др.), реализуемых на основе личностного подхода. На этой основе можно построить лечебную модель изотерапии.

Лечебная модель изотерапии применяется в ситуациях стресса, может регулировать адаптивный характер клиента. Здесь его внимание переключается, например, на передачу в своем рисунке конфликтных ситуаций и эмоций, а в других случаях – с неприятных переживаний на процесс актуализации и проявление позитивно окрашенных воспоминаний.

Основные принципы лечебной модели изотерапии следующие:

- Неразрывная связь с творческой деятельностью при допустимости применения элементов полимодальной терапии искусством. Этот принцип предполагает, что благодаря использованию художественных средств и образов как инструментов проективно-символической коммуникации могут быть в достаточной мере раскрыты особенные для изотерапии лечебные возможности и преимущества перед другими формами лечебно-реабилитационного влияния, созданы условия для глубокого самораскрытия пациентов и их межличностного взаимодействия.

- Интерактивный характер занятий, основанный на создании условий для творческого отражения внутреннего мира клиентов, и их взаимосвязь и отношение друг с другом и терапевтом; единство и взаимодополняемость вербальной и невербальной обратной связи. Данный принцип обоснован необходимым значением межличностной коммуникации в развитии психотерапевтических и групповых отношений, выражающихся в роли одного из преимущественно общих факторов лечебно-реабилитационного влияния изотерапии.

- Учет стадий и уровней процесса терапевтических изменений и ориентация на эти изменения. Принцип подтверждён данными трансэпистемических исследований, согласно которым общая терапевтическая эффективность вмешательств, автономно от системы их теоретического обоснования, в значимой степени связана с наиболее общими факторами и процессуально-динамическими закономерностями в психологических реакциях участников психотерапии [1, 384].

- Принцип учета различных уровней биопсихосоциальной целостности клиента, связанный с осознанием и принятием его сложной ситуации, вызванной разными факторами.

- Опора на комплекс психотерапевтических механизмов и факторов творческой активности, а также терапевтические отношения в группе (или взаимодействия психотерапевта и клиента в индивидуальной изотерапии), вербальный и невербальный контакт.

- Наглядно-чувственный характер работы и её результатов, связан с признанием специфических свойств и черт изотерапии, например, ее способностью влиять на психическую сферу, сенсорные процессы и поведение, обеспечивать вовлечение психофизических ресурсов организма, мобилизацию клиентов в созидательно-предметную деятельность и процесс культурного производства. С помощью этого увеличивается вовлеченность и интерес клиентов в художественно-творческих занятиях (как во время изотерапии, так и после неё), удовлетворенность работой и ее результатами.

- Принцип сочетания группового характера терапии с индивидуальным воздействием на клиента обосновывается с позиций личностного подхода к клиенту.

- Ориентация на саморазвитие клиента при помощи художественной деятельности, доверие к его внутренним ресурсам и механизмам творческой адаптации с одновременным привлечением и активизацией внешних, в частности, групповых ресурсов. Этот принцип основан на признании творческой, художественной деятельности в качестве универсального, свойственного всем людям (независимо от их состояния здоровья и художественной одаренности) механизма познавательной деятельности, самовыражения и взаимодействия с окружающим миром, неразрывно связанного с механизмами саморегуляции и психологической адаптации.

Таким образом, в психосоциальной работе на основе ее подходов и моделей арт-терапии можно определить три модели изотерапии: системную, лечебную и процессуальную. Изотерапия счита-

ется действенным видом психосоциальной помощи клиентам, что подтверждается благоприятной динамикой симптоматического статуса клиентов изотерапевтических программ, положительными переменами их психологического функционирования, развитием комплекса способностей, обеспечивающих психосоциальную адаптацию. Важным фактором устойчивой психосоциальной адаптации выступает усиление творческой направленности личности. В каждой теоретической модели изотерапии заключены широкие возможности для достижения целей психосоциальной работы, но мы предполагаем, что возможно создание и новых теоретических моделей.

Библиографический список

1. Прохазка, Д. Системы психотерапии / Д. Прохазка, Д. Норкросс. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2007.

УДК 364.046.4

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЁННЫХ

О. Д. Каравайкина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Отражены результаты исследования опыта социальной работы в пенитенциарных учреждениях. Рассмотрено значение данного опыта для ресоциализации осужденных. Особое внимание уделено роли социального работника в психосоциальной помощи данной категории.

Ключевые слова: пенитенциарное учреждение, психосоциальная работа, ресоциализация.

SOCIAL WORK AS A FACTOR OF RESOCIALIZATION OF THE IMPRISONED.

O. D. Karavaikina

Penza State University, Penza

Abstract. The article reflects the results of the experience of social work in penitentiary institutions. The author examines the significance of this experience for the resocialization of the imprisoned, drawing attention to the role of the social worker in the psychosocial assistance in this category.

Key words: penitentiary institution, psychosocial work, resocialization.

Организация социальной работы в учреждениях пенитенциарной системы требует углубленного изучения, начинать которое нужно с рассмотрения взаимодействия среды и личности. Сложное взаимодействие объективных условий и субъективных факторов является причиной преступного поведения. Человек в соответствии со своими ценностями и какими-либо личностными особенностями по-своему оценивает окружающие обстоятельства. Зависимость от этих обстоятельств в большей степени предопределяет криминальное поведение. Вставших на преступный путь людей не останавливает ни страх перед наказанием, ни предпринятые в отношении него меры общего и индивидуального воздействия. Одним из часто применяющихся видов наказания является лишение свободы – принудительная изоляция преступника от общества в специализированном учреждении с определенным режимом отбывания наказания.

Пребывание в пенитенциарном учреждении оказывает сильное воздействие на человека. Личность, попавшая в сферу влияния исправительного учреждения, временно изолированная от общества и ограниченная в некоторых правах и свободах, становится жертвой своего преступления, попадая в зону повышенной опасности для физического и психологического здоровья, утраты положительных связей, ухудшения правового и социального статуса, отчуждения и стигматизации.

Длительные сроки, криминальная субкультура, нездоровая среда, неполноценное питание, психологический прессинг условий изоляции, давление осужденных друг на друга и персонала на них, преобладание карательных мер, невозможность удовлетворить важнейшие из потребностей, недостаточность социальной поддержки в исправительном учреждении, – все это усугубляет положение осужденных в период отбывания наказания и осложняет процесс их адаптации и ресоциализации.

Социальная работа с осужденными есть специфический вид профессиональной деятельности по оказанию социальной помощи, поддержки и защиты осужденных в целях их исправления и ресоциализации в период исполнения уголовного наказания, а также адаптации (реадаптации) в обществе после освобождения. Эти процессы предполагают не только позитивные изменения личности правонарушителя, но и коррекцию системы его общественных связей и отношений в микро- и макросреде. Самостоятельно осуществить подобную социальную терапию осужденный не может. Поэтому здесь стоит отметить, что социальной помощью и под-

держкой на разных этапах его исправления и подготовки к жизни на свободе должны профессионально заниматься специалисты – социальные работники.

Специалисты по социальной работе входят в группу социальной защиты осужденных. Эта служба представляет собой механизм максимально возможного взаимодействия между администрацией и заключенными. В настоящее время группа социальной защиты осужденных является структурным подразделением исправительного учреждения, лечебно-исправительного учреждения, осуществляющая содействие осужденным в разрешении их социальных проблем [1, 33].

Одним из таких учреждений является исправительная колония № 4 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Пензенской области.

По прибытии в исправительное учреждение осужденный определенное время находится в карантине. Карантин представляет собой место адаптации осужденного, где происходит предварительное изучение его личности, особенностей характера, установление степени его десоциализации, определение образовательного уровня, а также исследование состояния здоровья и проведение санитарно-гигиенических мероприятий. В этот период с осужденным работают сотрудники учреждения: психологи, медицинские работники, социальные работники, начальники отрядов по воспитательной работе. Индивидуальная социальная работа с осужденными на данном этапе включает социальную диагностику и выявление социальных проблем, требующих решения. Социального работника интересуют такие параметры и характеристики личности, как его семейное положение, характер связи с родственниками, его прежние жилищные условия, наличие профессии, уровень образования, жизненные планы на период отбывания уголовного наказания и после освобождения, отношение к религии, различным религиозным конфессиям. Все основные характеристики осужденного на начало отбывания срока наказания фиксируются в дневниках индивидуальной работы с осужденными. А также составляется программа индивидуальной социальной работы с каждым осужденным с учетом его личностных характеристик, данных личного дела и полученных сведений в период пребывания в карантине. В данных программах указываются аспекты деятельности, нацеленные на нравственное воспитание, правовое воспитание, трудовое воспитание. Также в них отмечаются формы работы: индивидуальные бе-

седы, личные поручения осужденному, индивидуальное шефство, аттестация осужденного. Иными словами, индивидуальная программа работы с осужденным – это документ, в котором закреплены сведения психологического, социального, воспитательного, медицинского характера об осужденном.

Первый этап работы с осужденным – это этап проведения социальной диагностики в период его нахождения в карантине. Данный процесс представляет собой исследование осужденного, распознавание причинно-следственных связей, приведших его к тому положению, в котором он находится в настоящий момент. Цель диагностики заключается в исследовании сущности конкретных социальных проблем. Распространенным методом их выявления является беседа с осужденными.

При переходе из карантина на основной этап отбывания наказания продолжается социальная работа, упор которой делается на обретение или восстановление и укрепление социально полезных связей: с семьей, родственниками, трудовым (учебным) коллективом. Здесь начинается подробное, комплексное изучение личности осужденного, все данные которого фиксируются в социальной карте ресоциализации. Социальную карту специалист выдает на руки осужденному, освобождающемуся из исправительного учреждения для получения необходимой помощи со стороны специалистов социальной защиты населения и других организаций по месту жительства.

Далее при работе с осужденным используются технологии социальной терапии, подразумевающие его социальное и психическое оздоровление и устранение тех устойчивых нарушений в социальном функционировании, которые привели человека к совершению преступлений. Решаются данные проблемы при помощи методов трудовой терапии и терапии самовоспитания. Учитывая специфику пенитенциарной социальной работы необходимо отметить технологию посредничества, позволяющую осуществлять связь осужденного с внешним миром.

На заключительном этапе нахождения осужденного в исправительном учреждении главным направлением работы специалиста по социальной работе становится подготовка к освобождению, для чего он посещает уроки в «Школе подготовки к освобождению». Этому событию уделяется особое внимание ввиду того, что необходимо помочь осужденному пройти этап ресоциализации. Социальная адаптация и реинтеграция в общество лиц, освобождаемых из исправительных учреждений, затруднена из-за ослабления се-

мейных и родственных связей, потери навыков рационального использования материальных ресурсов и сложности принятия адекватных решений в различных жизненных ситуациях. Специалист по социальной работе связывается с органами местного самоуправления и центром занятости по выбранному осужденным месту жительства в целях его дальнейшего трудоустройства и с родственниками осужденного. Все действия проводятся с согласия осужденного. Осужденные, освобожденные из исправительного учреждения, обеспечиваются бесплатным проездом к месту жительства, продуктами питания или деньгами на время проезда.

Понять, насколько эффективна деятельность специалиста по социальной работе, можно исходя из анализа пояснительной записки, в которой отражаются результаты проделанной за год работы. Так, в ИК-4 проводятся плановые лекционные занятия по следующим темам: «Отработка навыков уверенного поведения в типовых ситуациях», «Погашение судимости», «Расчеты с освобождающимися», «Невербальное поведение, как первое средство самопрезентации», «Профилактика венерических заболеваний и ВИЧ-инфекцией», «Отработка навыков поведения в семье, общение в ближайшем окружении, воспитание детей». Со всеми осужденными, готовящимися к освобождению, проводятся индивидуальные беседы о жизненных планах на будущее, разъясняется порядок оказания содействия в трудовом и бытовом устройстве. Совместно с психологической службой еженедельно проводятся психологические тренинги. Каждый квартал направляются запросы о прописке в ОВД, о трудоустройстве в Центр занятости населения, о пенсиях в Пенсионный фонд. На всех осужденных, освобождающихся из учреждения, заводятся и выдаются на руки социальные карты. В соответствии с требованиями Федерального закона «О государственных пенсиях в РФ», Уголовно-исполнительного кодекса РФ (ст. 98) проводится работа по пенсионному обеспечению осужденных.

Также интересен опыт взаимодействия специалистов по социальной работе с иными социальными институтами, такими как церковь и семья. Настоятелем храма колонии регулярно проводятся богослужения, и дважды в неделю проводит занятия с церковным хором регент храма. В рамках празднования Дня семьи в учреждении проводятся мероприятия, в ходе которых организовываются встречи осужденных со своими родственниками.

Таким образом, социальная работа с осужденными имеет огромное значение для их последующей адаптации к жизни после освобождения. Поэтому на период отбывания наказания на специа-

листа по социальной работе группы социальной защиты осужденных в ИК-4 возлагается обязанность помочь осужденным адаптироваться к изменениям, происходящим в обществе.

Подводя итоги, можно утверждать, что поставленные цели, определенные принципы и ценности социальной работы с осужденными отражают особенности пенитенциарной социальной работы как самостоятельного направления деятельности. Социальная работа с осужденными выступает институтом, содействующим реализации основной стратегической цели исполнения уголовного наказания – исправлению осужденного, достигая при этом таких общих целей, как профилактика ухудшения ситуации, сложившейся у конкретного осужденного и их групп, разрешение социальных проблем, актуализация личностного потенциала по преодолению имеющихся и перспективных трудностей или, по крайней мере, фасилитации (облегчению) субъективного переживания человека, изменения отношения к неразрешенным проблемам и ситуациям в период лишения свободы [2, 27]. Сущность и эффективность социальной деятельности в УИС предопределяет практическое выполнение следующих принципов: гуманности, доступности, адресности, добровольности, конфиденциальности, толерантности, а также принципов воспитательно-профилактической направленности, стимулирования осужденного, максимизации социальных и личностных ресурсов [2, 32].

К приоритетным профессиональным ценностям могут быть отнесены: человеческая самооценность; всеобщность, приращенность, неотъемлемость и целостность прав человека; уважение интересов и свобод личности; социальная ответственность и стремление к справедливости; право каждого члена общества на полную самореализацию в жизнедеятельности [2, 34].

Таким образом, пенитенциарная социальная работа не является самоцелью. Это специфический по содержанию, специально организуемый и управляемый вид комплексной (многоаспектной) деятельности, ориентированный на достижение гуманистических целей.

Библиографический список

1. Козырева, Т. М. Справочное пособие специалиста по социальной работе в УИС : справ. пособие / Т. М. Козырева. – СПб. : Санкт-Петербургский ИПКР ФСИН России, 2007.

2. Калинин, Ю. И. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / под общ. ред. Ю. И. Калинина. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006.

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА АРТ-ТЕРАПИИ В СОЦИАЛЬНУЮ РАБОТУ С ДЕТЬМИ «ГРУППЫ РИСКА»

Е. Н. Снадина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Дан анализ зарубежного опыта арт-терапии в работе с детьми в трудной жизненной ситуации. Определены возможности его использования в деятельности социальных служб в России. Предложены способы адаптации зарубежного опыта арт-терапии для психологической коррекции.

Ключевые слова: арт-терапия, социальная работа, психологическая коррекция.

INTEGRATION OF FOREIGN EXPERIENCE OF THE ART THERAPY IN SOCIAL WORK WITH CHILDREN OF "RISK GROUP»

E. N. Snadina

Penza State University, Penza

Abstract. The article analyzes the foreign experience of art therapy in working with children in difficult situations, determines the possibility of its use in the activities of social services in Russia. The author suggests ways to adapt the foreign experience of art therapy to psychological correction.

Key words: art therapy, social work, psychological correction.

Применение арт-терапии в социальной работе с детьми «группы риска» позволяет лучше понять внутренний мир ребенка, его проблемы, переживания, так как этот метод не имеет ограничений, вызывает положительные эмоции, помогает преодолеть апатию, сблизиться с окружающими; служит способом освобождения от сильных переживаний, средством развития внимания к чувствам, усиления ощущения собственной личностной ценности; стимулирует самопознание и самовыражение, мобилизуют творческий потенциал и внутренние механизмы самоизменения. С детьми «группы риска» требуются особые методы работы, такие как профилактика, личностный рост и др. И для этого подходят методы арт-терапии, однако в России их применение сталкивается с рядом трудностей, в том числе недостаточностью опыта. Поэтому инте-

грация зарубежного опыта арт-терапии в социальную работу имеет огромный смысл для отечественных специалистов.

Навыки арт-терапевтической работы в мультикультурной среде, в условиях глобализации и развития новых информационных технологий, с учетом социальных проблем современного мира, умение осваивать и перерабатывать все наиболее ценное и перспективное, накопленное коллегами из-за рубежа, вместе с умением доносить до них свою позицию, являются для отечественных специалистов требованием времени. Хотя развитие арт-терапии в нашей стране началось значительно позже, чем в некоторых странах, за последние 20 лет её позиции в разных сферах практики укрепляются. Параллельно повышаются и требования к эффективности и научности методов арт-терапии; формированию новых теоретических моделей, уделяющих большее внимание роли культурной, социальной среды, экологии, политике, организационное оформление отечественного арт-терапевтического сообщества.

Совместно с зарубежными партнерами – профессиональными организациями и ведущими центрами арт-терапевтического образования, например, «Арт-терапевтической ассоциацией», в последнее время в нашей стране уделяется повышенное внимание развитию межкультурной компетентности своих работников. Крайне важен обмен опытом с британскими специалистами в арт-терапии, поскольку в Великобритании арт-терапия – старейшая в мире и продолжает задавать тон её развитию в других странах.

Основой британской арт-терапии всегда выступала художественная деятельность. Усилиями художников в 1964 г. была создана Британская ассоциация арт-терапевтов (БААТ), первая в мире общественная организация, занимающаяся развитием таких форм лечебно-реабилитационной практики, которые основаны на изобразительной деятельности. Еще в начале 1970-х гг., при активной поддержке БААТ в Великобритании стали создаваться первые курсы последиplomной подготовки по арт-терапии, предназначенные в основном для лиц с художественным образованием. В БААТ были определены базовые стандарты арт-терапевтического образования, а также требования, предъявляемые к тем, кто занимается арт-терапевтической деятельностью. В дальнейшем БААТ обратилась в Совет по вспомогательным медицинским специальностям с просьбой о государственной регистрации арт-терапии как самостоятельной профессии. И уже в 1998 г. были приняты законодательные акты, определяющие профессиональный статус и роль арт-терапевтов.

Программы профессиональной подготовки по арт-терапии в британских университетах различаются, но в то же время эти различия незначительны, что позволяет говорить о единой системе профессионального образования в этой области и более или менее единой методологической платформе программ. Это еще один аргумент в пользу заимствования отечественными специалистами арт-терапевтического опыта именно у британских специалистов. Утверждение всех программ происходит при участии БААТ, так как она вносит дипломированных арт-терапевтов в Национальный арт-терапевтический регистр, что является дополнительным способом контроля за допуском дипломированных арт-терапевтов к работе по специальности. Это крайне важно потому, что только дипломированный специалист может проводить подобные занятия. Что касается методологической платформы образовательных программ по арт-терапии, то она включает признание важной роли процесса художественного творчества, а также отношений клиента с арт-терапевтом в достижении терапевтических эффектов.

Теоретической базой арт-терапии выступает психодинамический подход, особенно такое его направление, как теория объектных отношений. Это система психологических взглядов, существующая в рамках психодинамического подхода и отталкивающаяся от предположения, что психика состоит из «внутренних объектов», представляющих собой интернализированные внешние объекты: людей и ситуаций. Основываясь на психодинамической теории, теория объектных отношений предполагает, что отношение людей к другим и ситуации в их взрослой жизни формируются семейным опытом в младенчестве. В рамках этой модели психические функции объясняются с точки зрения отношений между внутренними объектами. В минувшие два-три десятилетия арт-терапия, синтезировав в себе достижения большинства психотерапевтических подходов, начинает оформляться в самостоятельный метод с собственной методологией и многообразным, высокодифференцированным инструментарием.

Накопление и обобщение эмпирических данных, связанных с арт-терапией, немного опережает процесс развития ее теории, применение некоторых теоретических взглядов способствовало выходу арт-терапии на уровень самостоятельного психотерапевтического метода. Особо значимыми, по мнению А. И. Копытина, являются такие психотерапевтические направления как психология игровой деятельности, концепции онтогенетического развития различных видов игровой активности; психология измененных со-

стояний сознания, трактующая арт-терапевтическую активность в состоянии творческого вдохновения как прогрессивный адаптационный механизм, один из массы компонентов целостной реакции организма, направленной на достижение динамического баланса; современные взгляды общей теории систем, относящиеся к психической деятельности, в частности, концепция множественности решений психики на состояния стресса, болезни и духовного кризиса. Согласно этим взглядам, исцеляющие силы, характерные каждому живому организму и психике, могут работать в двух направлениях. После нарушения организм и психика могут вернуться в свое прошлое состояние вследствие разных процессов. С другой стороны, психику и организм может охватить процесс самотрансформации, содержащий стадии кризиса и перехода и приводящий к абсолютно иному состоянию равновесия. Творческая активность рассматривается при этом как ценный фактор развития адаптационных реакций данного типа; трансперсональная методология, рассматривающая арт-терапию как универсальный метод, способствующий интеграции биографического, трансперсонального и перинатального опыта. Начиная с 1990-х гг., развитие отечественной психодиагностики на основе изучения изобразительной продукции осуществляется в тесной связи с распространением новых видов лечения, в частности, арт-терапии, формированием оригинальной модели клинической системной арт-терапии, возрастающей интеграцией арт-терапии в деятельность разных лечебно-профилактических и социальных учреждений в условиях смены парадигм – перехода от медико-биологической к биопсихосоциальной парадигме[1]. Поэтому данное направление психодиагностического применения изобразительного творчества нуждается в дополнении личностно-ориентированным и социальным подходами, обеспечивающим, при условии их сочетания с клинической, биомедицинской моделью, наибольшую полноту восприятия природы и функций художественной экспрессии.

Арт-терапия является эффективным направлением в практике социальной терапии и психотерапии, а также в социальной работе. Использование арт-терапии как метода работы с детьми «группы риска» позволяет социальному работнику понять их психологические проблемы, так как главная цель арт-терапии здесь заключается в гармонизации развития личности через развитие способности самовыражения и самопознания. Арт-терапия необходима для работы с детьми «группы риска», так как она помогает снять стресс, выразить свои эмоции и освободиться от негативной энергии. Её эф-

фективность повышается ещё и за счёт позитивных эмоций, которые ребёнок испытывает во время сеанса. Дети характеризуются трудностями во взаимоотношениях с окружающими людьми, поверхностностью чувств, иждивенчеством, привычкой жить по указке других, сложностями во взаимоотношениях, нарушениями в сфере самосознания, усугублением трудности в овладении учебным материалом, проявлениями грубого нарушения дисциплины. В отношениях со взрослыми у них проявляются переживание своей ненужности, утраты своей ценности и ценности другого человека. С помощью арт-терапевтических методик возможна наиболее эффективная реабилитация, а также проведение грамотной психологической коррекции личности. Квалифицированная помощь детям «группы риска» требует объединения усилий специалистов по социальной работе, психологов и педагогов в разработке индивидуальных методик и моделей арт-терапии с каждым ребёнком, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

В социальной работе арт-терапия может использоваться как в индивидуальной форме, так и групповой. В системе образования отдается предпочтение групповым формам, т.к. позволяет работать с более широким кругом клиентов и имеет ряд преимуществ, которые отмечены М. Либман: позволяет развивать ценные социальные навыки; связана с оказанием взаимной поддержки членам группы и позволяет решать общие проблемы; дает возможность наблюдать результаты своих действий и их влияние на окружающих; позволяет осваивать новые роли, а также наблюдать, как модификация ролевого поведения влияет на взаимоотношения с окружающими; повышает самооценку и ведет к укреплению личной идентичности; развивает навыки принятия решений [2, 26]. Методами арт-терапии можно справиться с различными негативными состояниями, такими как негативная «Я-концепция», тревожность, страхи, агрессивность, переживание эмоционального отвержения, депрессия, конфликты, неадекватное поведение и многими другими проблемами, которые мешают ребенку жить и тормозят его развитие, поэтому метод арт-терапии может быть широко использован в коррекционных целях.

Таким образом, заимствование опыта арт-терапии зарубежных стран имеет огромное значение, так как дает большой объем полезного практического и теоретического материала для дальнейшего развития отечественной арт-терапии. Интеграция арт-терапии в социальную работу также необходима, так как она обладает преимуществами перед другими методами и технологиями в социальной

работе с детьми «группы риска», благодаря чему обеспечивается оптимальная коррекция психического развития ребенка, реализующаяся посредством методов психологического воздействия, разнообразных форм групповой и индивидуальной арт-терапии.

Библиографический список

1. Копытин, А. И. Основы арт-терапии / А. И. Копытин. – СПб. : Лань, 2010.
2. Арт-педагогика и арт-терапия в специальном образовании : учеб. для вузов / Е. А. Медведева, И. Ю. Левченко, Л. Н. Комиссарова, Т. А. Добровольская. – М. : Академия, 2009.

РАЗДЕЛ II

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 372.87

МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ УРОКОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Т. М. Бобровцева

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрено использование современных мультимедийных технологий в преподавании изобразительного искусства в средней школе. Дан анализ традиционного урока изобразительного искусства в сравнении с уроком, оснащенный средствами мультимедиа; определены преимущества современных подходов, в том числе в дистанционном обучении.

Ключевые слова: урок, изобразительное искусство, мультимедийные технологии.

LESSONS OF THE FINE ARTS IN SCHOOL: MULTIMEDIA SUPPORT

T. M. Bobrovtsseva

Penza State University, Penza

Abstract. The article deals with the use of modern multimedia technologies in the teaching of fine arts in school. The author compares the traditional lesson of fine arts with a lesson equipped with multimedia, determines the advantages of modern approaches, including distance learning.

Key words: lesson, fine arts, multimedia technologies.

Английское слово *multimedia* в переводе означает «много способов». В педагогике мультимедиа выражается в представлении учебных пособий разной направленности с помощью графики, фото, видео, анимации и звука. И зачастую замещает собой традиционные наглядные пособия, а так же звуковой и литературный ряд.

Грамотно спроектированное мультимедийное сопровождение урока, как и демонстрации художественно-творческого проекта, может стать важным фактором для его наиболее полного понима-

ния окружающими. Представление учебного материала с помощью технических средств в методике преподавания изобразительного искусства используется давно. Пример эффективного представления материала в советский период – кинофильм. Правда, подобные мероприятия требовали специальных аудиторий и громоздкого дорогостоящего оборудования. Но, несомненно, были событием в учебной жизни, как для учащихся, так и для школы. Однако в наше время компьютерные технологии значительно упростили этот процесс. Современные технологии мультимедиа позволяют эффективно на большом и малом экране и интерактивной доске строить анимированные динамические пособия, коллажировать их с помощью фотоизображений, как целых, так и фрагментарных, усложнять звуковыми фрагментами и видеоклипами.

На данном этапе информатизации образовательного пространства средней школы использование в той или иной степени мультимедийного сопровождения урока наиболее популярный среди преподавателей метод. При демонстрации наглядного материала по теме урока учителю всегда необходимы иллюстрированные плакаты, схемы, видеоролики, слайд-шоу. До столь широкого использования мультимедийной системы, для открытых уроков преподаватели специально готовили таблицы, демонстрирующие и поясняющие поставленные на уроке задачи, узкой и широкой методической направленности. На это уходило много времени, и требовались дополнительные материальные затраты. После чего возникали проблемы с хранением этих материалов для последующего использования. Но такова была структура традиционного урока.

На сегодняшний день сложилось убеждение, что урок изобразительного искусства станет по-настоящему современным и инновационным, если в него добавить в изобилии компьютерные технологии. Да, современные информационные технологии позволяют полностью преподнести содержание даваемого на уроке учебного материала с помощью мультимедийных программ. Традиционно урок изобразительного искусства предполагает творческий подход, так как его основной составляющей является, прежде всего, художественно-творческая деятельность. Многие учителя считают эффективным для усиления творческой атмосферы применение очень насыщенного мультимедийного сопровождения, оправдывая это тем, что сейчас многие школьники не представляют своей жизни без компьютера и мультимедийных продуктов. Но это не вполне правильно, поскольку некоторые пособия и таблицы должны оставаться постоянно перед учащимися в течение всего урока, а то и не-

скольких, для помощи им в творческом процессе самостоятельной работы над поставленным заданием. А поскольку мультимедийная презентация или тот же ролик носят краткосрочный временной характер, то для глубокого усвоения нового материала этого явно недостаточно. Ко многому из предоставленного вспомогательного материала обучающимся надо обращаться несколько раз в процессе выполнения задания. Только это обеспечит вдумчивое и углубленное усвоение нового материала. Да, новые информационные технологии позволяют материализовывать интереснейший опыт талантливых педагогов, делать урок ярким и праздничным, к тому же оперативно делая его достоянием педагогической общественности, но и от проверенных временем методик не следует так просто отмахиваться.

Сейчас мультимедиа система по большей части используется преподавателями как средство для наглядного представления нового материала. При этом, естественно, повышается объем запоминаемой информации за счет активизации всех каналов усвоения. Но в таком случае при большой мультимедийной насыщенности занятия слишком большая нагрузка на восприятие учеников может оказать и отрицательное воздействие на планируемый результат. И привести к рассеиванию внимания у обучающихся, общей «информационной усталости», вызванной обилием нового материала.

Во многом главной целью использования системы изначально была возможность избежать крупномасштабной бумажной рутины, заменяемой компактными информационными носителями. И это правильно, это один из вариантов работы с системой. Отдельные блоки пособий значительно удобнее хранить именно в цифровом формате. Например, обязательно используемые на занятиях изобразительным искусством работы прошлых лет или аналоги, лучше загодя отсканировать или отсканировать и демонстрировать учащимся в виде слайд-шоу. При этом и сами удачные работы остаются у их авторов, или могут быть отправлены на выставки, а так же не подвергнутся возможной порче и деформации при хранении. К тому же одномоментный показ аналогов не вызовет возможного копирования в творческом решении.

Подготовка мультимедийно насыщенных уроков требует более тщательной подготовки, чем работа в обычном режиме. Учителю важно уравновесить подготовленный мультимедиа материал с индивидуальными особенностями учащихся. Поэтому к подобным занятиям должны быть применимы такие понятия, как «сценарий урока, режиссура урока» – в данном случае это не просто но-

вомодные термины, а важная составная часть подготовки к учебно-му занятию. Использование мультимедийного сопровождения, конечно, несет в себе огромный мотивационный потенциал. Но применять его надо все же с осторожностью, не допуская перегруженности аудитории информацией и ее эмоциональной подачей. «При условии правильно составленной программы компьютер может помочь учителю индивидуализировать и дифференцировать учебный процесс, в то время как обучаемые будут ощущать постоянное присутствие доброжелательного инструктора – машины» [1]. Тут появляется конфликтная ситуация, – что психологически важнее для обучения школьника: живое общение с учителем или «доброжелательный инструктор-машина».

Вместе с тем, в дистанционном обучении мультимедийное сопровождение как нельзя лучше соответствует принципам индивидуального обучения. Поскольку учащиеся могут допускать любое количество ошибок, в любой момент повторять любой из фрагментов мультимедийного сопровождения, вместе с тем часть его игнорируя, и тратят учебное время только на исправление, что невозможно в аудиторных групповых занятиях. Использование мультимедийных технологий в дистанционном обучении имеет большие перспективы. Это разработка различных мультимедийных продуктов: презентаций, видеоуроков, и интерактивных средств мультимедиа, предполагающих взаимодействие самого ученика в процессе обучения, а так же самостоятельность в выборе последовательности изучения предлагаемых материалов [2].

Таким образом, мультимедийные компьютерные технологии, конечно, позволяют заменить почти все традиционные технические средства обучения, но всегда ли это так необходимо? Намного лучше сочетать традиционные приемы и современные, особенно в обучении изобразительному искусству, создавая живую творческую атмосферу на уроке. Далекое не всегда видеоролик заменит живое учебное рисование учителем на доске или образце; или упражнение на интерактивной доске по коллажированию – раздаточный материал, где все можно потрогать своими руками. Другое дело, что этот раздаточный материал удобнее хранить в цифровом формате и распечатывать по мере необходимости.

Библиографический список

1. Егоров, Б. В. Мультимедийное сопровождение уроков / Б. В. Егоров. – URL: <https://multiurok.ru/files/mul-timiediinoie-soprovozhdeniie-urokov.html>

2. Мультимедийное сопровождение художественно-творческого проекта как условие успешной творческой деятельности на уроке ИЗО : статья. – URL: <https://pandia.ru/text/80/529/18288.php>

УДК 316.6

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ «Я-КОНЦЕПЦИИ» ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Ю. С. Бузыкина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрена проблема изучения образа виртуального «Я», представляющего собой самостоятельный когнитивный компонент в структуре «Я-концепции» личности. При исследовании использованы методики, позволяющие определить содержательные компоненты «Я-концепции» пользователей социальных сетей, описываемые через содержание образа «Я-виртуальное».

Ключевые слова: социальные сети, «Я-концепция», виртуальный образ.

CONTAINING COMPONENTS OF “I-CONCEPT” BY USERS OF SOCIAL NETWORKS

Y. S. Buzykina

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the image of the virtual “I”, which is an independent cognitive component in the structure of the “I-concept” of the personality. The article has a research character, the author uses techniques that allow determining the content components of the “I-concept” of social network users described through the content of the image “I am virtual”.

Key words: social networks, “I-concept”, virtual image.

По мере развития технологий виртуальной реальности и внедрения их в повседневную жизнь, у человека возникает необходимость быть представленным в этом новом пространстве. Перед современными людьми, присутствующими в двух противоположных друг другу пространствах, социальном и виртуальном, задача социокультурного самоопределения встает в совершенно новом ракурсе.

Мир социального, как совокупность различных социальных институтов, четко структурирует жизнь человека и ограничивает его поведение. Мир виртуального безграничен и накладывает на человека меньше ограничений в процессе его самоидентификации. Размытость норм, ослабление социальной регуляции искажает культурные и духовные устои [1, с. 16]. Интернет не просто предоставляет новые возможности для общения, но и продуцирует особое культурное пространство, в рамках которого личность вовлекается в новые виды деятельности, что опосредует процесс формирования образа «Я».

Образ «Я» является важным структурным элементом «Я-концепции» личности. В условиях современного общества с распространением Интернета возникает необходимость исследовать представления человека о себе, возникающее в новых, сгенерированных компьютерными технологиями виртуальных реальностях, что является обоснованием выделения дополнительной модальности – образа «Я-виртуальное» [2].

Целью исследования явилось выявление содержательных компонентов «Я-концепции» пользователей социальных сетей.

В качестве гипотезы выступило предположение о существовании качественной специфики содержательных компонентов «Я-концепции» пользователей социальных сетей, описываемых через содержание образа «Я-виртуальное».

В качестве основного метода был использован диагностический эксперимент с применением следующих методик: анкета-опросник «Цели посещения социальных сетей»; личностный семантический дифференциал Ч. Осгуда; методика исследования самооценки личности С. А. Будасси.

В эмпирическом исследовании приняли участие 50 жителей г. Пензы (44 женщины и 6 мужчин). В результате анализа анкетно-опросника «Цели посещения социальных сетей» можно сказать, что из 50 человек 36 респондентов вовлечены в Интернет-среду (72 % по выборке), являясь активными пользователями социальных сетей, большинство из которых использует социальную сеть «ВКонтакте», которая используется преимущественно для удовлетворения потребности в общении.

Для выявления основных личностных качеств, характеризующих человека в виртуальном общении и анализа содержания образа «Я-виртуальное» пользователей социальных сетей был использован личностный семантический дифференциал Ч. Осгуда. В качестве вербальных антонимов в данном варианте семантического

дифференциала были выбраны личностные характеристики, затрагивающие такие сфера, как самоотношение, активность и общение.

По полученным результатам можно сказать, что образ «Я-виртуальное» можно описать такими характеристиками, как уважительный (83 %), с чувством юмора (78 %), жизнерадостный (75 %), дружелюбный (70 %), открытый (67 %), демократичный (61 %), деятельный (58 %), терпеливый (58 %), умный (56 %), решительный (56 %), расторопный (53 %), самоуверенный (50 %), самостоятельный (50 %). Наименьший процент выборов пришелся на такие характеристики, как покладистый (25 %) и беспечный (20 %).

Так же следует сказать, что для описания свойств реальной личности чаще всего использовались такие характеристики, как добрый (81 %), жизнерадостный (78 %), трудолюбивый (78 %), честный (78 %), аккуратный (75 %), решительный (75 %), открытый (70 %), скромный (67 %), осторожный (64 %), уверенный в себе (64 %), рассудочный (61 %), принципиальный (56 %).

По итогам проведения семантического дифференциала (математико-статистическая обработка с помощью t -критерия Стьюдента), можно сказать, что содержание образа «Я-виртуальное» имеет общие характеристики с образом «Я-реальное», но в тоже время, наблюдается и ряд отличительных особенностей ($t_{эмп} = 3,04$ при $p \leq 0,01$):

– в представлении респондентов человек в виртуальном общении обладает такими личностными качествами, как уважительный, с чувством юмора, жизнерадостный, дружелюбный, открытый, демократичный, деятельный, терпеливый, умный, решительный, расторопный, самоуверенный, самостоятельный, бдительный и упрямый;

– образы «Я-виртуальное» и «Я-реальное» совпадают по таким характеристикам, как жизнерадостный, открытый, терпеливый, решительный (в процентном соотношении качества более выражены в образе «Я-реальное»);

– такие характеристики «Я-виртуального», как уважительность, чувство юмора, дружелюбие, ум являются значимыми качествами для поддержания качественного продолжительного виртуального общения, и могут в большей степени проявляться непосредственно в самом процессе общения в условиях анонимности виртуального пространства;

– значимость также имеют характеристики, в большей степени, относящиеся к сфере активности и деятельности. Быть демократичным, деятельным, расторопным, самостоятельным, бдительным

и упрямым, важно для того, чтобы занять свою нишу и достичь успеха, в том числе и профессионального, в виртуальном мире жесткой конкуренции;

– в образе «Я-виртуальное» выделяется такая характеристика, как лживость. Это может свидетельствовать о том, что в условиях анонимности виртуального пространства сокрытие правды о себе или искажение реальной информации не кажется таким тяжелым поступком. Есть иллюзия, что эти действия человека, как пользователя, не несут угрозы для него, как реального человека, так как последствия не проявляются в реальной жизни.

При исследовании «Я-реального» наиболее значимыми явились такие характеристики, как:

– честность, искренность, чуткость, вдумчивость, осторожность, рассудочность и принципиальность, а также трудолюбие, увлекаемость и аккуратность;

– такие специфические характеристики, как доброта, радушие, нежность, скромность, обозначенные как значимые в образе «Я-реальное», относятся к личностным характеристикам человека, выражаются в его поведенческих особенностях в реальном мире. При этом они не являются значимым для виртуального пространства;

– по такой характеристике, как «упрямство» наблюдается ярко выраженная полярность. Образ «Я-виртуальное» выражает большее упрямство, по сравнению с образом «Я-реальное». Это может быть связано с тем, что в виртуальной реальности можно не бояться осуждения со стороны, и именно поэтому пользователи проявляют себя как самоуверенные и упрямые личности.

Следует сделать акцент на том, что в исследовании принимали участие люди среднего возраста, в чью жизнь социальные сети вошли уже в сознательном возрасте, когда «Я-концепция» во всей своей полноте структур была полностью сформирована. В связи с этим можно сделать вывод, что образ «Я-виртуальное» выступает, как скорректированная в позитивную сторону проекция образа «Я-реального», при помощи которого пользователь может в большей степени обрести ощущение собственной полноценности.

Также была установлена связь между представлениями личности и ее самооценкой (по методике С. А. Будасси) ($r_s = 0,44$ при $p \leq 0,01$).

Так, в группе подавляющее большинство испытуемых обладают адекватной самооценкой, т.е. испытуемые осознают степень реальных представлений о себе и описывают себя преимущественно

но теми качествами, которыми обладают в реальности и именно эти качества служат основой образа «Я-виртуальное».

Это можно объяснить тем, что образ «Я» и самооценка подаются лишь условному концептуальному различению, так как в психологическом плане они неразрывно связаны. Образ и оценка своего «Я-реального» предрасполагают индивида к определенному поведению, поэтому «Я-концепцию» принято рассматривать, как совокупность установок индивида, направленных на самого себя. «Я-виртуальное» выступает в качестве маски, с помощью которой, человек выставляет себя напоказ, чтобы скрыть за ней какие-то отрицательные или болезненные черты, слабости своего реально-го «Я».

В то же время, если образ «Я-реальное» является сильным и активным, с адекватным уровнем самооценки, он принимает решения и берет на себя ответственность за образ «Я-виртуального». Это может привести к подлинной интеграции и здоровому чувству целостности, тождества в реальном и виртуальном пространствах.

Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась. Полученные результаты исследования могут быть использованы в консультационной и тренинговой работе психолога с людьми, склонными к интернет-зависимости.

Библиографический список

1. Бузыкина, Ю. С. Особенности межличностных отношений подростков с девиантным поведением / Ю. С. Бузыкина, Н. А. Козлова // Современное образование: научные подходы, опыт, проблемы, перспективы : сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф. «Артемовские чтения» / под общ. ред. д-ра пед. наук, проф. М. А. Родионова. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. – С. 16–18.

2. Чудова, Н. В. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета / Н. В. Чудова, М. А. Евлампиева, Н. А. Рахимова // Проблемы медиапсихологии : материалы секции «Медиапсихология» Междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития». – М. : МГУ, 2001. – URL: <http://evartist.narod.ru/text7/47.htm> (дата обращения: 20.10.2018).

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

О. Г. Груздова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Исследована проблема информационной культуры учащейся молодежи. Особое внимание уделено формированию информационной культуры. Рассмотрена специфика взаимодействия с информационной средой будущих педагогов. Приведены результаты исследования уровня сформированности информационной культуры студентов педагогического направления.

Ключевые слова: информационная культура, учащаяся молодежь, информационная культура учителя.

THE STUDY OF INFORMATION CULTURE OF STUDENTS

O. G. Gruzdova

Abstract. The article explores the problem of the information culture of the studying youth. The author pays special attention to the formation of information culture, considers the specifics of interaction with the information environment of future teachers. The article presents the results of the study of the level of formation of the information culture of students of the pedagogical direction.

Key words: information culture, student youth, teacher information culture.

В век научно-технического прогресса, развития информационных технологий, расширение масштабов познавательной деятельности людей проблема формирования информационной культуры подрастающего поколения приобретает все большую актуальность. Чтобы справиться с большим непрерывным потоком информации, научиться в нем ориентироваться и работать с ним, необходимо целенаправленное формирование и развитие информационной культуры личности.

Особую важность проблема формирования информационной культуры личности приобретает для учащейся молодежи, а именно для студентов педагогического вуза. Поскольку именно в период вузовского обучения будущим педагогам приходится перерабатывать большие объемы информации, а также готовиться к реализации гностической, информационной и ориентационной функции учителя. Информационная культура будущих педагогов формируется в социально-образовательной среде вуза. Реализации данного процесса

способствуют преподаватели вуза, библиотечная структура вуза, средства массовой информации, Интернет и др. Однако, формирование информационной культуры учащейся молодежи не всегда имеет целенаправленный характер, вследствие чего не все студенты могут осуществлять самостоятельный поиск и переработку информации.

Информационная культура личности, являясь неотъемлемой частью ее общей культуры, проявляется во всех возможных видах работы с информацией: ее получении, накоплении, кодировании, переработке, в создании на этой основе качественно новой информации и практическом ее использовании.

Понятие информационной культуры является относительно новым понятием, появившимся в процессе становления и развития информационного общества. Впервые термин «информационная культура» появился в отечественных публикациях в 70-х годах прошлого столетия и означал культуру рациональной и эффективной организации интеллектуальной деятельности людей.

Анализ литературных источников позволил прийти к выводу об отсутствии однозначного толкования термина «информационная культура» и о существовании различных научных подходов к рассмотрению данного понятия.

Н. И. Гендина определяет информационную культуру как совокупность информационного мировоззрения и систему знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий [1].

Вопросы становления и развития информационной культуры личности обучающегося, его информационной подготовки в вузе со средствами информатизации занимают большое значение в современных исследованиях. По мнению многих авторов, информационная культура личности предполагает формирование необходимых знаний, ценностных ориентаций, умений и навыков в работе с информацией, овладение правилами поведения в информационной среде [2].

С целью выявления особенностей информационной культуры учащейся молодежи нами было проведено экспериментальное исследование, в котором приняли участие 92 студента 1 курса факультета физико-математических и естественных наук Пензенского государственного университета, обучающихся по направлению Педагогическое образование. В качестве метода исследования выступил метод анкетирования. Будущим педагогам была предложена анкета «Информационная культура студента».

Результаты исследования показали, что термин «информационная культура» ассоциируется у студентов чаще с такими понятиями как «информация» (42,9 %), «Интернет» (38,5 %), «книги» (13,2 %). Под информационной культурой 51,1 % студентов понимают «компьютерную грамотность», 34,8 % – «культуру общения», 14,1 % – «читательскую культуру».

Среди основных источников информации, ориентированных на педагогическую деятельность, большинство студентов выделяют сеть «Интернет» (31,9 %), 41,8 % в качестве основного источника отмечают литературу по разным областям педагогических знаний, представленную в библиотеке университета, однако есть и те студенты, для которых основным и единственным источником информации является преподаватель (26,3 %).

В качестве основных мотивов обращения к источникам информации для большинства студентов (53,9 %) выступает необходимость конспектирования учебного материала к практическим занятиям, 25,3 % отмечают интерес к научно-теоретическим проблемам по избранному направлению, у 20,8 % в качестве мотива выступает стремление к самообразованию.

В процессе анкетирования был выявлен ряд трудностей, которые испытывают будущие педагоги в процессе поиска и переработки информации.

Многие студенты отмечают трудности в восприятии научно-педагогического текста (47,3 %), 36,3 % испытывают сложности в формулировании мысли в письменном виде, 16,5 % – сложно обобщать информацию и делать выводы.

Таким образом, студенты педагогического вуза испытывают потребность в разных видах педагогически значимой информации, однако многие испытывают трудности в самостоятельном поиске и переработке информации при подготовке к разным формам учебных занятий.

Библиографический список

1. Гендина, Н. И. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях : учеб.-метод. пособие / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, И. Л. Скипор. – 2-е изд., перераб. – М. : Школьная библиотека, 2003. – 296 с.

2. Токтаньязова, А. Э. Сущность понятия «Информационная культура личности (ИКЛ)» / А. Э. Токтаньязова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2013. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ponyatiya-informatsionnaya-kultura-lichnosti-ikl> (дата обращения: 20.11.2018).

ОСОБЕННОСТИ СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. Е. Стенякова, Т. А. Терехина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрена проблема сопровождения детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности в условиях дошкольного образования. Представлены результаты эмпирического исследования по данной проблеме. Предложены этапы осуществления психолого-педагогического сопровождения.

Ключевые слова: дошкольное образование, синдром дефицита внимания, гиперактивность.

FEATURES OF SUPPORTING CHILDREN WITH SYNDROME OF ATTENTION DEFICIENCY AND HYPERACTIVITY IN PRESCHOOL EDUCATION CONDITIONS

N. E. Stenyakova, T. A. Terekhina

Abstract. The article is devoted to the problem of support of children with attention deficit hyperactivity disorder in preschool education. The authors present the results of empirical research on this problem. The article proposes the stages of psychological and pedagogical support.

Key words: preschool education, attention deficit disorder, hyperactivity.

Синдром дефицита внимания и гиперактивность (СДВГ) – это расстройство, чаще проявляющееся в дошкольном или раннем школьном возрасте. Актуальность данной проблемы вызвана тем, что в мире ежегодно увеличивается процент детей с СДВГ.

Современная медицина снизила возрастные рамки для постановки данного диагноза: если в прошедшем веке синдром СДВГ мог быть установлен с 7 лет, то сейчас диагноз можно определить в возрасте до 5 лет [2].

С каждым годом число детей с СДВГ, поступающих в детские образовательные учреждения, растет. Наличие СДВГ у ребенка провоцирует его неадекватное поведение на занятиях, в группе, в общении со сверстниками.

Как правило, ребенок очень рассеян, берется за одно занятие и тут же начинает новое, не внимателен, что делает проблемной его социализацию в условия ДОУ.

Необычность поведения детей с СДВГ не является результатом проявления дурного характера, или невоспитанности, как считают многие взрослые. Если рассмотреть природу СДВГ, то она заключается в том, что у ребенка в силу органических нарушений и усугубляющих причин социального характера недостаточно развито внимание или есть нарушения в его развитии в сочетании с повышенной двигательной активностью ребенка.

По мнению Г. А. Широковой, СДВГ – это специфическая особенность психики, обусловленная как физиологическими (нарушения деятельности отдельных структур мозга, наследственность, патологии беременности и родов, инфекции и интоксикации в первые годы жизни), так и психосоциальными факторами [3].

В настоящее время возникла необходимость комплексного подхода к решению данной проблемы именно в детском саду, так как максимальная выраженность проявлений синдрома совпадает с критическими периодами становления центральной нервной системы у детей: 3 года, 6–7 лет.

Дошкольный возраст – важный период развития личности ребенка, когда компенсаторные возможности мозга велики, что позволяет предотвратить формирование стойких патологических проявлений. Очень важно не запустить ребенка в педагогическом плане.

Многолетние наблюдения подтверждают положительную динамику работы психолога с родителями и детьми. Наибольшую эффективность в работе с детьми с СДВГ имеют технологии коррекционного воздействия, включающие такие приемы и методы, как обучение самомассажу и приемам саморегуляции через использование релаксаций, визуализаций; пальчиковые игры; игры для развития быстроты реакции и координации движений; подвижные игры с использованием сдерживающих моментов; игры для развития тактильного взаимодействия, психогимнастические этюды для обучения пониманию и выражению эмоционального состояния; работа с глиной, водой, песком [1, с. 27].

Для достижения положительного результата при работе с ребенком СДВГ необходимо комплексное взаимодействие педагога-психолога и родителей. Недостаточно, если ребенок будет заниматься только в дошкольном образовательном учреждении, поэтому необходимо материал закреплять и дома вместе с родителями. Результативность работы будет выше, ведь психологическое сопровождение детей включает работу всех участников воспитательного процесса.

Одной из важнейших, базовых составляющих сопровождения является психолого-медико-педагогический консилиум (ПМПк), организация которого в ДОО позволяет решать ряд задач, а именно, всестороннее обсуждение проблем ребенка в рамках информации специалистов разного профиля и специализаций с целью выделения важнейших составляющих, которые требуют коррекционного внимания в первую очередь; утверждение индивидуального образовательного маршрута с учетом рекомендаций всех специалистов; утверждение схем и программ сопровождения и коррекции, ознакомление и согласование их с родителями (законными представителями).

Сопровождение детей с СДВГ в условиях дошкольного образования может проводиться следующим образом.

Во-первых, диагностика гиперактивного ребенка. Для определения диагноза необходима комплексная диагностика, которая включает в себя медицинское и психолого-педагогическое обследование.

В контексте сопровождения ребенка в ДОО обязательным является психолого-педагогическое обследование, которое включает в себя беседу, анкетирование родителей и других членов семьи, наблюдение за ребенком, исследование его психических функций (память, внимание, мышление).

В ходе такого обследования выявляется: уровень развития когнитивных функций (внимание, память, мышление); эмоциональные особенности; уровень сформированности двигательной сферы; личностные особенности; социальные условия жизни; особенности поведения дома и в детском саду.

Неврологическое обследование является обязательным в диагностировании СДВГ.

Во-вторых, важнейшим этапом в сопровождении ребенка является составление и реализация индивидуальной коррекционной программы.

Программа коррекции в условиях ДОО включает в себя: развитие дефицитарных функций (внимания, контроля поведения, двигательного контроля); отработку конкретных навыков взаимодействия со взрослыми и сверстниками, а также работу с гневом (при необходимости).

В-третьих, работа с семьей.

Работа с родителями в рамках сопровождения ребенка должна строиться следующим образом: просвещение по психолого-

педагогическим проблемам воспитания; обучение приемам и методам конструктивного взаимодействия с ребенком; консультирование по проблемам, возникающим у родителей в процессе внутрисемейных отношений, и проблемам ребенка; составление коррекционной программы совместных действий родителей и специалистов по коррекции проблем ребенка; поддержка родителей в кризисных ситуациях; изменение модели поведения в воспитании гиперактивного ребенка.

Коррекционно-развивающая работа будет наиболее эффективна при участии родителей в проведении занятий в группе и дома.

В работе с родителями, а также другими значимыми взрослыми людьми, которые окружают такого ребенка, очень важно изменить тревожно-требовательное или враждебное отношение к ребенку с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью, а также скорректировать стиль взаимодействия с ним.

Главной задачей родителей является обеспечение общего эмоционально-нейтрального фона развития и раннего обучения ребенка. Надо сохранять в общении с ребенком спокойствие и помнить, что в основе гиперактивности лежат органические нарушения, коррекция которых происходит достаточно медленно.

Стоит заметить, что для гиперактивного ребенка будут не действительны дисциплинарные меры воздействия. Эмоциональный фон общения с гиперактивным ребенком должен быть ровным, а также положительным, исключая эйфорическое поведение родителей в случае успехов малыша или отвержение за неудачи.

Инструкции гиперактивным детям должны даваться порционно, в структуре просьбы или требования – не более десяти слов. Нельзя просить ребенка сделать сразу несколько поручений (умыться, почистить зубы, заправить постель и т.д.), поскольку ребенок просто не запоминает их. Наиболее благоприятно давать следующее задание только после выполнения предыдущего.

Взрослые должны установить обязательный контроль качества выполнения поставленной задачи. Что касается системы запретов и ограничений: количество запретов должно быть сведено до минимума (они должны касаться здоровья и безопасности ребенка). Установленные требования должны неукоснительно и четко выполняться ребенком. Совместно с ребенком должны быть разработаны и приняты им санкции, которые последуют в случае нарушения запрета.

Как никакие другие, дети, страдающие СДВГ, требуют со стороны взрослых участия и терпения в их сопровождении. Ни один

тип медикаментозного лечения не может считаться сегодня универсальным и безопасным для каждого ребенка с СДВГ. У ребенка могут появиться нежелательные побочные эффекты, и это может сделать применение медикаментозной терапии неприемлемым. Большие ресурсы в этом плане несут методы психолого-педагогического сопровождения [2].

Кропотливой и комплексной должна быть работа психолога и педагога с такими детьми, поскольку, только единая система требований в семье и в дошкольных учреждениях может помочь им быть успешными и адаптивными в социуме.

Библиографический список

1. Семакова, Е. В. Психологическое сопровождение успешной школьной адаптации детей с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью на индивидуальном и семейном уровнях / Е. В. Семакова // Психологическая наука. – 2014. – № 11. – С. 25–29.

2. Сабуров, В. В. Педагогические проблемы родителей, воспитывающих детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью / В. В. Сабуров // Специальное образование. – 2009. – № 4. – С. 49–58.

3. Синдром дефицита внимания и гиперактивности. Буклет Национального института психического здоровья США (National Institute of Mental Health). – URL: [http://adhd-kids.narod.ru /articles/nimh_booklet.html](http://adhd-kids.narod.ru/articles/nimh_booklet.html)

УДК 159.9.072

РОЛЬ МУЛЬТФИЛЬМОВ В РАЗВИТИИ НРАВСТВЕННЫХ УСТАНОВОК ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Е. А. Голоюс

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрена проблема влияния средств массовой информации на формирование нравственных установок детей старшего дошкольного возраста. Указано на недостаточное внимание отечественной психологии к изучению роли мультфильмов в развитии детей дошкольного возраста. Представлены результаты теоретического обзора научной литературы, обобщения эмпирических данных по проблеме.

Ключевые слова: прикладная психология, мультфильм, нравственные установки, дошкольный возраст.

THE ROLE OF CARTOONS IN THE DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN' MORAL ATTITUDES

E. A. Goloyus

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of mass media to the formation of moral attitudes of preschool children. The author notes the weak attention of domestic psychology to the study of the role of cartoons in the development of preschool children. The article presents the results of theoretical review of scientific literature, generalization of empirical data on the problem.

Key words: applied psychology, cartoon, moral attitudes, preschool age.

Проблема формирования и развития нравственной сферы личности является одной из центральных проблем современного общества. По мнению ученых из-за смены социально-экономических отношений в стране, изменились функции государства и направления его политики, что привело к переосмыслению понимания общественного долга, моральной ответственности личности и других моральных ценностей [1]. Особую актуальность этот вопрос приобретает в связи с увеличивающимся влиянием информационных технологий на развитие личности ребенка, включая его нравственные установки. Согласно статистическим исследованиям, современный ребенок проводит не менее 2 часов в день перед экраном ТВ. Что он смотрит, какое влияние оказывает информация, транслируемая с экрана телевизора? Ответы на представленные вопросы, мы постарались найти в нашей работе.

Проведенное нами исследование, направленное на изучение роли мультфильмов в развитии нравственных установок детей дошкольного возраста, включало в себя несколько этапов. На первом этапе, мы исследовали особенности развития нравственных установок у детей старшего дошкольного возраста. Под нравственными установками мы понимаем «готовность добровольно действовать в соответствии с представлениями о добре и зле, готовность к проявлению доброты, помощи, поддержки и толерантности». Нравственные установки относятся к разряду социальных установок и имеют компонентную структуру, включая когнитивный компонент (то есть знания о нормах морали), эмоциональный компонент (отношение к нормам и правилам) и поведенческий компонент (действия в соответствии с нормами общества). На втором этапе мы беседовали с детьми и их родителями, выясняя телевизионные предпочтения

детей. И на третьем этапе исследования мы провели корреляционно-регрессионный анализ данных для определения степени обусловленности развития нравственных установок просмотром различных жанров мультфильмов.

Изучив данные, полученные в ходе первого этапа исследования, мы сделали следующие выводы:

– наиболее высокими показателями характеризуется когнитивный компонент нравственных установок (60 % детей имеют средний уровень, 23 % – высокий уровень развития когнитивного компонента нравственных установок). Полученные сведения свидетельствуют нам о том, что большая часть старших дошкольников хорошо осведомлена в правилах и нормах поведения, они хорошо понимают содержание таких нравственных качеств, как «трудолюбие», «послушание», «жадность», «доброта», «дружелюбие», и возникают небольшие сложности в понимании и усвоении таких качеств как «щедрость» и «лень»;

– чуть менее выраженным по степени развития является эмоциональный компонент нравственных установок (29 % детей имеют низкий уровень, 48 % детей имеют средний и 23 % имеют высокий уровень развития эмоционального компонента нравственных установок). Данный факт проявляется в том, что дети проявляют не сильные по степени выражения эмоциональные реакции на плохие или хорошие поступки (т.е. могут иногда одобрять плохой поступок и не реагировать одобрением на нравственное поведение);

– наименее выраженным по степени развития является поведенческий компонент нравственных установок (47 % детей имеют низкий уровень, 27 % – средний уровень и 26 % – высокий уровень развития поведенческого компонента нравственных установок). Данный факт проявляется в том, что несмотря на то, что в старшем дошкольном возрасте происходит активное формирование умения подчинять свои действия правилу, большая часть детей в ситуациях морального выбора действовали исходя из собственной выгоды, а не в соответствии с нормами общественного одобрения.

Далее на втором этапе исследования мы выяснили предпочтения детей среди мультпродукции и количество времени, уделяемое просмотру различных мультфильмов в неделю. Для более удобного анализа мы распределили мультфильмы по жанровым категориям, сопоставили частоту просмотра мультфильмов с уровнями развития компонентов нравственных установок и произвели корреляционно-регрессионный анализ. В результате чего, нами были получены

следующие коэффициенты детерминации регрессионного анализа, которые представлены в табл. 1.

Анализируя полученные данные, мы можем утверждать, что наибольшая степень влияния обнаруживается между просмотром фантастических мультфильмов и уровнем развития когнитивного и эмоционального компонентов нравственных установок и она составляет 61 и 60 % соответственно. Безусловно, утверждать, что просмотр фантастических мультфильмов – единственный фактор, обуславливающий развитие данных компонентов нравственных установок, мы не можем, так как коэффициенты детерминации не достигают критичного значения в 75 % ($p \leq 0,05$). Более точным будет вывод о том, что полученные коэффициенты детерминации допускают вероятность влияния данного фактора как не единственного оказывающего влияние на развитие исследуемых нравственных установок. Однако, результаты корреляционного анализа подтверждают наличие положительной корреляционной связи между данными параметрами при $p \leq 0,01$. То есть выявленная закономерность проявляется в том, что с увеличением частоты просмотра мультфильмов фантастического жанра уровень когнитивного и эмоционального компонентов нравственных установок возрастает.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа между компонентами нравственных установок и частотой просмотра различных жанров мультфильмов

Компоненты нравственных установок	Жанры мультфильмов				
	Фантастические	Юмористические	Приключенческие	Сказки	Дидактические
Когнитивный	0,61	0,20	0,15	0,12	0,56
Эмоциональный	0,60	0,23	0,25	0,20	0,30
Поведенческий	0,15	0,14	0,16	0,18	0,16

Кроме того, нами была обнаружена отрицательная корреляционная связь между просмотром дидактических мультфильмов и уровнем развития когнитивного компонента нравственных установок, которая выражается в том, что дети с высоким уровнем развития когнитивного компонента нравственных установок значительно реже смотрят мультфильмы, содержащие дидактический контент. При этом степень влияния данного фактора составляет 56 % и также, как и в предыдущем случае свидетельствует о том, что количество времени, проведенное за просмотром дидактических мультфильмов связано с уровнем развитием когнитивного компонента, но является не единственным фактором, определяющим его развитие.

Между остальными исследуемыми параметрами коэффициенты корреляции и детерминации оказались малозначимыми.

Подводя итоги нашему исследованию, мы можем сказать, что поставленная нами цель была достигнута и было установлено, что мультфильмы оказывают влияние на развитие нравственных установок детей дошкольного возраста, однако влияние этого фактора является не единственным для развития нравственных установок дошкольников.

Библиографический список

1. Павлова, Л. Г. Актуальные проблемы формирования нравственно-аксиологической ориентации госслужащих в современной России / Л. Г. Павлова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1999. – № 1.

УДК 373.2.02

РОЛЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СКАЗОК В ФОРМИРОВАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В. В. Гордеева, В. Д. Черенкова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Представлены разработанные авторами методики, повышающие эффективность формирования элементарных математических представлений у детей старшего дошкольного возраста. Авторами проведена работа по определению роли познавательной сказки в дошкольном обучении и воспитании; сделан вывод об универсальности сказки как средства решения практических задач, связанных с обучением и воспитанием дошкольников.

Ключевые слова: дошкольное образование, математическая сказка, обучение, воспитание.

THE COGNITIVE ROLE OF FAIRY TALES IN THE FORMATION OF PRESCHOOL CHILDREN' MATHEMATICAL CONCEPTS

V. V. Gordeeva, V. D. Cherenkova

Penza State University, Penza

Abstract. The work is based on the methods developed by the authors, which increase the efficiency of the formation of elementary mathematical concepts in children of preschool age. The authors conducted a work to determine the role of

cognitive tales in preschool education and upbringing. The article contains the conclusion about the universality of fairy tales as a means of solving practical problems related to the education and upbringing of preschool children.

Key words: preschool education, mathematical fairy tale, training, education.

На сегодняшний день математика занимает значительное место в жизни ребёнка. Современных детей очень рано начинают обучать счёту, учат решать задачи, ориентироваться в пространстве, различать геометрические фигуры и форму предметов, определять время суток и т.д. В связи с этим, очень важно ещё в раннем периоде дошкольного детства правильно сформировать у ребёнка элементарные математические представления.

В непрерывной образовательной деятельности по математике у ребёнка закладывается основа его интеллектуального развития, а так же предпосылки учебной деятельности в целом. На сегодняшний день в практике ДОО применяется большое количество разнообразных игровых и логических задач, направленных на обучение дошкольников математике. Несмотря на это, многие дети, в разный период дошкольного возраста, сталкиваются с проблемами в усвоении элементарных математических представлений. Именно поэтому кроме игровых заданий и логических задач по математике в настоящее время стали широко применяться познавательные сказки, которые направлены не только на усвоение математических понятий, но и на всестороннее развитие личности ребёнка.

Сказка является универсальным средством в решении многих практических задач, связанных с обучением дошкольников. С этим жанром дошкольники знакомятся с раннего детства. Сказка особенно интересна детям, она привлекает их своей композицией, волшебными героями, выразительностью языка, динамичностью событий. Она несет в себе обучающий, воспитывающий и развивающий потенциал, поэтому имеет большое значение в работе с дошкольниками.

Усвоение элементарных математических представлений должно происходить непринужденно для детей, поэтому использование с этой целью сказок позволит заинтересовать детей и облегчить тем самым процесс обучения.

Таким образом, математическая сказка служит инструментом для формирования элементарных математических представлений у дошкольников. Использование таких сказок в непрерывной образовательной деятельности способствует развитию логики, критического мышления, тренировке внимания, памяти, повышению твор-

ческой активности детей. Работая с ними, ребёнок упражняется в решении интеллектуальных задач, учится рассуждать и правильно выполнять задания. В ходе работы со сказкой у дошкольников не только развиваются познавательные процессы, но и формируются нравственные качества, моральные ценности.

В математических сказках оживают геометрические фигуры, математические знаки, числа, цифры и другие математические понятия и категории. При знакомстве с математической сказкой, в процессе усвоения элементарных математических представлений, основное внимание уделяется глубокому пониманию преподносимой информации, активному и сознательному усвоению материала. В ходе работы с подобными сказками дети запоминают волшебных героев, обыгрывают сюжеты, одновременно выполняя задания математического плана и усваивая новые знания.

В старшем дошкольном возрасте ребёнку многие математические понятия ещё недоступны в измерениях логического мышления. Однако новые словесные определения могут быть вполне осмысленны и функциональны, если имеют образно-символические обозначения внутри пространства сказки. Все символы, обозначения, понятия оживают в сказочном математическом мире. В сказках постоянно происходят разнообразные превращения времени и пространства, что позволяет ребёнку обнаружить их существование и осознать свои взаимоотношения с ними.

Удивительной, яркой и запоминающейся может стать непрерывная образовательная деятельность по математике при включении в неё сказочного математического сюжета. Особенность сказочного сюжета, героями которого являются математические понятия, состоит в том, что все действия этих «героев» строго соответствуют свойствам представляемых математических понятий. Поэтому важно, чтобы в сказке присутствовала правильная трактовка нового материала, представленная дошкольникам. Также важным является составление автором несложного и понятного детям текста сказки. Таким образом, математическая сказка должна быть ёмкой и лёгкой к пониманию и прочтению.

В качестве примера одной из математических сказок охарактеризуем авторскую сказку «Помощь бельчонку». С помощью данной сказки у детей формируется умение ориентироваться в пространстве: уточняются понятия «слева», «справа», «посередине»; закрепляются пространственные отношения между предметами, которые выражаются с помощью предлогов «на», «над», «под» и т. д.

Данная сказка может быть использована в работе с детьми старшего дошкольного возраста. Главными героями сказки выступают лесные жители, которые становятся учениками «Лесной школы». По сюжету сказки, в начале осени в школу приходит новый герой – бельчонок, который живёт далеко от лесной школы и никак не может найти дорогу домой. Зверята решают помочь бельчонку научиться ориентироваться в пространстве и легко преодолевать путь от школы до дома.

Слушая увлекательную историю и переживая с героями все их необыкновенные приключения, дошкольники одновременно включаются в решение целого ряда сложных математических задач, учатся рассуждать, логически мыслить. Для того, чтобы дошкольникам было увлекательнее по ходу сказки помогать вместе с лесными жителями бельчонку, в ее сюжет включены увлекательные игры, которые позволяют уточнять и закреплять полученные знания. Примерами таких игр являются: «Найди дорогу домой», «Построй путь», «Нарисуй по правилам», «Где это спрятано», «Выбери дом», «Как помочь бельчонку». Так в игре «Где это спрятано?» дошкольники должны обвести картинку, на которой предмет расположен в соответствии с используемым предлогом: «под столом», «на столе», «над столом» и т.д. В игре «Построй путь» дети на бумаге в клеточку рисуют бельчонку путь домой, уточняя при этом понятия «слева», «справа», «посередине».

Работа с данной сказкой рассчитана на три непрерывных образовательных деятельности. В ходе первой – происходит знакомство детей с героями сказки и её сюжетом, а также уточнение понятий «слева», «справа», «посередине»; закрепление пространственных отношений между предметами, выражаемых с помощью предлогов «на», «под», «над». В ходе второй – дошкольники повторяют сказку и пройденный материал: выполняют новые задания, направленные на повторение и закрепление пространственных представлений. Третья НОД направлена на закрепление знаний по данной математической сказке: дети выполняют задания, после чего дают полное объяснение «Почему стол находится левее от стула?», «Что находится над столом?» т.д. На заключительном этапе работы со сказкой детям предлагается обыграть её по ролям, так как вживаясь в события сказки, ребенок сам становится ее действующим лицом. При этом повышается познавательная активность: он стремится вмешаться в ситуацию и повлиять на нее, запоминает не только события, происходящие в сказке, но и усваивает новый математический материал.

Представленная познавательная сказка насыщена интересными героями и яркими событиями, благодаря которым математический материал запоминается быстро и легко. После прочтения сказки, помимо выполнения игровых заданий, связанных с усвоением математического материала, дошкольникам предлагается пофантазировать и представить на листе бумаги лесных жителей, дом потерявшегося бельчонка, игры зверей. Обычно дети проявляют большой интерес к заданиям такого рода и охотно изображают в рисунке содержание сказки.

В работе с данной математической сказкой используются не только дидактические игры, но и игры, направленные на повышение физической активности, развитие ловкости, смекалки, быстроты реакции малышей, которые также могут проводиться вне образовательной деятельности: «Чей дом больше», «Поменяйся парами», «Догони бельчонка». Некоторые фрагменты или сокращенный вариант сказки можно использовать при проведении математических досугов, а также для работы с детьми в семье.

Таким образом, математическая сказка является эффективным средством формирования математических представлений старших дошкольников, так как дети очень любят сказки, они им понятны и интересны. В сказочных сюжетах зашифрованы ситуации и проблемы, которые переживаются детьми. В сказках математическое начало содержится на самой поверхности, поэтому принимается и усваивается детьми незаметно, непринужденно и легко. В математической сказке может быть собрана вся палитра знаний из разных образовательных областей. В результате чего ребёнок не только изучает математические понятия и усваивает соответствующие представления, но и впитывает полезную информацию, необходимую для дальнейшей учебной деятельности в школе.

УДК 159. 99

СУПРУЖЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЖЕНЩИН КАК ПРЕДИКТОР ИХ РОДИТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ

И. А. Медведева, И. В. Богомолова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Особое внимание уделено проблеме влияния супружеских установок женщин на формирование детско-родительских отношений. Представлены результаты эмпирического исследования данного влияния, опреде-

лены типы супружеских установок на основании сочетания таких критериев, как отношение к автономности или зависимости супругов, отношение к патриархальному или эгалитарному устройству семьи.

Ключевые слова: семья, супружеские установки, родительские позиции.

INSTALLATION OF MARRIED WOMEN AS A PREDICTOR OF THEIR PARENT POSITION

I. A. Medvedeva, I. V. Bogomolova

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of marital attitudes of women on the formation of parent-child relations. The authors presented the results of an empirical study of this influence, determined the types of marital attitudes on the basis of a combination of criteria such as attitude to autonomy or dependence of spouses, attitude to the patriarchal or egalitarian family structure.

Key words: family, marital attitudes, parental positions.

Современные женщины отличаются от представительниц предыдущих поколений большей самостоятельностью, уровнем образованности, включенностью в самые разнообразные профессиональные сферы. Вместе с тем, роль женщины в семье в целом остается результатом сложившихся традиций. Женщины по-прежнему ведут домашнее хозяйство, заботятся о членах семьи, организуют быт и выполняют воспитательные функции [1]. В этой связи исследовательский интерес представляет вопрос о том, как трансформации, затронувшие институт семьи, отражаются на брачных установках современных женщин, и какое влияние супружеские установки оказывают на материнскую модель воспитания.

На базе кафедры «Прикладная психология» Пензенского государственного университета было проведено исследование, в котором супружеские установки рассматриваются как предиктор родительской позиции женщин. В основу исследования было положено предположение о том, что различия в супружеских установках по отношению к автономности/зависимости супругов и по отношению к патриархальному/эгалитарному устройству семьи отражаются в родительских позициях женщин. Родительские позиции женщин диагностировались по когнитивному, эмоциональному и поведенческому компонентам.

Для изучения супружеских установок был использован опросник Ю. Е. Алешиной «Измерение установок в супружеской паре» [2]. Для изучения родительских позиций были использованы следующие методики:

- тест «PARI» – «Родительско-детские отношения» (Е. С. Шефер и Р. К. Белл, адаптация Т. В. Нещерет);
- методика «Анализ семейных взаимоотношений» (Э. Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис);
- методика включенного конфликта (Ю. В. Баскина, А. С. Спиваковская).

На основе диагностических данных по изучению супружеских установок, полученных на выборке из 78 испытуемых, были выделены три группы. В первую группу вошли женщины с установкой на патриархальный уклад семьи; во вторую – испытуемые с установкой на независимость, автономность в супружеских отношениях; третью группу составили женщины с гармоничным, сбалансированным распределением супружеских установок.

По результатам диагностики родительско-детских отношений по методике PARI установлено, что у женщин с гармоничным, сбалансированным распределением супружеских установок самые высокие показатели оптимального эмоционального контакта с детьми. В этой группе наиболее высокие диагностические значения по таким аспектам-признакам родительского отношения, как «побуждение словесных проявлений» и «партнерские отношения» между родителями и ребенком. У женщин с установкой на независимость, автономность в супружеских отношениях показатели оптимального эмоционального контакта с детьми несколько ниже, но, при этом, у них самые высокие диагностические значения по показателю «развитие активности ребенка». Самые низкие диагностические значения оптимального эмоционального контакта с детьми у женщин с установкой на патриархальный уклад семьи. Парное сравнение диагностических значений испытуемых трех групп указывает на значимость различий между всеми группами. Наибольшие значения по этому показателю у женщин с гармоничным, сбалансированным распределением супружеских установок, наименьшие – у женщин с установкой на патриархальный уклад семьи.

Такая характеристика родительской позиции, как излишняя эмоциональная дистанция с ребенком, в большей степени характерна для испытуемых первой и второй групп. Но проявляется она по-разному. У женщин с установкой на патриархальный уклад семьи больше выражен такой её признак, как вспыльчивость и раздражительность, а для женщин с установкой на независимость в супружеских отношениях больше характерны суровость, излишняя строгость и уклонение от контакта с ребенком. Менее всего эмоциональная дистанция с детьми проявилась у испытуемых с

гармоничным, сбалансированным распределением супружеских установок.

По такому показателю родительской позиции, как излишняя концентрация на ребенке самые высокие диагностические значения в группе испытуемых с установками на патриархальный семейный уклад, самые низкие – у женщин с гармоничными, сбалансированными супружескими установками.

В ходе анализа диагностических данных по методике «Анализ семейных взаимоотношений» были рассмотрены такие шкалы, как 1) уровень протекции в процессе воспитания; 2) степень удовлетворения потребностей ребенка; 3) количество и качество требований к ребенку в семье.

Сравнение полученных результатов указывает на преобладание гиперпротекции в воспитательных стратегиях женщин с установкой на патриархальный семейный уклад. В отношениях с детьми испытуемых этой группы отличает сочетание черт потворствования и запретов. Воспитательная позиция женщин с установкой на независимость в супружеских отношениях характеризуется чрезмерностью требований-обязанностей в сочетании с недостаточным стремлением к удовлетворению потребностей ребенка.

Анализ индивидуальных диагностических данных показал, что у женщин с разными супружескими установками нарушения в воспитании детей соответствуют разным типам. Так, для женщин с установкой на патриархальный уклад семьи больше свойственна доминирующая гиперпротекция. У испытуемых с установкой на эгалитарный тип семьи и независимость в супружеских отношениях обнаружена тенденция к такому типу нарушений родительского воспитания, как повышенная моральная ответственность. У женщин с гармоничными сбалансированными супружескими установками выявлена тенденция к потворствующей гиперпротекции.

Диагностические значения по методике включенного конфликта свидетельствуют о достаточно близких показателях по когнитивному компоненту родительской позиции испытуемых всех групп. Этот компонент отражает степень понимания родителями поступков ребенка, знание его проблем и, соответственно, способность адекватно предсказать его поведение в конкретной ситуации. Различий по этому показателю, достигающих диагностической значимости, между группами не обнаружено.

Эмоциональный компонент родительской позиции свидетельствует о преобладающем оттенке в эмоциональном отношении взрослого к ребенку, способность чувствовать его переживания.

Полученные диагностические данные указывают на более низкие значения по этому показателю у женщин с установками на независимость в супружеских отношениях.

Поведенческий компонент родительской позиции отражает степень диалогичности взрослого в воспитании ребенка, его способность учитывать мнение ребенка, принимать его точку зрения, соотносить свои действия с потребностями и намерениями детей. Наиболее высокий результат по этому показателю в группе женщин с гармоничными, сбалансированными супружескими установками.

Обобщая все полученные в ходе исследования данные, приведем описание родительских позиций женщин с разными супружескими установками.

– Женщин с установкой на патриархальный уклад семьи характеризует гиперпекающая родительская позиция. При этом в своих воспитательных воздействиях они меньше ориентированы на партнерские отношения с ребенком, больше – на побуждение словесных проявлений и на развитие активности детей. Излишняя концентрация на ребенке выражается в чрезмерной заботе, в стремлении к созданию безопасности. Женщинам с установкой на патриархальный семейный уклад свойственно чрезмерное вмешательство в мир ребенка, боязнь внесемейных влияний. В отношениях с детьми их отличает сочетание черт потворствования и запретов.

– Женщины с установкой на независимость, автономность в супружеских отношениях ориентированы на развитие активности детей при излишней строгости и сдержанности в эмоциональных контактах. Им не свойственна излишняя концентрация на ребенке. Внимание к детям направлено, прежде всего, на достижение ими успехов. Забота о детях во многом ориентирована на их будущее. Воспитательная позиция женщин с установкой на независимость в супружеских отношениях характеризуется чрезмерностью требований-обязанностей в сочетании с недостаточным стремлением к удовлетворению потребностей ребенка.

– Женщины с гармоничным, сбалансированным распределением супружеских установок в отношениях с детьми ориентированы, прежде всего, на эмоциональный контакт с ними. Их родительские позиции характеризуются побуждением словесных проявлений ребенка, установлением взаимоотношений партнерства. Им не свойственна излишняя концентрация на ребенке, чрезмерное вмешательство в его мир, они оставляют за ребенком право на свои тайны и возможность выбора. Они также не исключают внесемейного влияния на детей, нечасто прибегают к запретам, ориентированы на

диалогичные отношения с ребенком, способны соотносить свои воспитательные действия с потребностями и намерениями детей.

Таким образом, полученные диагностические данные указывают на различия в родительских позициях женщин с разными супружескими установками.

Библиографический список

1. Антонов, А. И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. Н. Медведков. – М. : МГУ, 2010.

2. Алёшина, Ю. Е. Семейное и индивидуальное психологическое консультирование / Ю. Е. Алёшина. – М. : Класс, 2004.

УДК 159.9

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ В ГРУППЕ ДЕТСКОГО САДА

Н. Е. Стенякова, Г. Р. Давыдова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрены проблемы возникновения и особенности проявления агрессивного поведения дошкольников. Представлены результаты эмпирического исследования, определены факторы патологического агрессивного поведения у детей. Особое внимание обращается на то, что агрессивные действия могут быть ослаблены или направлены в социально приемлемые рамки при соблюдении определенных требований со стороны взрослых.

Ключевые слова: дошкольное воспитание, агрессивное поведение, патологическая агрессия.

THE CAUSES AND PECULIARITIES OF MANIFESTATION OF AGGRESSIVE BEHAVIOR OF PRESCHOOL CHILDREN IN THE KINDERGARTEN GROUP

N. E. Stenyakova, G. R. Davydova

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the problem of emergence and peculiarities of manifestation of aggressive behavior of preschool children. The authors presented the results of empirical research, determined the factors of pathological aggressive behavior in children. The article draws attention to the fact that aggressive

actions can be weakened or directed to a socially acceptable framework in compliance with certain requirements on the part of adults.

Key words: preschool education, aggressive behavior, pathological aggression.

До начала XIX века агрессивным считалось любое активное поведение, как доброжелательное, так и враждебное. Позднее, значение этого слова изменилось, стало более узким. Под агрессией стали понимать враждебное поведение в отношении окружающих людей [1].

Агрессия – это любые намеренные действия, которые направлены на причинение ущерба другому человеку, группе людей или животному. Несмотря на различия в определении понятия агрессии у разных авторов, идея причинения ущерба (вреда) другому субъекту присутствует практически всегда. Отличия в определении агрессии обычно связаны с другими, но также очень важными критериями.

Анализ литературы по данной теме показывает, что в различных определениях агрессии обязательно присутствует компонент активности в поведении, которое другим расценивается как причиняющее вред.

Агрессия – причинение ущерба не только человеку или животному, но и вообще всякому неживому объекту [2].

Под агрессией понимается сильная активность, стремление к самоутверждению.

Х. Дельгадо под агрессией понимал акты враждебности, атаки, разрушения, т.е. действия, которые вредят другому лицу или объекту. Человеческая агрессивность есть поведенческая реакция, характеризующаяся проявлением силы в попытке нанести вред или ущерб личности или обществу [3].

Исследование диагностики и коррекции агрессивности у детей дошкольного возраста было проведено О. Н. Истратовой, которая выявила, что одной из линий предупреждения агрессивного поведения и конфликтности детей дошкольного возраста может стать развитие навыков общения [4]. Анализ имеющихся исследований позволяет сделать вывод, что поведение может считаться агрессивным, если имеют место губительные для жертвы последствия или когда нарушены общепринятые нормы. Агрессивность может быть не только жестокой, но и нормальной реакцией индивидуума в ходе борьбы за выживание.

Агрессивные действия могут быть ослаблены или направлены в социально приемлемые рамки с помощью положительного под-

крепления неагрессивного поведения, ориентации человека на позитивную модель поведения, на устранение условий, способствующих проявлению агрессии.

Этиологическими факторами патологического агрессивного поведения у детей являются:

1. Дисгармоничное воспитание.
2. Безнадзорность.
3. Пример агрессивного поведения в ближайшем окружении ребенка.
4. Травматический опыт насилия (морального, физического, сексуального) в семье или вне семьи.
5. Стресс и фрустрация базовых потребностей ребенка.

Поведенческие расстройства диагностируются в том случае, когда имеет место повторяющееся и стойкое поведение, при котором нарушаются или основные права других людей, или важнейшие соответствующие возрасту нормы и правила. Такое поведение наблюдается по меньшей мере шесть месяцев и включает следующие общие критерии (симптомы): ребенок проявляет для своего возраста необычно частые или тяжелые вспышки гнева; часто спорит со взрослыми; часто активно отказывается выполнять требования взрослых или нарушает их правила; намеренно делает вещи, которые досаждают другим людям; часто обвиняет других в своих ошибках или поведении; часто обидчив или ему легко досадить; часто сердится или негодует; часто злобен или мстителен; часто обманывает или нарушает обещания для получения выгоды или уклонения от обязательств; проявляет физическую жестокость по отношению к другим людям или животным (например, связывает жертву, наносит ей порезы, ожоги) и т.д.

В дошкольном возрасте ребёнок проходит путь от осознания себя как физически отдельного самостоятельного индивида к осознанию своих чувств и переживаний. Эти переживания связаны, прежде всего, с конкретной деятельностью: «Я здорово рисую – у меня получилось самое круглое яблоко», «Я такой неуклюжий, всегда спотыкаюсь в догонялки». Ребенок начинает ориентироваться в своих чувствах и переживаниях, относиться к самому себе на основе обобщения переживаний.

Другие новые поведенческие характеристики, хорошо заметны в домашней ситуации: возникновение паузы между обращением к ребенку и его ответной реакцией («как будто не слышит», «надо сто раз повторить»); появление оспаривания со стороны ребенка необходимости выполнить родительскую просьбу или отсрочива-

ние времени ее исполнения; непослушание как отказ от привычных дел и обязанностей; хитрость, как нарушение сложившихся правил в скрытой форме (показывает мокрые руки вместо вымытых); демонстративная «взрослость», иногда вплоть до карикатуры, манеры поведения; обостренное внимание к своему внешнему облику и одежде, главное, чтобы не выглядеть как «маленький».

Встречаются и такие проявления, как упрямство, требовательность, напоминания об обещаниях, капризы, обостренная реакция на критику и ожидание похвалы.

К позитивным моментам могут быть отнесены: заинтересованность в общении со взрослым и внесение в него новых тем; самостоятельность в выполнении отдельных обязанностей, взятых на себя по собственному решению (независимость от родителей); рассудительность.

Все эти изменения в окружении ребенка происходят очень быстро, и не каждый ребенок способен сразу принять их. Возникает сопротивление, желание, чтобы все было как прежде. А если добавить сюда большие учебные нагрузки, то неудивительно, что именно в этот период многие дети начинают выдавать агрессивные реакции: грубить, отказываться выполнять требования взрослых, очень нервно реагировать на замечания (злятся, разбрасывают предметы, портят учебные принадлежности). А если ребенок не справляется с программой подготовки к школе (а его статус в группе во многом зависит от успеваемости), то вероятность развития агрессивности увеличивается.

Дошкольник должен уметь взаимодействовать со сверстниками, выполнять требования воспитателя, контролировать свое поведение. У него появляется обязательная, общественно значимая, общественно контролируемая деятельность – учебная, он должен подчиняться системе ее правил и нести ответственность за их нарушение.

Старший дошкольный период достаточно опасен для развития и закрепления агрессивности. Именно в это время ребенок обретает определенный статус среди сверстников и взрослых, который, скорее всего, сохранится на протяжении всей младшей и средней школы. И если о ком-либо у них сформируется негативное мнение, то поменять его будет очень сложно: ребёнка будут дразнить, обижать. Несоответствие желаемого положения ребенка в классе его реальному положению обязательно вызовет у него гнев, агрессию.

Агрессивность дошкольников зависит от целого ряда факторов – культурных, семейных, индивидуальных. Чем старше ребенок, тем большую роль в его поведении играет среда воспитания:

эмоциональные отношения, которые существуют в семье, конфликты, принятые формы поведения, реакция взрослых на различные действия ребенка, принципы воспитания. Социальная среда больше воздействует на формирование агрессивности ребенка, чем врожденная предрасположенность (возбудимость нервной системы).

Одной из самых больших и распространенных ошибок взрослых (даже специалистов – в основном, педагогов) является стремление подавлять всяческие проявления детской агрессивности. Большинство взрослых отождествляют агрессию с насилием и стараются запрещать игры и фантазии с проявлениями враждебности, относя их к разряду патологии. Дети, которых регулярно за это наказывают, тоже начинают считать такие мысли, эмоции и действия опасными и недостойными и затормаживают, подавляют их, со всеми вытекающими неприятными последствиями.

Почему-то большинство педагогов считает, что подавление агрессивных проявлений приведет к установлению обстановки дружелюбия и уравновешенности. К сожалению, это просто совершенно неверно, но даже опасно: подавленная агрессия не исчезает, а накапливается в бессознательном ребенка. В один отнюдь не прекрасный день она вырывается наружу в виде яростного взрыва, причем обычно достается людям невиновным. При этом детская агрессивность вызывает встречную агрессию у взрослых и сверстников и образуется порочный круг, выбраться из которого без помощи специалиста участники часто не могут.

Таким образом, агрессивное поведение ребенка, прежде всего, вызывается недостатком нежной заботы и привязанности со стороны одного или обоих родителей. Семья должна создать «минимальные условия» эффективной социализации.

Библиографический список

1. Банщикова, Т. Н. Профессионально-личностная готовность воспитателя к предупреждению агрессивности у дошкольников : дис. ... канд. психол. наук / Банщикова Т. Н. – М., 2001. – 186 с.
2. Васильченко, Н. А. Особенности агрессивности и образа родителей и дошкольников : дис. ... канд. психол. наук / Васильченко Н. А. – Краснодар, 2005. – 162 с.
3. Завражин, С. А. Агрессивные фантазии в детском и подростковом возрасте / С. А. Завражин // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 43.
4. Рогов, Е. И. Настольная книга практического психолога : учеб. пособие : в 2 кн. / Е. И. Рогов. – М. : ВЛАДОС, 2001. – Кн. 1: Система работы психолога с детьми разного возраста. – С. 240–246.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОБ ИДЕАЛЬНЫХ ОБРАЗАХ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Л. Ю. Бухлина, О. С. Хромова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрена проблема содержания социальных стереотипов образов мужчин и женщин. Приведены исследования представлений старшеклассников об идеалах мужчин и женщин. Подтверждено предположение о различиях данных представлений в раннем юношеском возрасте по половому и гендерному признакам.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, гендерные идеалы, старшеклассники.

GENDER PREFERENCES IN REPRESENTATIONS OF PERFECT IMAGES OF MEN AND WOMEN OF SENIOR PUPILS

L. Y. Bukhlina, O. S. Khromova

Penza State University, Penza

Abstract. The article deals with the problem of the content of social stereotypes of images of men and women. The authors conducted a study of the ideas of high school students about the ideals of men and women. The results of the study confirm the assumption of differences in these ideas in early adolescence by sex and gender.

Key words: gender stereotypes, gender ideals, senior pupils.

Поведение человека обусловлено многими факторами, в том числе поло-ролевыми стандартами поведения. Эти социальные стандарты формируются под влиянием социокультурной среды, семейных сценариев. «Социальный образ» или «социальный стереотип» определяются Е. М. Бабосовым и В. И. Русецкой как «схематичное, стандартизированное и устойчиво выраженное представление о социальном объекте или явлении, как правило, эмоционально окрашенном... Его социально-психологическая основа – формирование социальной установки, ценностно значимой для данной личности в ее деятельности и общении, субъективно существующей в виде устойчивого образа, нормы поведения» [3, 352]. Это позволяет соотнести идентичную фактуру «стереотипа» и «об-

раза» по вектору: «реальный» и «идеальный». Соответственно ценность такого понятия как «идеальный образ» состоит в том, что оно имеет две взаимовлияющие стороны, определяя одновременно и то, чего человеку недостает, и то, к чему он стремится, каким хотел бы видеть себя и других. Это – своего рода конкретизация жизненного сценария по половому признаку, модуль социального поведения индивида, с одной стороны, имеющий корни в его прошлом социальном опыте, а с другой – обращенный к идеалу, в будущее.

Зная фактуру и динамику изменения в структуре идеальных образов мужчины и женщины сегодняшних старшекласников, можно более целенаправленно формировать социальную политику органов власти, сферы образования и культуры, в том числе определять концепцию средств массовой информации и пропаганды, не говоря уже о непосредственной задаче – повышении качества брачно-семейных отношений. В контексте тематики нашей работы особенно важным является то, что категория «реальные и идеальные образы юношей и девушек» может стать действенным инструментом для просветительской работы с молодежью по вопросам межличностных отношений.

Нами было проведено исследование представлений образов «идеальный юноша» и «идеальная девушка» старшекласников в зависимости от пола и гендерной позиции. Исследованию подверглись 119 школьников 10–11-х классов МБОУ СОШ № 65/23 г. Пенза.

Для определения гендерной позиции и выявления выраженности типов личности (феминный, маскулинный, андрогинный) был использован опросник С. Бэма. В итоге обнаружилось, что большинство испытуемых (58 %) соотнесли себя с андрогинным типом, сочетающим в себе ряд положительных качеств разных типов. Для андрогиннов характерна способность менять свое поведение в зависимости от обстоятельств, что и помогает им достичь успехов или справиться с различными видами стресса.

Крайняя гендерная позиция характерна для меньшей части выборки, так только 24 % девушки соотнесли себя с феминным и 18 % юношей – с маскулинными типами.

С целью исследования образов «идеальный мужчина» / «идеальная женщина» использовался опросник Петренко В. Ф. Результаты испытаний выявили, что в образе «идеального мужчины» в представлении юношей преобладают маскулинные черты (54 %), такие как уверенность, целеустремленность, бесстрашие, решительность, центрированность, непоколебимость, практичность, постоянство, логичность. В меньшей степени присутствуют андро-

гинные черты (33 %), при этом «идеальный мужчина» не лишен и феменинных черт (13 %): уступчивости, осторожности, сострадания, изменчивости, чувствительности, склонность к анализу, интуитивности, тщательности, сентиментальности.

В образе «идеальной женщины» юноши делали выраженный акцент на феменинности (50 %), несколько разбавляя его андрогинностью (29 %) и в меньшей степени маскулинностью (21 %). Таким образом, «идеальная женщина» в представлении юношей, это – осторожная, чувствительная женщина, которая может сострадать, но в тоже время уверенная в себе и целеустремленная.

В образе «идеального мужчины» большое значение девушки придают маскулинным чертам (72 %), и значительно меньшее андрогинным (23 %). Соответственно «идеальный мужчина» в глазах девушек, это уверенный, целеустремленный, решительный, рациональный, логичный. Девушки хотят видеть сильного, практичного мужчину.

Рядом с маскулинным «идеальным мужчиной» девушки видят вовсе не феменинную «идеальную женщину». В этом образе примерно в равной степени сочетаются феменинность (42 %) и андрогинность (40 %) при наличии маскулинных черт (21 %). Таким образом, это сильная, целеустремленная, в тоже время эмоциональная, заботливая женщина, проявляющая эмпатию и способная на инстинктивность.

Далее рассмотрим социальные образы мужчины и женщины глазами старшеклассников в зависимости от гендерной позиции.

В представлении о «настоящем мужчине» юноши маскулинного типа указывают на преобладание маскулинных (58 %) и одинаковое количество феменинных (21 %) и андрогинных (21 %) характеристик. В глазах юношей доверие вызывают такие характеристики как уверенность, внимательность к потребностям других, организованность. Маскулинные юноши как бы проецируют свои качества на образ идеального мужчины.

«Настоящий мужчина» в представлении юношей андрогинного типа примерно в равных долях обладает маскулинными (50 %) и андрогинными (45 %) характеристиками и незначительно – феменинными (5 %).

Сравнивая образ «идеального мужчины» юношей маскулинного и андрогинного типа следует отметить их схожесть, при этом маскулинные юноши позволяют себе феминизировать этот образ на 1/5, тогда как их андрогинные сверстники сокращают эту долю в четыре раза, за счет расширения андрогинных черт.

В образе идеального мужчины в представлении девушек фемининного типа маскулинные черты (80 %) занимают ведущую роль на фоне незначительности андрогинных (20 %). При этом отсутствуют фемининные черты, так чувственный, мягкий, ранимый мужчина – это герой другого романа для фемининных девушек. Их герой это носитель абсолютно «мужских», сильных качеств.

В представлениях о настоящем мужчине девушек андрогинного типа также преобладают маскулинные черты (65 %). Доля фемининных (25 %) и андрогинных (10 %) черт представлена в меньшей степени.

Фемининные девушки отдают большее предпочтение маскулинным чертам, чем их андрогинные сверстницы. Чувство уверенности и силы в себе у девушек андрогинного типа значительно выше, поэтому они не исключают наличие фемининных черт в мужчине, а девушки фемининного типа ориентируются больше на внешнюю силу, защиту «настоящего мужчины», максимально маскулизируя его.

В своих представлениях о «настоящей женщине» юноши маскулинного типа преимущество отдают андрогинным чертам (50 %), а потом только фемининным (25 %) и маскулинным (25 %) чертам, это свидетельствует о том, что юноши не хотят видеть чисто фемининную девушку.

В представлениях о «типично женских» качествах юноши андрогинного типа указывают на фемининные качества (50 %). Образ дополняют андрогинные (32 %) и в меньшей степени маскулинные (18 %) черты.

Юноши маскулинного типа видят сильную женщину, с преобладанием андрогинных черт, в то время как юноши андрогинного типа представляют более нежную, фемининную девушку, которую можно защитить.

Девушки фемининного типа в образе «настоящей женщины» дали предпочтение фемининным (44 %) и андрогинным (44 %) чертам личности. Нашлось место и для маскулинных черт (12 %).

Девушки андрогинного типа в образе «настоящей женщины» выделили фемининные черты (40 %), в меньшей степени андрогинные черты (36 %), а затем маскулинные черты (24 %).

У девушек фемининного и андрогинного типов образ «идеальной женщины» схож. Различие составляет в том, что девушки андрогинного типа дают большее предпочтение маскулинным чертам, чем девушки фемининного типа, тем самым придавая образу большую жесткость.

Таким образом, выявлены схожие представления в образах «идеального мужчины» и «идеальной женщины» у андрогинных юношей и девушек. Это может свидетельствовать о том, что для данного гендерного типа характерна пластичность и универсальность качеств, которые хорошо подходят как мужчинам, так и женщинам. Девушки и юноши данного типа ценят схожие качества в социальных образах.

В заключении можно сказать, что в представлениях школьников о «идеальном мужчине» не выявлено резкой дифференциации между гендерными составляющими. В общем, цельный образ идеального мужчины представляет маскулинно-андрогинный тип, то же можно отнести и к фемининно-андрогинной «идеальной женщине».

Библиографический список

1. Антонов, А. И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. Н. Медведков. – М. : МГУ, 2010. – 304 с.
2. Алёшина, Ю. Е. Семейное и индивидуальное психологическое консультирование / Ю. Е. Алёшина. – М. : Класс, 2004. – 284 с.
3. Бабосов, Е. М. Социология : энцикл. словарь / Е. М. Бабосов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 480 с.
4. Клецина, И. С. Гендерная социализация / И. С. Клецина. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 92 с.

УДК 159. 99

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К БЫСТРОМУ РАЗВИТИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО СОЦИУМА

М. В. Журавлева, И. А. Щебельская

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрена проблема социальной адаптации личности в условиях ускоряющегося развития информационного социума. Характерные черты личности, препятствующие процессу адаптации, – консерватизм и ригидность, неспособность действовать и принимать решения в быстро меняющихся условиях. Выявлены различные виды ригидности у разных поколений.

Ключевые слова: социальная адаптация личности, информационный социум, ригидность.

THE PROBLEM OF PERSONALITY ADAPTATION TO THE RAPID DEVELOPMENT OF INFORMATION SOCIETY

M. V. Zhuravleva, I. A. Shchebelskaya

Penza State University, Penza

Abstract. The article deals with the problem of social adaptation of the individual in the conditions of accelerating development of information society. The characteristics of the individual, impeding the process of adaptation, are conservatism and rigidity, inability to act and make decisions in a rapidly changing environment. The authors have identified different types of rigidity in different generations.

Key words: social adaptation of personality, information society, rigidity.

Для современного общества характерна активная информатизация, т.е. процесс производства и распространения знаний и информации в обществе на основе современных информационных и телекоммуникационных технологий. Данный процесс затрагивает не только сферу профессиональной деятельности, но и сферу личностных интересов. В связи с развитием новых информационных технологий последних десятилетий для представителей поколений X и Y становятся актуальными различия в уровне адаптации к условиям информационного социума. У представителей поколения Y есть ряд преимуществ в процессе адаптации, поскольку социализация миллениумов (Y) проходила в период глобальных изменений в информационной и технических сферах. Представители данного поколения склонны получать информацию через интернет-источники без посредников, например, в лице учителя или наставника. В то время как представители поколения X более склонны к получению информации непосредственно через книги или иные «офлайн способы». Представители данного поколения застали изменения в информационной сфере тогда, когда опыт получения и воспроизведения информации, навыки по ее обработке и общая ценность информации были уже сформированы, и потому, на наш взгляд, для данной возрастной группы характерны более высокие показатели консервативности и ригидности в процессе получения и воспроизведения информации. В свою очередь консерватизм и ригидность поколения X препятствует возможности интеллектуального и личностного развития, самореализации, которые раскрываются во взаимодействии человека со средой, делая его более эффективным, создавая меньше оснований для формирования стереотипов [1].

На сегодняшний день существует много исследований, описывающих различия в психологических характеристиках представителей различных поколений, но, на наш взгляд, существует дефицит исследований по проблеме особенностей адаптации к быстроизменяющимся условиям информационного социума.

На базе кафедры «Прикладная психология» ПГУ было проведено исследование, направленное на выявление различий в показателях ригидности представителей поколений X и Y. В исследовании приняли участие 30 человек: 15 человек юношеского возраста (20–25 лет) и 15 человек зрелого возраста (40–50 лет).

В процессе исследования была проведена диагностика с помощью таких методик, как методика «Диагностика ригидности» Г. Айзенка [2] и томский опросник ригидности (ТОР) Г. В. Залевского [3].

С помощью методики Г. Айзенка в исследуемых группах были определены уровни ригидности – высокий, средний, низкий.

По итогам диагностики было выявлено, что большинство человек, принадлежащих поколению Y, имеют низкий уровень ригидности (60 %), тогда как в группе представителей поколения X такой уровень продиагностирован у 13,4 % респондентов. Люди с низким уровнем ригидности быстрее ориентируются в новом информационном поле, гибко перестраиваются в меняющихся обстоятельствах, им присуща легкая переключаемость с одной установки на другую.

Средний уровень ригидности был выявлен у 20 % испытуемых, принадлежащих поколению Y и у 13,2 % испытуемых, принадлежащих поколению X. Такой уровень ригидности отражает склонность человека действовать по ранее выработанным стереотипам в сочетании со способностью к адаптации в различных повседневных ситуациях. В условиях, объективно требующих перестройки стереотипа поведения, у них, как правило, не возникает проблем, и они достаточно быстро находят правильный способ реагирования.

Большая часть испытуемых, относящихся к поколению X, имеют высокий уровень ригидности (73,4 %), тогда как среди представителей поколения Y таких только 20 %. Высокий уровень ригидности свидетельствует о частых затруднениях, возникающих в процессе деятельности, особенно в ситуациях принятия решений, о неспособности в изменении намеченной программы действий в условиях, объективно требующих ее перестройки. Люди с высо-

ким уровнем ригидности неспособны быстро оценить изменяющуюся обстановку и приспособиться к ней, и в динамичных ситуациях, требующих быстрого принятия решения, они малоэффективны.

По итогам диагностики уровня ригидности по опроснику Г. В. Залевского были получены следующие результаты.

Большинство испытуемых поколения X имеют высокие показатели по шкале общей ригидности (80 %). Данные результаты говорят о вероятной неспособности при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания и т.п. В то время как 33,3 % испытуемых поколения Y имеют средний показатель по данной шкале.

По шкале сенситивной ригидности высокие показатели преобладают у поколения X (80 %), тогда когда в группе испытуемых поколения Y этот показатель выявлен у 46,7 %. Данная шкала отражает эмоциональную реакцию человека на новое, на ситуации, требующие каких-либо изменений, возможно, страх перед новым, своего рода неophobia.

По шкале «установочная ригидность» 66,7 % испытуемых поколения X имеют высокие показатели, тогда как у большинства испытуемых поколения Y показатели по этой шкале являются низкими. Этот показатель также отражает личностный уровень проявления ПР, выраженный в позиции, отношении или установке на принятие/непринятие необходимости изменения самого себя – самооценки, уровня притязаний, системы ценностей, привычек и т.п.

По шкале «ригидность как состояние» 46,7 % испытуемых поколения X имеют высокие показатели, которые свидетельствуют о том, что в состоянии страха, стресса, утомления или какого либо болезненного состояния, человек в высокой степени склонен к ригидному поведению. У испытуемых поколения Y высокие показатели по данной шкале составляют 13,3 %.

По шкале «преморбидная ригидность» 73,3 % испытуемых поколения X имеют высокие показатели, тогда как в группе испытуемых поколения Y такие показатели продиагностированы у 40 %. Высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о том, что человек уже на более ранних этапах социализации, в подростковом и раннеюношеском возрасте, испытывал трудности в ситуациях неопределенности, в условиях каких-либо перемен, изменений его жизненного пространства.

Данные диагностики по шкале реальности отражают тот факт, что представителям поколения X свойственно принимать решения, исходя из своих предположений, тогда как представители поколе-

ния Y чаще опираются на свой опыт. Диагностические значения по этой шкале у испытуемых поколения Y составляют 26,7 %, у испытуемых поколения X 13,3 %.

Данные обработки эмпирического материала с помощью метода математической статистики (Т-критерий Стьюдента) указывают на диагностически значимые различия по показателям ригидности представителей двух поколений. Для старшего поколения характерна склонность к ригидному поведению, подверженность стереотипизации собственного опыта в силу сформировавшихся фиксированных установок, что препятствует процессу их адаптации к быстрому развитию информационного социума.

Библиографический список

1. Вершинская, О. Н. Адаптация общества к новым информационным технологиям: новые возможности и новое социальное неравенство / О. Н. Вершинская // Информационное общество. – 1999. – № 1. – С. 25–29.

2. Залевский, Г. В. Психическая ригидность в норме и патологии / Г. В. Залевский. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1993. – 19 с.

3. Райгородский, Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие / Д. Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ-М, 2001. – 672 с.

УДК 316.6

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

С. А. Памфилова, Е. А. Савина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Аннотация. Рассмотрена проблема профессиональной направленности студентов. Осознанный выбор профессии определяет эффективность учебной и профессиональной деятельности. Представлены результаты эмпирического исследования мотивационного компонента профессиональной направленности студентов.

Ключевые слова: информационное общество, профессиональная направленность, образ профессиональной деятельности.

PROFESSIONAL ORIENTATION AS THE FACTOR OF FORMATION OF THE IMAGE OF THE FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF THE INDIVIDUAL IN THE INFORMATION SOCIETY

S. A. Pamfilova, E. A. Savina

Penza State University, Penza

Abstract. The article is devoted to the problem of professional orientation of students. Conscious choice of profession determines the effectiveness of training and professional activities. The article presents the results of empirical research of motivational component of professional orientation of students.

Key words: information society, professional orientation, image of professional activity.

На сегодняшний день в развивающемся информационном обществе мир профессий настолько динамичен и непостоянен, что личности постоянно приходится подстраиваться под социальные, экономические и политические изменения и интегрировать необходимые навыки и умения.

Предполагается, что каждый человек должен активно демонстрировать свои умения на рынке профессий, быть мобильным и самостоятельно определять, соответствуют ли его личностные и деловые качества будущей специальности, чтобы правильно сделать свой профессиональный выбор.

Успешность в профессионально-трудовых отношениях, возможность карьерного роста зависят не только от способности молодых людей ориентироваться в мире профессий, но и от уже сложившегося образа будущей профессиональной деятельности.

Поэтому проблема формирования профессиональной направленности как фактор формирования образа будущей профессиональной деятельности личности как никогда соответствует запросам общества и является актуальной.

Рассматривая подходы к изучению образа профессии, можно отметить, что образ профессии выступает как [1]:

1) система, состоящая из взаимодополняющих компонентов (Е. А. Климов, А. А. Гопкало, Е. Ф. Платаш);

2) как некое образование, формирующееся в процессе профессионального становления и развития (С. В. Зиброва, М. Н. Рыбникова);

3) как представления человека о своей профессии (А.М. Сосновская, Н. В. Курбет).

Обобщая выше перечисленные определения, можно сказать, что образ профессии представляет собой совокупность представлений человека о профессиональной деятельности и о себе как профессионале, включающая в себя взаимодополняющие компоненты, которые отражают знания о профессии, отношение к ней, к себе как профессионалу, профессиональную позицию личности и стремление стать профессионалом.

Образ профессии складывается из представлений о ней как трудовой деятельности, которая имеет четко заданную структуру и содержание: цели, представления о результате труда, предмет, средства труда; совокупность служебных обязанностей и прав, производственную среду, предметные и социальные условия труда [3].

Образ профессии, как было сказано ранее, динамичен и складывается на протяжении всей деятельности человека, но его основа закладывается в процессе обучения, первых профессиональных шагов и влияет на профессиональное самоопределение и профессиональную направленность.

Образ профессии наполнен и мотивационным компонентом, его развитие зависит от степени интериоризации содержания каждого отдельного мотива и имеет побудительную силу.

Одним из факторов формирования будущего образа профессии является направленность, под которой понимают совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности и относительно независимых от наличной ситуации. По мнению Э. Ф. Зеера, профессиональная направленность – это интегральное качество личности, которое определяет отношение человека к профессии. Она придает всей учебно-трудовой деятельности учащегося глубокий личностный смысл, повышая тем самым качество усвоения профессиональных знаний, умений, навыков [2].

Никиреев Е. М. выделяет несколько уровней профессиональной направленности личности, под которой понимает степень соответствия ведущего мотива предпочтения профессии (следовательно, личностного смысла) объективному содержанию профессии [4]. При высоком уровне для личности более актуальным является объективная сторона профессиональной деятельности, ее цели, содержание, средства, задачи. При низком уровне направленности ведущий мотив заложен не столько в самой деятельности, сколько во внешних условиях труда [4]. Основной показатель уровня – содержательность и глубина профессионального интереса с учетом его положения в системе мотивов, образующих профессиональную направленность. Очевидно, что без достаточно высокого уровня

профессиональной направленности невозможно оптимальное взаимодействие между человеком и избираемым им трудом.

Котухов А. Н., Моисеев А. А. выделили следующие компоненты профессиональной направленности:

- мотивы (намерения, интересы, склонности, идеалы);
- ценностные ориентации (смысл труда, заработная плата, благосостояние, квалификация, карьера, социальное положение и др.);
- профессиональная позиция (отношение к профессии, установки, ожидание и готовность к профессиональному развитию);
- социально-профессиональный статус [3].

На разных стадиях становления эти компоненты имеют различное психологическое содержание, обусловленное индивидуальными особенностями личности и уровнем профессионального развития.

В связи с этим было предпринято исследование профессиональной направленности у студентов, проводившееся в ПГУ, в котором в качестве испытуемых приняли участие студенты 1-го и 4-го курсов в количестве 30 человек.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что профессиональная направленность студентов 1-го и 4-го курсов различаются по мотивационному компоненту, у четверокурсников более выражены внутренние мотивы профессиональной деятельности, чем у первокурсников.

Для проверки нашей гипотезы были использованы следующие методики: методика изучения мотивации профессиональной деятельности К. Замфир в модификации А. Реана; опросник терминальных ценностей Н. Г. Сенина; методика изучения факторов привлекательности профессии В. Я. Ядова; методика изучения статусов профессиональной идентичности А. А. Азбель, А. Г. Грецова.

По результатам диагностики мотивации к профессиональной деятельности можно отметить, что у студентов 4 курса (60 %) в отличие от студентов 1 курса (40 %) в большей степени распространен внутренний мотив, который говорит о заинтересованности самим содержанием их будущей профессиональной деятельности. У 40 % четверокурсников и 20 % первокурсников была обнаружена внешняя отрицательная мотивация, интерес таких испытуемых лежит за пределом их профессиональной деятельности, она их либо не привлекает, либо они большее внимание уделяют проведению досуга. У 40 % первокурсников так же обнаружена внешняя положительная мотивация, которая может быть связана либо с престиж-

ностью профессии, либо с нацеленностью на получение диплома об успешном окончании образования.

При изучении терминальных ценностей у части первокурсников (40 %) доминирующими ценностями являются материальное положение, обеспеченность своей жизни, так же как и у 40% четверокурсников. Вместе с тем у четверокурсников наряду с материальным положением имеет большое значение ценность достижения (40 %). Одинаковое количество студентов как 1-го, так и 4-го курсов ориентированы на развитие себя и своих личностных качеств (по 20 % в каждой группе). Каждый пятый первокурсник (20 %) ориентирован на креативность и духовные ценности.

Стоит отметить, что у студентов-первокурсников первое место занимают такие сферы жизни как обучение (60 %) и профессиональная жизнь (40 %). Для студентов 4-го курса предпочтительней профессиональная (40 %) и семейная жизнь (40 %), а лишь у 20 % на первый план выступает обучение.

Наиболее привлекательным фактором в выбранной профессии для студентов является то, что данная профессия имеет непосредственную работу с людьми ($r = 0,8$ $p \leq 0,05$).

Результаты диагностики типа профессиональной идентичности показали, что одинаковое количество студентов (60 %) имеют статус сформированной идентичности, но по уровню ее развития она находится у испытуемых либо на ступени средней, либо ниже средней. У таких испытуемых присутствует уверенность в правильности принятого решения об их профессиональном будущем. Этим статусом обладают юноши и девушки, которые прошли через «кризис выбора» и самостоятельно сформировали систему знаний о себе и о своих профессиональных ценностях, целях и жизненных убеждениях.

Для 40 % первокурсников и 20 % четверокурсников характерен мораторий развития идентичности. Это означает, что у испытуемых есть альтернативные варианты профессионального развития и активно пытающегося выйти из этого состояния, приняв осмысленное решение в отношении своего будущего. Эти юноши и девушки размышляют о возможных вариантах профессионального развития, примеряют на себя различные профессиональные роли, стремятся как можно больше узнать о разных специальностях и путях их получения.

Кроме того, у 20 % четверокурсников наблюдается неопределенная идентичность, т.е. отсутствие прочных профессиональных

целей и планов, а также намерений сформировать, выстроить варианты своего профессионального развития.

Таким образом, можно выводить, что профессиональная направленность как фактор формирования будущей профессиональной деятельности, имеет мотивационный характер и движет успехами и достижениями в трудовой среде.

Библиографический список

1. Володина, К. А. Изучение образа профессии у студентов-психологов / К. А. Володина // Концепт. – 2013. – № 7.

2. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования : учеб. пособие / Э. Ф. Зеер. – Екатеринбург, 2000.

3. Котухов, А. Н. Профессиональная направленность: сущность и структура / А. Н. Котухов, А. А. Моисеев // Молодой ученый. – 2017. – № 12. – С. 182–190.

4. Никиреев, Е. М. Направленность личности и методы ее исследования / Е. М. Никиреев. – М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : Изд-во НПО МОДЭК, 2004.

Сведения об авторах

Бадаева Елена Равилевна – ассистент кафедры «Теория и практика социальной работы», ФППиСН ПГУ.

Бобровцева Татьяна Михайловна – старший преподаватель кафедры «Изобразительное искусство и культурология», ФППиСН ПГУ.

Богомолова Ирина Вячеславовна – студентка группы 163НППМ1, ФППиСН ПГУ.

Бузыкина Юлия Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология», ФППиСН ПГУ.

Бухлина Лариса Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Прикладная психология», ФППиСН ПГУ.

Викторова Елена Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика социальной работы», ФППиСН ПГУ.

Голоюс Елена Андреевна – старший преподаватель кафедры «Прикладная психология», ФППиСН ПГУ.

Гордеева Вероника Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Дошкольное и дефектологическое образование», ФППиСН ПГУ.

Груздова Ольга Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Педагогика и психология», ФППиСН ПГУ.

Давыдова Гузель Руслановна – студентка группы 173НППМ1, ФППиСН ПГУ.

Дудина Анастасия Николаевна – аспирант направления 47.06.01 «Философия, этика и религиоведение», ФППиСН ПГУ.

Журавлева Марина Владимировна – студентка группы 17НППМ1, ФППиСН ПГУ.

Каравайкина Олеся Дмитриевна – студентка группы 17НРМ1, ФППиСН ПГУ.

Козина Галина Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика социальной работы», ФППиСН ПГУ.

Кузнецов Максим Владимирович – аспирант направления 47.06.01 «Философия, этика и религиоведение», ФППиСН ПГУ.

Кузнецова Татьяна Николаевна – студентка группы 17НРМ1, ФППиСН ПГУ.

Курдина Людмила Сергеевна – студентка группы 17НРм1, ФППиСН ПГУ.

Лавренова Татьяна Ивановна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и практика социальной работы», ФППиСН ПГУ.

Лалин Александр Дмитриевич – студент группы 17НР1, ФППиСН ПГУ.

Медведева Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Прикладная психология», ФППиСН ПГУ.

Мясников Андрей Геннадьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Методология науки, социальные теории и технологии», ФППиСН ПГУ.

Очкина Анна Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Методология науки, социальные теории и технологии», ФППиСН ПГУ.

Памфилова Светлана Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Прикладная психология», ФППиСН ПГУ.

Полуянова Анастасия Николаевна – студентка группы 17НРм1, ФППиСН ПГУ.

Савина Екатерина Андреевна – студентка группы 163НППм1, ФППиСН ПГУ.

Синев Евгений Николаевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Методология науки, социальные теории и технологии», ФППиСН ПГУ.

Снадина Елена Николаевна – студентка группы 17НРм1, ФППиСН ПГУ.

Стенякова Наталья Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Педагогика и психология», ФППиСН ПГУ.

Терехина Татьяна Александровна – студентка группы 173НППм2, ФППиСН ПГУ.

Тугаров Александр Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры «Теория и практика социальной работы», декан ФППиСН ПГУ.

Хакимова Эльвира Алиулловна – студентка группы 15НР1, ФППиСН ПГУ.

Хромова Ольга Сергеевна – студентка группы 163НППм1, ФППиСН ПГУ.

Черенкова Валерия Дмитриевна – студентка группы 15НПД1, ФППиСН ПГУ.

Шевцова Элина Александровна – аспирант направления 47.06.01 «Философия, этика и религиоведение», ФППиСН ПГУ.

Щебельская Ирина Андреевна – студентка группы 17НППм1, ФППиСН ПГУ.

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЦИФРОВОГО СОЦИУМА

Сборник научных статей
по материалам научно-практической конференции
«XVIII Социологические чтения»

Под редакцией
кандидата философских наук, доцента *Т. И. Лавреновой*

Материалы публикуются в авторской редакции

Технический редактор *М. Б. Жучкова*
Компьютерная верстка *М. Б. Жучковой*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 24.12.2018.
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,79.
Тираж 100. Заказ № 709.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru